

Хеннинг МАНКЕЛЛЬ

МАЛЬЧИК, СПЯЩИЙ НА ЗАСНЕЖЕННОЙ КРОВАТИ

ISBN 5-87902-051-7

9 785879 020519 >

HENNING MANKELL

Pojken som sov med snö i sin säng.

Den tredje berättelsen om Joel.

*

Rabén & Sjögren

ХЕННИНГ МАНКЕЛЛЬ

*Мальчик, спящий
на заснеженной кровати*

Третья повесть о Юэле

*

Издательство «МИК»
Москва, 2000

УДК 821.113.6-93Манкелль
ББК 84(4Шве)-44
М 77

Манкелль Хеннинг

М 77 Мальчик, спящий на заснеженной кровати: третья повесть о Юэле / Перевод со шведского Е. Ермалинской. — М.: Издательство «МИК», 2000. — 136 с.
ISBN 5-87902-051-7

ISBN 5-87902-051-7 © Henning Mankell, 1996.
Pojken som sov med snö i sin säng. Den tredje berättelsen om Joel. First published by AB Rabén & Sjögren Bokförlag, Sweden, in 1996
© Е. Ермалинская,
перевод со шведского, 2000
© Издательство «МИК», 2000
© Оформление Д. Манахина, 2000

Перед тем как тихо выпал снег...

Я уже рассказывал о Юэле раньше. О том, как он жил в маленьком городке в крае Норланд. Это было в пятидесятые годы. Так давно. И все же так недавно.

Юэль жил в доме со скрипучими стенами на берегу чистой реки, бегущей к морю, которого он никогда не видел. Он жил со своим отцом, папой Самуэлем, молчаливым лесорубом, который когда-то был моряком и очень хотел уехать из мрачного леса к морю, но никак не мог решиться. Они жили вдвоем, Юэль Густафсон и его папа. И мечтали, каждый по-своему, о маме Енни, которая однажды исчезла. Просто взяла свою сумку и ушла. Где-то она есть. Но она далеко — она ушла, оставив их одних. И теперь никто не знает, где она.

Молчат лесные ели.

Однажды зимой Юэлю привиделась собака, которая бежала сквозь холодную темную ночь. Почему-то он проснулся. Забрался на подоконник и вдруг увидел в окне собаку. Она бежала, неслышно ступая своими лапами, неизвестно куда. Она промелькнула у Юэля перед глазами. И потом снова исчезла.

Юэль не мог забыть эту собаку. Куда она направлялась? Откуда она взялась? *А куда идет он сам?* Юэль придумал тайное общество, чтобы разведать, что это за собака. А может, чтобы узнать, кто такой он сам? Тайное общество, единственным членом которого стал Юэль. Но собака больше не вернулась никогда. Он не нашел ее следов на снегу. И понял, что собака направлялась к далекой безымянной звезде.

Она бежала к звезде, которая где-то далеко, за Орионом. К созвездию, которого, может, и нет вовсе. Которое существует только в его воображении.

Юэль думал, что ту зиму, Зиму Собаки, он никогда не забудет. Ведь именно тогда он стал понимать, что он — это только он, и никто другой. Но Юэль рос, становился старше, ему исполнилось тринадцать. И он позабыл о собаке. Как-то раз Юэль чуть не попал под автобус. Но произошло чудо. Он попал между колес, и автобус не раздавил его. Оказалось, что чудо — это то, что очень трудно себе представить. Но он учился. И стал понимать, что есть много вещей не менее важных, чем одинокая собака.

Расти — значит меняться, взрослеть, значит понемногу забывать то, чему ты удивлялся, когда был маленьким. Юэль понял это. Но так взрослеть он не хотел.

Он все чаще виделся с безносой Гёртруд. Она жила в необычном доме на южном берегу реки, по ту сторону страшного железнодорожного моста. Юэль делил с ней много своих тайн. Большую радость. И даже грусть и разочарование.

А время не желало стоять на месте.

Оно продолжало свой бег.

И Юэль бежал вместе с ним. Выдыхая день за днем, месяц за месяцем. Из-под таявшего снега проросла новая весна, и лед на реке стал ломаться, и мимо вновь плыли бревна, устремляясь в свой долгий путь к морю. Потом пришло лето, когда пищат комары и солнце светит без устали. Пришла осень, поспела брусника, облетели листья, и морозец стал потрескивать под шинами велосипеда. Ведь Юэль много катался на велосипеде. Он все время ездил по улицам в погоне за чем-то неизведанным. Может, оно за этим поворотом? Или за следующим? Или вон за тем?

И вот наступила осень, когда Юэлю должно исполниться четырнадцать. Сейчас он крепко спит в своей кровати. В стене, где-то рядом с его ухом, скребется мышка. Но Юэль этого не слышит. Никто не знает, что ему снится.

Ночью за окном начинает тихо падать снег.

До рассвета еще далеко.

Глава первая

Юэль потянул за веревочку, и жалюзи, потрескивая, поползли вверх.

Это было похоже на маленький салют в честь нового дня.

Он с удивлением уставился в окно. Земля стала совершенно белой. Его снова провели.

Зима всегда приходит крадучись, когда ты меньше всего ее ждешь. Но прошлой осенью Юэль решил, что больше такого не допустит. Прежде чем лечь спать, он должен решить для себя, пойдет ночью снег или нет.

Беда только в том, что снег падает неслышно. В отличие от дождя, например. Тот начинает барабанить по крыше велосипедного сарайчика в саду. Если светит солнце, то этого можно вообще не услышать. Но тогда и солнечный свет станет совсем другой. И ветер тихий. Ведь если ветер бушует по-настоящему, он раскачивает стены так, словно вот-вот поднимет дом в воздух.

А снег подкрадывается тайком. Он, как индеец. Идет бесшумно и появляется совсем неожиданно.

Юэль смотрит в окно. Вот и пришла зима. Никуда не денешься. Зима опять обманула его. Какой она будет — длинной и холодной? Выпавший сегодня снег будет лежать долго. Потому что окажется в самом низу. Первый снег стает последним. Только когда наступит конец апреля или начало мая.

Юэль подумал, что тогда ему уже исполнится четырнадцать. Он подрастет по крайней мере на пару сантиметров. И произойдет много такого, о чем он еще не знает.

Снег выпал.

Значит сегодня Новый год. Хотя на дворе всего лишь ноябрь.

Но для Юэля это Новый год. Он так решил. Новый год приходит вместе с первым снегом.

Его собственный Новый год. В то утро, когда земля покроется белым снегом, для Юэля придет время давать новогодние клятвы. Если они у тебя есть.

А у Юэля они есть. И не одна.

Стоять на полу стало холодно. Юэль схватил подушку с кровати и бросил ее под ноги. Он слышал, как в кухне папа Самуэль гремит ко-

фейником. Он не любит, когда Юэль становится на подушку ногами. Поэтому надо быть начеку и суметь быстро отбежать от окна, как только сзади откроется дверь. Впрочем, Самуэль редко входил в комнату сына по утрам. Так что опасность есть, но невелика.

Юэль следит взглядом за снежинкой, которая падает на землю, медленно сливаясь с белым покрывалом.

Когда тебе тринадцать лет, приходится много размышлять. Больше, чем когда тебе двенадцать. Не говоря уж об одиннадцати.

Юэль считал, что с тех пор, как прошлой осенью выпал снег, он усвоил две вещи. Что чем дальше идет время, тем сложнее становится жизнь. И что зима всегда приходит тогда, когда ты ее совсем не ждешь.

Юэлю вспомнился вчерашний вечер. Тогда еще стояла осень. После обеда он натянул резиновые сапоги, взял куртку и в три прыжка сбежал по лестнице. Было воскресенье, и в городе останавливался ночной поезд, идущий на юг. В него почти никто никогда не садился. И еще реже кто-нибудь из него выходил. Но как знать наверняка? Юэлю частенько удавалось тайком опустить маленькое письмо в ящик почтового вагона.

«Я слежу за вами», — писал он, подчеркивая букву Я.

Он всегда писал одно и то же. Но имена на конверте указывал разные — брал их наугад из папиной газеты. А адреса выдумывал сам.

Улица Чудес, дом 9. Или Аллея Кузнеца Лундберга, дом 12.

И всегда боялся, вдруг где-то в мире и вправду есть такая улица. Он подозревал, что на почте работают секретные агенты, которые день и ночь выслеживают тех, кто посылает такие письма. Поэтому написать на конверте название города, который существует на самом деле, он не решался и старательно изучал справочник «Когда? Где? Как?» в школьной библиотеке. Это был календарь событий за прошлый год. В конце приводился список больших и маленьких городов Швеции. По нему можно было выяснить, какой город стал больше. А какой меньше. Город Юэля уменьшался с каждым годом. Поэтому Юэль все больше и больше убеждался — никто не хочет здесь оставаться. И никто не хочет сюда переезжать. Если так пойдет и дальше, то они с папой Самуэлем скоро останутся единственными жителями. Однажды Юэль попытался объяснить это Самуэлю. Но тот лишь рассмехался.

— У этой реки всегда будут жить люди, — сказал он.

— Но почему именно мы должны жить тут? — спросил Юэль.

На это Самуэль не ответил. Он усмехнулся еще раз, надел очки и принялся читать газету. Но Юэль все равно проверял в «Когда? Где?

Как?», что городов, в которые он посылал секретные письма, в Швеции нет.

Никакого *Юэльсхольма* или *Гранеборга*.

Почтовых марок на конверты он не наклеивал. Он их рисовал. Рисовал старика с большим носом. Раз на письмах адрес выдуманный, то не нужны и настоящие марки. Потом письмо нужно было осторожно бросить в почтовый вагон. У начальника станции Книфа острый глаз, и он может разозлиться и поднять шум. Но пока еще Юэль ни разу не попадался. В своем дневнике он подсчитал, что со скорым поездом он отправил всего одиннадцать писем.

Последнее он украдкой сунул в вагон вчера вечером. Тогда на дворе еще была осень. Но под шинами уже похрустывал морозец. Юэль ехал на велосипеде от станции, запыхался, изо рта вырывался белый парок. Середина ноября. В это время снег обычно уже лежал. Но в этом году его еще не было. Зима не торопилась. И опять снег тайком выпал ночью.

Юэль бросил взгляд на будильник, который стоял на табуретке рядом с кроватью. Надо торопиться, а не то опоздаешь в школу. Как всегда, он уже опаздывал. Он шмыгнул в ванную, наскоро умылся, оделся и вышел на кухню.

Самуэль собирал свой рюкзак. Папа Самуэль, моряк, который стал лесорубом. Юэль часто жалел, что не случилось наоборот. Чтобы лесоруб стал моряком. Тогда они не жили бы у этой реки, так далеко от моря. И модель старинного парусника под названием «Целестина» не висела бы у них на стене. Если бы все было иначе, она висела бы в каюте корабля, колышущегося на мягких морских волнах.

Часто Юэлю казалось, что взрослых невозможно понять. Они порой сами не знают, что для них лучше. Постоянно твердят, что делают все, чтобы их детям было хорошо. Но разве детям может быть хорошо, если родители не способны позаботиться даже о самих себе?

Много лет, с тех пор, как ушла Енни, Юэль был сам себе мамой. И он всегда знал, что для него лучше. Но Самуэль — это безнадежный случай. Он любит говорить, что *когда-нибудь, скоро, еще не сейчас, но скоро* они соберутся и уедут отсюда. Но этого не происходит. И Юэль уже очень давно перестал ему верить.

Самуэль такой же, как другие взрослые. Он не понимает, что для него лучше. А ведь ему уже много лет. Ему поздно учиться. И поздно учить Юэля.

Самуэль допил кофе и ополоснул чашку.

«Сейчас он скажет, что мне надо торопиться», — подумал Юэль. — Торопись, а не то опоздаешь в школу, — сказал Самуэль.

Юэль стоял на коленях, сунув голову в шкаф, в котором валялось все — от обуви до старых газет. Он искал ботинки. Он знал, что сейчас Самуэль спросит, слышал ли он, что ему говорят.

— Ты слышишь, что тебе говорят? — спросил Самуэль.

— Да, — ответил Юэль. — Но я не опоздаю. Я успею.

Он вытащил ботинки и сел у стола, чтобы зашнуровать их. Сначала он их тряхнул. На пол вывалился крысиный помет. Но дохлой мыши не было. В прошлом году он нашел ее в левом ботинке. Между тем Самуэль упаковывал свой ранец. Он положил пакет с бутербродами, бутылку молока и термос с кофе. Юэль искоса взглянул на него.

Папа начал стареть. А ведь ему всего сорок один год. Но спина уже ссутулилась. И щеки ввалились.

К тому бреется он все реже и реже. И неаккуратно.

Юэлю неприятно было думать об этом. Какой-то холодок пробирал его до костей.

Он не хотел, чтобы у его отца была сутулая спина и плохо выбритые щеки.

А еще он думал о первой новогодней клятве, которую он даст, когда наступит вечер. Его собственный, тайный Новый год, о котором никто больше не знает.

Об этом он думал уже очень давно. Много вечеров подряд, катаясь на велосипеде по городу, он размышлял только о своих клятвах.

Юэль решил, что должен прожить по меньшей мере сто лет. Стало быть, он доживет до 2045 года. Это казалось ему такой невообразимой далью, что по сути дела означало, что он будет жить вечно.

Но он знал: чтобы исполнить задуманное, нужно готовиться уже сейчас. Если этого не делать, можно сгорбиться так же, как Самуэль.

Вот это и есть самое главное. Главнее, чем дожить до ста лет. Юэль будет всегда держать спину прямо.

И он знал, что ему нужно делать. Это станет еще одной новогодней клятвой, которую он себе даст, как только наступит вечер.

С завтрашнего утра он начнет закаляться. Он составил план и теперь, зимой, осуществит его.

В этом Юэль был уверен.

Хочешь прожить действительно много лет — закаляйся.

Самуэль прервал его размышления — он собрался уходить. Надел на голову толстую шапку. Потом у двери обернулся и посмотрел на Юэля. Когда он уходил на работу, вид у него часто бывал грустный. Этого Юэль тоже не любил. Иногда у него даже начинал болеть живот. В этот момент, он совсем не понимал, о чем Самуэль думает.

Конечно, все дело в маме Енни, которая однажды взяла и ушла. Самуэль скучает по ней так же, как и Юэль.

А может, он думает о море, к которому теперь не может вернуться? Вспоминает о нем, когда валит сосны, обрезает сучки и шкурит бревна?

— Что ты размечтался? — сказал Самуэль. — Не сиди, а то опоздаешь в школу.

— Вот надену ботинки и пойду, — огрызнулся Юэль.

— Опять пришла зима, — вздохнул Самуэль. — Конечно, долгая, темная и холодная.

— Но мы можем уехать отсюда, — сказал Юэль. — Завтра.

— Если бы... — сказал Самуэль. — Но мы не можем.

И он ушел. Юэль слышал, как он спустился по лестнице. Хлопнула дверь вниз.

Юэль завязал ботинки. Надел куртку, шапку и шарф. Только варежки куда-то запропастились. Пришлось выбирать — или искать их, или бежать в школу.

Юэль решил пойти без них. Еще не так холодно. Зима ведь только начинается.

Он не стал садиться на велосипед. Так здорово пройтись пешком, поддевая носком ботинка мелкий снежок! Но едва выйдя на лестницу, он почувствовал, что ботинки ему жмут. Нужны новые. Но как уговорить Самуэля? Обувь стоит дорого.

«Быть бедняком накладно», — говаривал Самуэль. Юэль подумал, что теперь, кажется, понял, что имеет в виду отец.

Он вышел на улицу. Солнце еще не встало. Только светло-серая полоска зари виднелась над верхушками холмов, поросших елями, которые, словно стражники, окружали город.

Школа ждет. Фрёкен Недерстрём, конечно, уже на месте. Если поспешить, то он не опоздает.

Юэль шел, поднимая ногами снежную пыль.

И думал о предстоящем вечере, когда он торжественно даст сам себе новогодние клятвы.

Зима опять провела его в этом году.

Но вообще-то это ничего не значит.

Главное, что пришел Новый год.

Глава вторая

По дороге из школы Юэль купил кровавой пудинг*.

Продукты он почти всегда покупал сам, потому что Самуэль возвращался из леса слишком поздно. День за днем Юэль готовил еду, мыл посуду и ходил в магазин. А Самуэль убирал в доме и стирал. Обычно он занимался этим в субботу вечером, перед тем, как они садились послушать по радио развлекательную передачу.

Юэль не любил ходить за продуктами. В магазине Энстрёма его всегда толкали тетки, которые никак не могли выбрать, что купить. А если не повезет, можно было даже встретиться с мамашей какого-нибудь одноклассника. Они бросали на него неприятные взгляды, потому что не могли простить ему, что мама Энни сбежала. Если уж она не захотела остаться с ним и Самуэлем, то могла хотя бы позаботиться о том, чтобы купить для них еду. Она могла бы набить едой весь дом снизу доверху. Тогда Юэлю не пришлось бы все время бегать в магазин и толкаться среди теток.

Но год назад он придумал для себя новое правило. Он стал ходить в магазин через день. И покупал одни и те же продукты в одни и те же дни недели. Так выходило быстрее.

По понедельникам Юэль и Самуэль обедали кровавым пудингом с картошкой. К этому подавалась брусника, которую они собирали по осени и из которой варили варенье.

Но в этот понедельник в магазине Энстрёма все шло не так, как обычно.

Юэль заметил это, едва ступив на порог.

Появилась новая продавщица. Обычно торговал сам Энстрём или его жена Клара. А сегодня за прилавком стояла совсем другая тетя. Впрочем, она была не совсем тетя. Она была моложе. Раньше Юэль ее никогда не видел. Он даже немного смутился.

— Кровавой пудинг, — произнес он уверенным голосом, когда подошла его очередь.

Девушка по другую сторону прилавка улыбнулась.

— Сколько? — спросила она.

* Кровавой пудинг — любимое блюдо шведов, готовится из свиной крови, муки и яиц. (Здесь и далее примечания переводчика).

— На двоих, — как обычно ответил Юэль.

— Подумать только, мальчик живет один со своим папой и сам ведет хозяйство, — произнес кто-то у него за спиной.

Юэль мгновенно обернулся. Это сказала большая толстая тетка. Лицо у нее было потное — оказалось, это мать одной из одноклассниц Юэля. Он сразу же возненавидел и маму, и дочку. Конечно, это она разболтала, что у него нет мамы. И, конечно, ее мамаша будет стоять тут, потеть и болтать с новой продавщицей о том, что ее вовсе не касается.

Юэль почувствовал, что краска прилила у него к лицу. С ним так случалось, когда он злился.

— Правда, он такой умница, — добавила толстуха.

Юэлю захотелось, чтобы она в ту же секунду лопнула.

А продавщица улыбалась. Но ничего не говорила. Она завернула пудинг.

Юэль заплатил. Все время опасаясь, что тетка, которая стояла позади и толкала его своим толстым животом, скажет что-нибудь еще.

Но она не сказала.

Когда Юэль снова оказался на улице, он осознал, что ему стыдно. Он не будет больше ходить в магазин. Он не хочет больше быть сам себе мамой. Но еще ему хотелось отомстить. Конечно, толстуха не упала замертво, как он ей пожелал. Не зря он всегда говорил: взрослые сами не знают, что для них лучше.

Он перешел улицу и встал в тени между двумя фонарями. Руки мерзли, потому что у него не было варежек. Кровяной пудинг в бумажном пакете он сунул за пазуху. По правде говоря, надо было потопрапливаться. Когда Самуэль вернется домой, обед должен быть готов. К тому же сегодня наступает Новый год. А до вечера еще нужно сделать много дел.

Но Юэль никак не мог выкинуть из головы тетку, которая опозорила его перед новой продавщицей.

Юэль задумался: кто же такая эта девушка? Может, дочь Энстрёма? Когда он забирал пудинг и расплачивался, он украдкой взглянул на нее. Она оказалась моложе, чем он подумал вначале. Он решил, что ей около двадцати пяти, хотя он всегда плохо определял возраст. Однажды он подумал, что фрекен Недерстрём около девяноста. Но к его великому удивлению кто-то сказал ему, что ей нет и пятидесяти.

Что-то еще, совсем другое интересовало его в новой продавщице. Она говорила как-то иначе. Она была нездешняя. И хотя он не был полностью уверен, он предположил, что она из Стокгольма. Год назад в их город приезжал цирк. Как обычно, Юэль помогал носить стулья и ста-

вить забор, чтобы получить бесплатный билет. Один из цирковых рабочих дал ему поручение. Юэль купил ему кофе. Рабочие были из Стокгольма и говорили на особенном диалекте. Новая продавщица у Энстрёма говорила так же. Если только память ему не изменяет.

Толстуха вышла из магазина и прервала его размышления. Стиснув зубы, Юэль изо всех сил пожелал ей поскользнуться на лестнице и разбиться насмерть. Но этого, конечно, не случилось. Только невинные люди падают и ушибаются. А серьезные преступники — никогда. Такие, как эти толстые тетki, которые болтают о том, что их совершенно не касается.

Юэль смотрел, как она повесила сумку на ручку финских санок. Санки были коричневые с необычно длинными и острыми на концах полозьями.

Юэль запомнил их. Он знал, где жила эта тетка. Как-нибудь вечером, отправившись в одну из своих экспедиций по городу, он напишет на эти санки.

Он видел, как толстуха исчезла за углом. Так и не лопнув. Юэль поспешил домой. Он замерз. Руки совсем побелели. Он все думал о новой продавщице Энстрёма.

Но что он о ней думал, он и сам толком не знал.

Придя домой и сняв ботинки, он первым делом поставил на огонь кастрюлю с картошкой. Потом забрался на свою кровать и растер пальцы на ногах. Они болели. Ботинки стали ему действительно малы. Он подумал, не стоит ли ему немного похромать перед Самуэлем, когда тот придет домой. Или пошаркать по полу. Будто ноги у него не гнутся в тесных ботинках. Тогда Самуэлю придется признать, что нужны новые.

Но Юэль решил, что это может подождать. Ботинки будут ему малы и завтра. А сегодня у него много дел куда важнее.

Пока варилась картошка, Юэль пошел в туалет и взглянул на себя в отцовское зеркало для бритья. Эта привычка появилась у него за последний год. Новогодняя клятва, которую он дал себе год назад. Каждый день он будет смотреть на себя в зеркало, чтобы видеть, как он меняется. Но сейчас, год спустя, ему показалось, что он ничуть не изменился. Ведь он не мог увидеть в зеркале, что он вырос, стал выше ростом. И что его ноги выросли из ботинок. Чтобы это заметить, лучше бы он раз в день смотрел на свои ноги. Но никто ведь не будет рассматривать свои ноги в зеркале.

Юэль ткнул картошку вилкой. Еще пять минут. Пока шло время, он накрывал на стол. Иногда он ставил третью тарелку. Так, из инте-

реса. Как будто мама Энни была тут. Он раздумывал, где же она должна сидеть. Между ними? Или на его месте у плиты? Он решил, что все же у плиты. Ведь именно маме положено раскладывать еду.

Когда Юэль все сделал — закрыл поджаренный пудинг крышкой, чтобы не остыл, и достал из чулана брусничное варенье, — ему не оставалось ничего другого, как ждать Самуэля. Юэль поступил по своей старой привычке. Он забрался на подоконник и стал смотреть на улицу. Сколько он себя помнил, он всегда сидел на этом месте. Как раз из этого окна он однажды увидел таинственную собаку. Он забирался туда, когда ему нужно было принять важное решение. Или когда грустилось.

Словно оконная ниша и вправду была его домиком. Как стеклянная бутылка «Целестины».

Для Юэля окно стало его стеклянным домиком. Это был его домик посреди Земли.

Как раз там он начал всерьез понимать, что с ним что-то происходит. Что он на самом деле растет. Ему стало тесно на подоконнике. Раньше здесь всегда было достаточно места. А теперь не вытянешь обе ноги сразу. Особенно, когда болят пальцы.

Юэль — человек, который растет.

«Целестина» — это модель корабля, и она никогда не вырастет. Ее мачтам никогда не будет тесно под стеклом.

Юэль пытался угадать, пойдет ли еще снег. Небо затянули тучи. Тяжелые тучи. Словно брезент, прогнувшийся под тяжестью снега. Когда брезент лопнет, снег станет падать на землю.

Конечно, Юэль знал, что это только его фантазии. Наверху нет никакого брезента. Там просто дождь, который замерзает и превращается в снег.

Теплый дождь идет летом. А холодный — зимой.

Но мысль о брезенте нравилась ему больше. Ее легче представить.

Юэль увидел, что идет Самуэль. Его тень ползла по другой стороне улицы.

Сутулая тень.

После обеда Юэль пошел в свою комнату и закрыл дверь. Он слышал, как Самуэль сварил кофе и сел у радиоприемника слушать новости.

Юэлю нужно было многое подготовить. Новогодние клятвы не следует давать как попало. Это произойдет ровно в полночь.

Поскольку ему предстояло бодрствовать ночью, он лег на кровать и натянул на себя одеяло. Хорошо бы вздремнуть пару часов. На вся-

кий случай он поставил будильник на одиннадцать и положил его под одеяло.

Тут он услышал, как кто-то зашуршал в стене, совсем рядом с его ухом. Он прильнул щекой к холодным обоям. Теперь он четко слышал, что это мышка. Где-то в сантиметре от него. Но она не подозревала, что щека Юэля так близко.

Юэль постучал пальцем по стене. Мышь затихла. Но потом снова взялась за свое.

Юэль лежал и прислушивался. Вскоре он заснул.

Когда под одеялом зазвонил будильник, Юэль долго не мог проснуться. Потом он вспомнил, что ему приснилось, будто он попал внутрь стены и искал надоедливую мышку в запутанных пещерах между деревянными балками.

Но теперь все стихло. Мышки слышно не было. В комнату доносился лишь храп Самуэля.

Юэль встал. Он все еще не совсем проснулся. Чтобы подняться, ему пришлось опереться на руки. Он едва не уснул опять. Но когда глаза закрылись, он вздрогнул, будто обжегся. Подойдя к окну, он открыл его и взял с карниза немного снега. Глубоко вдохнул и растер снегом лицо.

Теперь он проснулся по-настоящему. Посмотрел в окно. Пока он спал, небо совсем расчистилось. Сверкали звезды.

Юэль аккуратно закрыл окно, оделся и крадучись прошел на кухню, держа в руках рюкзачок. Надел куртку, шарф и шапку. Варежки он приготовил еще когда варил картошку. Надев рюкзак и взяв в руки резиновые сапоги, он тихо выскользнул за дверь.

Самуэль спал. Храпел на весь дом. Юэль переступил через скрипучие ступеньки — четвертую, пятую и двенадцатую. Потом прикрыл входную дверь.

Ночь стояла холодная.

Он вышел во двор и посмотрел на звездное небо.

Это была настоящая новогодняя ночь.

Юэль вышел за калитку и направился по заранее продуманному пути.

Он даст свои клятвы на кладбище.

Глава третья

Перед тем, как пойти на кладбище, Юэлю предстояло выполнить еще одно важное дело.

Год назад он дал себе клятву, но исполнить ее ему так и не удалось. Теперь для этого оставался всего лишь час.

От новогодней клятвы нельзя увильнуть. Юэль считал, что невыполненные клятвы могут превратиться в новогодние проклятия. В полночь время истекает. Упадет последняя песчинка. Как в тех песочных часах, которые Самуэль когда-то давно купил в темной пропахшей пряностями лавочке в далеком чужеземном порту.

Юэль тянул с этой клятвой целый год. Он ругал себя за это. Он часто обещает слишком многое. Себе и другим. Он обещал продавцу велосипедов прийти и заплатить за ремонт проколотой шины в тот же день, но забыл. Он пообещал Самуэлю, что купит кое-что в магазине инструментов, и даже не вспомнил об этом. А ведь эта вещь нужна Самуэлю для работы в лесу.

Вот и с этой клятвой вышло так — Юэль пожалел о ней. Он поспешил тогда. Но новогодние клятвы нарушать нельзя. К тому же впереди целый год.

Но не более того. А теперь оставался всего час.

Юэль быстро и бесшумно шел по улицам притихшего города.

Ни звука, ни проезжей машины. Ночью все становилось иным. Только тени и уличные фонари. Белый снег.

И Юэль, как мятежный дух, бродящий по улицам. Вот он вышел к Центральной гостинице. Оттуда свернул налево и затем направо. Светились часы на церковной башне. Четверть двенадцатого. Юэль пересек широкий двор банка и пролез в дырку забора позади магазина красок. Он оказался на улице, ведущей к деревянному пожарному депо, выкрашенному красной краской, с высокой каланчей, на которой висели пожарные шланги.

Юэль шел дорогой, которой ходил каждое утро.

Посреди ночи он шел в школу.

Когда он вошел на школьный двор, ему показалось, будто он слышит звонок. И голоса вокруг себя. Как на большой перемене. Ему даже почудилось, что он слышит свой собственный голос. Это было уж совсем ни к чему. Как-то раз он слышал свой голос на магнитофоне у

редактора Вальтинса. Тогда Юэль работал разносчиком газет. Если Вальтинс в хорошем настроении и если повезет, он может записать твой голос на магнитофонную пленку и даст послушать. Юэлю повезло. Но то, что он услышал, ему не понравилось. Он говорил в нос. Поэтому голос был какой-то противный.

Конечно, он просто вообразил, что во дворе есть кто-то еще. Он стоял там один. И у него было мало времени.

Но он трусил — и это было хуже всего. Если его поймают за тем, что он залез в школу посреди ночи, ему лучше провалиться сквозь землю. Ведь он опозорится навсегда. А уж что будет с Самуэлем, страшно и подумать.

И как только его угораздило дать такую идиотскую клятву? Как можно быть таким дураком?

Но тогда он был еще маленьким. Год спустя такая мысль ему даже в голову бы не пришла.

Но теперь уж ничего не изменишь. Новогодние клятвы не проведешь. Они помнят, кто что обещал.

Юэль стоял, не шелохнувшись, у стены школы и прислушивался. Вдалеке ехала машина. Но не сюда. Все снова стихло.

Сегодня днем Юэль все подготовил. Когда кончился последний урок, он остался в классе и аккуратно снял с крючка окно. Чтобы оно не отворилось от порыва ветра, он подложил кусочек сложенной бумаги. Только бы школьный сторож не обнаружил его проделку. Если это случилось, Юэль упадет в обморок.

Он побежал через двор к похожему на барак зданию — в нем находилась его школа. Снял варежки и проверил окно.

Он сумел приоткрыть его. Бумажка была на месте. Никто не заметил, что окно не заперто на крючок.

Вдруг Юэль вздрогнул и обернулся. Ему показалось, что он услышал что-то позади себя. Но все было тихо.

Он открыл окно и забрался внутрь. Ему пришлось напрячься изо всех сил, чтобы подтянуться и влезть на подоконник.

Когда он оказался ночью внутри школы, его охватило странное чувство. Уличный фонарь освещал пустые скамьи таинственным светом. В классе еще стоял запах мокрой верхней одежды. Юэль сел на свое место. Сложил руки. Потом встал и подошел к учительской кафедре. Споткнулся о забытую кем-то сумку. В тишине раздался глухой звук. Он остановился и перевел дыхание. Нет, никто не мог его услышать. Все спят. Кроме мятежного духа по имени Юэль Густафсон.

Затем он сел за кафедру фрёкен Недерстрём. Перед ним стояли скамейки учеников. Он взглянул на свое место.

— Юэль Густафсон, как обычно, не слушает, что ему говорят, — сказал он довольно громким голосом.

Затем встал и вернулся на свою скамейку. Сел и снова встал.

— Чтоб вам всю жизнь в сортире просидеть, фрёкен Недерстрём! — прошипел он.

И тут же пожалел об этом. А вдруг кто-нибудь все-таки услышал? Что если кто-то прячется тут с магнитофоном?

Время продолжало идти. Было, по меньшей мере, без четверти двенадцать. Теперь у Юэля есть лишь пятнадцать минут. Он подошел к органу, который стоит слева от кафедры. Нагнулся к педалям и пошарил рукой, пока не наткнулся на меха. Развязал один из них сзади и нажал на педаль. Воздух не выходил.

Завтра, когда фрёкен Недерстрём попробует выжать из органа утренний псалом, он не издаст ни звука. И она ни за что в жизни не догадается, что случилось. И никто не догадается. Кроме Юэля.

Через окно он выбрался на улицу. Приладил на место бумажку и прикрыл створку. Она слабо скрипнула.

Тут он услышал, как пробили часы на церковной башне. Три раза. Без четверти двенадцать. Без четверти полночь. Все висело на волоске. Но он успел.

Он освободил себя от последней клятвы уходящего года. Теперь можно подумать и о новых.

Рюкзак он тогда оставил у стены. Теперь он снова надел его на спину, забросал следы у окна снегом, чтобы их не заметили, и поспешил прочь.

Часы показывали без пяти двенадцать. Новогодняя ночь стояла у порога. Светился циферблат башенных часов. Юэль остановился у черной железной изгороди, окружавшей кладбище. Он дрожал, и у него болел живот.

Никогда раньше он не бывал на кладбище ночью. Хотя и проезжал мимо него по ночам на велосипеде.

Но сейчас это должно произойти. Это еще одна клятва прошлого года: когда наступит следующая новогодняя ночь, он даст новые клятвы на кладбище. Он должен пройти за калитку и не подать виду, что умирает от страха.

Юэль почувствовал, что мерзнет. «Зачем я пообещал себе то, что сейчас случится?» — думал он. Но пути назад не было. Он должен пройти там, между могилами, освещенными луной.

Вампиров можно отогнать чесноком. Но какие медицинские средства могут защитить человека, пришедшего ночью на кладбище?

На всякий случай Юэль все-таки засунул в рюкзак обычную золотистую луковку. Если она не поможет ему, то пусть хотя бы навредит врагу.

Кроме того, он взял с собой две картофелины. Сырую и вареную. Самуэль говорил, что картошка поддерживает в людях жизнь. Может, это означает, что и в ней заключена магическая сила?

Юэль взглянул на часы. До полуночи оставалось пять минут. Больше ждать нельзя. Он взялся рукой за калитку и приоткрыл ее. Раздался резкий скрип. «Теперь не только мертвые проснутся», — с беспокойством подумал Юэль.

Но потом передумал. Мертвые не проснутся. Если человек мертв, то он мертв. Все остальное — воображение.

Юэль вошел на кладбище. Шаг, потом еще шаг. Слева высилось надгробие старого священника. Он умер в 1783 году. Так давно, что это с трудом можно себе представить. Но Самуэль, наверно, был прав. Люди всегда жили здесь, где река поворачивает и продолжает свой долгий путь к морю. И новых мертвецов будут всегда хоронить на этом кладбище.

Юэлю больше нравилось стоять у ограды. Но он заставил себя идти дальше. Теперь вокруг него было много могил. Рядом возвышалась церковная стена, словно огромный спящий зверь.

Когда часы на башне начали бить двенадцать, Юэль подскочил. Громкий звук одиноко раздавался в ночи.

Пора. Сейчас пробьет последний раз.

Юэль крепко зажмурился. И мысленно произнес свои клятвы:

Я торжественно клянусь всем святым, что доживу до ста лет. Для этого я должен закаляться. Я клянусь начать в этом году. Я научусь переносить жару и холод.

Это была первая клятва. У Юэля их было три. Он перешел ко второй:

В наступающем году я клянусь решить самую большую проблему Самуэля, ведь это и моя большая проблема. Она в том, что мы никак не можем отсюда уехать. Самуэль никак не может снова стать моряком. Прежде чем закончится этот год, я клянусь в первый раз увидеть море.

Такова была вторая клятва. Теперь оставалась только одна. Самая трудная. Потому что Юэль все-таки опасался, что кто-нибудь может услышать его мысли. Или увидеть, как он мысленно их произносит.

Я клянусь, что увижу голую женичину. Как-нибудь в этом году.

Он быстро произнес это про себя. Третья клятва. Ну вот и все. Теперь с кладбища можно уходить. Мертвецы, которые ничего не слышат, все-таки слышали его новогодние клятвы. Так что он не может

нарушить их. Ведь пообещать что-нибудь посреди кладбища — это все равно, что поклясться на Библии. Он читал об этом в книгах и видел в кино.

Юэль повернулся. Впереди виднелась ограда. И уличные фонари. Там был свет. Не пришлось даже использовать золотистую луковку и картофелины. Теперь можно идти домой досыпать.

Тут Юэль обнаружил, что уронил варежку. Он, конечно, знал, что она должна быть где-то поблизости. Перед тем, как давать клятвы, он снял варежки. Спички он захватил с собой. Снял рюкзак и поискал в нем коробок. Зажег одну спичку и посветил вокруг себя землю. Спичка догорела. Он зажег новую. Вон она, варежка. Юэль наклонился, чтобы поднять ее. В эту минуту он осмелился бросить взгляд на надгробие рядом с ним. Прежде, чем спичка погасла, он заметил, что на камне написано что-то странное. Он снова чиркнул спичкой. *Ларс Ульсон. Родился в 1922-м, умер в 1936-м году.*

Там, под камнем, лежит кто-то, кто прожил всего четырнадцать лет.

Спичка погасла. Юэля вдруг охватила паника. Он схватил рюкзак и бросился к калитке. Попытался ее открыть, но она не поддавалась. Сердце бешено колотилось. Ему чудилось, что кто-то дышит у него за спиной. Юэль изо всех сил дернул калитку. Наконец она открылась. Он побежал, не оборачиваясь, и бежал до тех пор, пока церковь и кладбище не скрылись из виду. Остановился под фонарем у книжного магазина. И только тут обернулся. Но никого не было.

Юэль пошел домой.

Он дал новогодние клятвы. Это хорошо. Но ему не понравилось, что он увидел ту могилу. Все из-за этой чертовой варежки. Вечно их приходится искать.

Почему еще не изобрели варежки, которые никогда не теряются?

Юэль проскользнул через дверь и осторожно поднялся по ступенькам. В кухне он остановился и прислушался. Самуэль спал.

Через несколько минут Юэль юркнул в кровать. По телу разлилось тепло. В темноте светились стрелки будильника, стоящего у кровати.

Половина первого.

И тем не менее все прошло удачно. Могилу Ларса Ульсона он выкинет из головы. Кроме того, у него есть еще одна пара варежек. Если их починить, то можно будет носить. И он дал новогодние клятвы.

Новый год наступил.

Юэлю предстоит многое сделать. Чтобы успеть, он должен начать уже завтра.

Глава четвертая

Утром, когда Юэль проснулся, он почувствовал себя больным. Ему было жарко, он вспотел. И к тому же саднило горло. В комнату зашел Самуэль и спросил, почему Юэль еще не встал.

— Я заболел, — ответил Юэль. — У меня болит горло.

Самуэль положил руку ему на лоб.

— Да у тебя еще и жарок, — сказал он. — Конечно, лучше тебе остаться сегодня дома.

Как раз это Юэль и надеялся услышать. Он и вправду заболел. А сколько раз он просыпался утром с желанием заболеть! Когда ему совсем не хотелось идти в школу. Но как он ни прислушивался к себе, как ни ощупывал себя, не мог найти ни малейшего признака болезни.

— Справишься сам? — спросил Самуэль.

Юэль с интересом подумал, что будет, если он ответит «нет». Неужели Самуэль не пойдет на работу и останется дома? Этого не может быть. Самуэль зарабатывает мало. И они не могут позволить себе, чтобы он оставался дома даже на один день.

— Конечно, справлюсь, — сказал Юэль. — Ведь не так уж я болен.

— Завяжи чем-нибудь горло, — сказал Самуэль. — И, пожалуй, ноги надо укрыть кошачьей шкурой.

Юэль улыбнулся. Это была вовсе не кошачья шкура. Всего лишь маленький арабский коврик, который Самуэль как-то купил в одном порту на Средиземном море. Он был не больше половика. Но когда Юэль был маленьким, Самуэль рассказал ему, что коврик этот волшебный. Если ты заболел, то стоит положить его в ноги, и тут же выздоровеешь. Поначалу Юэль верил, что это правда. Но теперь уже нет.

И все же ему нравилось, когда Самуэль брал коврик и клал его в изножье кровати. Пусть он не был волшебным, но все же согревал.

— Пей побольше воды, — сказал Самуэль. — Хочешь, я подниму жалюзи?

Юэль хотел. Жалюзи поехали вверх.

Потом Самуэль ушел.

Юэль лежал и прислушивался к тишине. Нигде не услышишь столько звуков, сколько в пустой комнате. В стене скребется мышка, на кухне свистит из водопроводной трубы.

Пару раз он попробовал сглотнуть. Горло болело. Но не так уж сильно.

Юэль стал вспоминать, что произошло этой ночью. О клятвах, которые он дал Новому году и которые слышали все мертвецы.

О том, как он уронил варежку прямо у могилы Ларса Ульсона, но это ничего не значит. Даже если Ларс Ульсон умер в четырнадцать лет, его-то зовут Юэль, а не Ларс Ульсон. Юэль торжественно поклялся, что будет закаляться и доживет до ста лет. Когда-нибудь на его могиле будет стоять дата — 2045 год.

Юэль подумал, что многие решили бы, что это глупость. Те, кто не понимает.

«Может, я и поступил, по-детски», — подумал Юэль. Но как вести себя, чтобы тебя не считали ребенком? Чтобы казаться взрослым?

Он пошел на кухню и налил себе стакан воды. Поставил его рядом с будильником. Скоро начнется первый урок.

И тут его осенило. Орган! Он совсем позабыл о нем.

У Юэля тут же заболел живот. Когда фрёкен Недерстрём нажмет на педаль, орган не издаст ни звука, и она сразу подумает, что это дело рук Юэля. Юэля Густафсона, которого нет в классе.

«Дурак!» — выругался Юэль. «И почему я заболел именно сегодня?»

Потом он попытался все спокойно обдумать. Он не оставил после себя следов. Никто не знает, что это сделал именно он. Мех мог развязаться и сам собой.

Юэль старался уговорить себя, что все не так страшно. К тому же можно надеяться, что не только он сегодня заболел.

Он почувствовал, что устал. Кроме того, Самуэль прав. У него высокая температура.

Юэль натянул одеяло до подбородка и свернулся калачиком.

Скоро он уснул.

Когда он проснулся, было уже десять часов. Он сглотнул. Горло все еще саднило. Но все же он чувствовал себя лучше. Ему больше не было жарко. Вдруг коврик, лежащий в ногах, все-таки помог? Никогда не знаешь, что может достаться морякам в таинственной лавочке где-то в чужеземном порту.

Юэль сел в кровати, выпил стакан воды и отметил, что все еще не голоден. Но спать больше не хотелось. Он подпихнул под спину подушку и принялся размышлять. Или, может, мечтать? Иногда он и сам не мог точно сказать, в чем разница. Мысли и мечты выплывали из одного и того же места. Откуда-то изнутри, из подземных пещер в его

голове. Думать было сложнее, чем мечтать. Нужно сосредоточиться. А с мечтами наоборот. Можно даже не напрягаться. Сейчас ему больше хотелось, чтобы мечты взяли верх над мыслями. Стоило ему начать думать, и его снова охватывало беспокойство, что фрёкен Недерстрём все же догадалась, что это он развязал органнй мех. Или что он все же оставил какие-то следы в классе ночью. Вдруг капли воды с сапог попали на пол и составили слово «Юэль»?

Итак, только мечтать! Юэль выбрал одну из своих излюбленных тем, о которых он мечтал наяву. Ведь во сне выбрать не удастся. Но когда не спишь, это получается.

О кораблях, решил он. О бригантине «Три лилии». Сестре «Целестины», которая висит под стеклом. Капитан Густафсон лежит в своей каюте, изможденный страшной тропической лихорадкой. Но не смотря ни на что он не сдаётся. Он по-прежнему командует своим кораблем...

Они не видели земли уже больше пятидесяти дней. Паруса на мачтах обвисли. Пресная вода на исходе. Из еды остались только гнилые галеты. Управлять командой становится все труднее. Люди хотят, чтобы корабль повернул назад. Перед ними лишь водная бездна. Судно вот-вот перевернется набок и отправится на бесконечно глубокое морское дно. К тому же скоро не останется пресной воды. Но каждую ночь перед внутренним взором капитана Густафсона является карта. На ней он видит, что скоро они достигнут земли. Неизвестного материка. И там они ступят на берег, подобный раю.

Вот он уже виднеется. Команда не видела земли шестьдесят четыре дня. Это тропический остров. На деревьях кричат попугаи.

Все еще больного капитана Густафсона выносят на берег. Вдруг кто-то подходит к нему. Сначала он не видит, кто это. Но потом различает, что это голая женщина. Он сразу понимает, что она ему знакома. Но где он видел ее раньше? И тут он вспоминает. Эту женщину, которая подошла к нему на берегу совершенно голой, он видел в одном из журналов, которые Отто в перемену тайком показывал на школьном дворе.

Юэль вздрогнул и очнулся. Такого раньше не случалось. Никогда в мечтах он не видел, чтобы к нему подходила голая женщина. По крайней мере, так неожиданно. Прежде он всегда сам решал, кто возникнет в его видении. Но она появилась без приглашения.

Но еще что-то было в ней необычно. Юэль понял, что женщина не походила на тех, которых он видел в журналах Отто. Она напомнила ему новую продавщицу Энстрёма.

Юэль снова погрузился в мечтания, опершись спиной о подушку. Но как он ни старался, женщина не возвращалась. Видение исчезло. Он не сумел его поймать.

Но он знал, что оно связано с новогодней клятвой. С тем, что в наступившем году он должен наяву увидеть голую женщину.

Что-то случилось за последний год. Что-то, перевернувшее весь его мир. Нечто внутри него. Открылись люки, растворились таинственные двери.

А за ними прятались чувства. Юэль знал это. Своя комната есть у грусти, разочарования и радости. Жизнь похожа на длинный коридор. Каждая дверь, мимо которой ты проходишь, скрывает то, что ты можешь выбрать. Или не выбрать. Если ты постучишь и войдешь. Если тебя вообще впустят. Но двери, про которые ты думаешь, что они всегда закрыты, могут неожиданно распахнуться.

Так случилось с журналами Отто; женщины в них, голые и наполовину одетые, стояли на ступеньках стремянок или сидели на балконах, позируя какому-то фотографу, который щелкал и щелкал. Хорошо ли было то, что происходило у него внутри, Юэль не знал. Но его это волновало. Что-то словно загоралось в нем.

На переменах Отто мог до бесконечности объяснять, что к чему. Он говорил *шепотом*. Не слишком громко, но и не слишком тихо. Только для тех, кто стоял вокруг него. Никаких девчонок, только мальчики. И Отто шепотом рассказывал. О тайнах взрослых девушек. Юэль всегда слушал с жадностью. Но в то же время не доверял Отто. Не потому, что они с ним обычно враждовали. Отто и соврет, недорого возьмет. Но, с другой стороны, в этом тоже не было уверенности. Уверенным можно быть только, когда знаешь сам. И только тогда.

Юэль вспомнил женщину из видения. Как она подошла к нему. Капитан Юэль Густафсон осмелился посмотреть на нее. Но он, Юэль Густафсон, который мечтал об этом и у которого болело горло, потупил взгляд. Он не мог решиться взглянуть на нее даже в мечтах. Это было очень стыдно.

Юэль сам подобрал слово. *Стыдно*. Это то, на что не можешь поднять глаза. И женщина была как раз этим.

Но кое-что он все же увидел. То неизвестное, что взволновало его.

Она была так похожа на новую продавщицу Энстрёма, которая говорила со стокгольмским акцентом и еще не превратилась в тетку.

И тут Юэль понял. Вот он, больной, сидит в своей кровати. И он теперь знает. Новогодняя клятва, которую он себе дал о том, что дол-

жен увидеть голую женщину: он должен увидеть продавщицу Энстрёма. Без одежды. Вот что должно произойти.

Это был шаг в верном направлении. Теперь он знал, кого выбрал. Или кого мечта выбрала за него.

Юэль почувствовал, что от мечтаний проголодался. И горло совсем перестало болеть. Он отправился в кладовку и взял блюдо с кровавым пудингом, который остался со вчерашнего дня. Холодный пудинг был невкусный. Но когда голоден по-настоящему, тебе не так уж важно, что ешь. Юэль положил пудинг и брусничное варенье на тарелку. Потом забрался на подоконник. По улице проехала машина, сразу за ней еще одна. По тротуару шли толстые тетки, ступая осторожно, чтобы не поскользнуться. Они направляются в магазин Энстрёма за продуктами. И никто из них не видит, что Юэль сидит у окна и желает им грохнуть.

Он ел пудинг. Голод — не тетка. Потом вернулся в свою комнату. Вспомнил о Ларсе Ульсоне, который лежит мертвый на кладбище: интересно, ел ли он когда-нибудь кровавой пудинг? А капитану Юэлю Густафсону приходилось ли жевать холодный пудинг во время своих дальних странствий?

Прыгнув на кровать и свернувшись калачиком под одеялом, он выбросил из головы эти мысли. Больше всего ему хотелось снова почитать о женщине, которая подошла к нему на берегу. Но у него были и другие клятвы, над которыми следовало поразмыслить. Ведь день тянется долго. Пройдет много часов, прежде чем Самуэль вернется из леса.

Юэль должен дожить до ста лет. По меньшей мере до 2045 года. Для этого нужно быть сильным. Но в мире, в котором он живет, нет великанов, чтобы помериться с ними силой.

Единственное, что здесь есть, это зима. Снег и стужа.

Зима и станет тем великаном, которого Юэль вызовет на бой и победит. Он докажет, что он сильнее мороза.

Как это сделать, он тоже знал. Чтобы стать выносливым, он сразу же начнет закаляться.

Он будет спать по ночам во дворе.

В деревянном сарае стоит старая кровать. Она-то ему и пригодится.

Как только Самуэль уснет, Юэль возьмет матрас и одеяло и постелит себе во дворе. Вначале он будет спать в одежде и ботинках. Но когда привыкнет и станет выносливее, он будет надевать только пижаму.

У него даже заболел живот, когда он подумал об этом.

Спать во дворе на заснеженной кровати.

Но он поклялся. Мертвецы слышали это. Ларс Ульсон — свидетель его новогодней клятвы. Ее нельзя нарушить.

Юэль свернулся калачиком под одеялом. Сглотнул. В горле скребло и кололо. Словно там застряла деревяшка, которую он отпилил на уроке труда. Но самочувствие вроде бы не ухудшалось.

Наконец Юэль вспомнил о своей третьей клятве. О том, как он разрешит самую большую из всех проблем. Сделает так, чтобы раз и навсегда Самуэль накрепко всадил свой топор в какой-нибудь пенёк, вытащил свои старые чемоданы и тельняшки из шкафа и сказал: «Пора. Мы едем к морю. Волны нас ждут».

Волны ждут нас.

Юэль почувствовал, как внутри него разгорается огонь. Где-то далеко волны ждут нас. Но будут ли они ждать всегда?

Юэль знал, что есть всего два выхода: или он должен так опозорить себя и Самуэля, что они просто-напросто не смогут больше оставаться в этом городе. Тогда они уедут. Это один вариант.

Другой состоял в том, чтобы Юэль каким-то способом заработал очень много денег. Так много, чтобы Самуэлю не пришлось бы больше рубить деревья, чтобы купить им что-нибудь поесть.

Но как раздобыть так много денег? Юэлю тринадцать лет. Он все еще малявка. А малявки не зарабатывают денег.

Но все же у него были кое-какие идеи.

Одна из них — стать самым юным королем рок-н-ролла в Швеции. Снежным Элвисом.

Другая — продавцом летних фургончиков. Юэль знал: продавать летние фургончики — верный способ разбогатеть.

Юэль прервал свои раздумья. Что-то помешало ему. Он поглядел в окно и выпрыгнул из кровати.

За окном снова пошел снег. Пухлые хлопья падали на землю.

Глава пятая

Фрёкен Недерстрём посмотрела на Юэля.

Наступило завтра. Когда Юэль уже выздоровел.

Но она посмотрела на него не так, как будто раскрыла тайну. Она просто спросила, почему его не было вчера, не болел ли он. Юэль ответил, что болел. Затем класс пропел утренний псалом. Когда фрёкен Недерстрём села за орган и нажала на педаль, Юэль затаил дыхание. Если бы трубы не издали привычные звуки, он упал бы в обморок. Он обеими руками вцепился в скамью. Ему показалось, что он вдруг очутился в лодке, которую вот-вот захлестнет огромная волна. Эва-Лиза по кличке Борзая стояла рядом с ним и хихикала. Она ничего не знала. Просто она хихикала над всем, что было хоть чуть-чуть не так. Например, над тем, что Юэль вцепился в скамью.

Но фрёкен Недерстрём ни в чем его не подозревает. Это самое главное. Значит, его ночное посещение школы так и останется в секрете. Если только Юэль сам не решит рассказать о том, что случилось. Когда-нибудь в будущем. Может, в 2035 году, когда ему исполнится девяносто лет. Но фрёкен Недерстрём тогда уже умрет. Будет лежать на кладбище под тяжелой плитой, как Ларс Ульсон.

Так начался день в школе. И начался он хорошо. На первом уроке была география, любимый предмет Юэля. Особенно ему нравилось, когда фрёкен Недерстрём рассказывала о дальних землях и их обитателях. Однако в тот день речь шла о северных странах. Это было не так здорово. Но Юэль слушал. Он подумал, что даже фрёкен Недерстрём оживляется на уроке географии.

Как раз в это утро ему пришла в голову поразительная мысль: фрёкен Недерстрём тоже была когда-то маленькой. Сидела, как Юэль, на скамье в школе. И, возможно, больше всего любила географию.

Такие мысли всегда давались Юэлю с трудом. Представить взрослых своими ровесниками. Даже Самуэля. Иногда Юэль смотрел на фотографии Самуэля, где он был снят мальчиком. Таким же, как Юэль. Конечно, это был Самуэль. Но в это так трудно поверить. Как будто Юэль смотрел на совсем другого человека. Когда он разглядывал фотографии Самуэля, то думал о том, как изменится он сам. Что он увидит в зеркале лет через пятьдесят? Не говоря уж о ста. Юэль представлял себе, как он придет к фотографу в 2044 году, за год до

своей смерти. Древний старик с длинной белой бородой. Но он не будет сутулиться. Этого не случится никогда в жизни. Он так решил. Дал клятву на всю жизнь, и будет повторять ее каждый год.

Время бежало быстро. Когда день начинался с географии, Юэлю казалось, будто он разбежался и скользил по отполированному до блеска льду. Тогда даже на скучнейшем уроке Закона Божьего находилось что-нибудь интересное. В тот день фрёкен Недерстрём рассказывала об Иоанне Крестителе, которому отрубили голову и положили на блюдо. А Саломея танцевала и получила его голову в награду. Фрёкен Недерстрём говорила, что Саломея была очень красива и танцевала в прозрачных одеждах. Юэль понял это так, что она танцевала почти голой. Или что ее тело просвечивало сквозь одежду. Борзая хихикнула. Юэль решил, что понял правильно.

Он стал потихоньку рассматривать соседку. Она немного изменилась. У нее появилась грудь. Юэлю часто хотелось дотронуться до Эвы-Лизы. Особенно до груди. Иногда, нагнувшись за чем-нибудь, он старался коснуться ее. Но Борзая была начеку. Она не только бегала быстрее других. Но могла еще и зашипеть, оскалив зубы.

Юэль принялся мечтать. О продавщице Энстрёма, о том, что она танцует в прозрачных одеждах, стоя за прилавком в магазине. Но толстые теткы ничего не замечают. Только Юэль видит, что происходит. Затем за прилавком появляется сам Энстрём. На блюде, на котором обычно лежат кольца колбасы, Юэль видит голову. Толстые теткы опять ничего не замечают. Только Юэль знает, в чем дело. Голова похожа на начальника станции Книфа, на нем форменная фуражка.

Юэль не успел домечтать, как урок закончился. Кто-то спросил его, не хочет ли он пойти поиграть на Конюшенном лугу. Вдруг там уже много снега и можно раскатать ледяную дорожку? Юэлю больше всего на свете хотелось пойти. Но он все же отказался. У него было дело, с которым не стоило тянуть.

Юэль подождал на школьном дворе, пока Борзая не убежала. Человек, к которому он собирался пойти, жил в том же доме, что и она. Юэль не хотел, чтобы она увидела его. Она тут же разболтает. А болтает она не хуже, чем бегают.

Юэль взобрался на холм к дому, где жил музыкант и покоритель женских сердец Крингстрём. Именно Крингстрёму Юэль собирался нанести визит. Он был толстый, лысый и руководил собственным оркестром. Год назад Юэль приходил к нему в гости. Тогда ему захотелось научиться играть на саксофоне. У него все еще стояло перед глазами, как Крингстрём уставился на него, подняв на лоб очки. Неужели он не хочет научиться играть на гитаре, как все другие мальчишки?

Но теперь Юэль передумал. Поэтому-то он и пошел к Кринг-стрёму.

Король рок-н-ролла должен уметь играть на гитаре.

Он продолжал карабкаться на холм. Борзая исчезла из виду. Больше она не мелькала перед ним.

Но он все еще не мог решить, что ему выбрать. Стать королем рок-н-ролла или продавцом летних фургончиков. Наверно, у короля музыки жизнь веселее. Он скользит по сцене с гитарой в руках. Поет прямо в микрофон песню Элвиса Пресли «Hound dog». А перед сценой воет толпа сплошь из девчонок, которые мечтают оторвать у него прядь волос или кусочек одежды.

В то же время, когда тебе все время досаждают, это обременительно. Когда тебя постоянно фотографируют. И совсем нет времени свернуться калачиком в кровати и помечтать.

Юэль подумал, удастся ли королю рок-н-ролла когда-нибудь поребачиться. И расстроился. Вряд ли у него есть на это время.

Совсем другое дело — продавать летние фургончики. Вообще-то эту мысль подал ему Самуэль. Как-то раз они сидели на кухне и обедали. Юэль все еще помнит, что на обед у них была жареная салака. Он осторожно спросил у Самуэля, смогут ли они когда-нибудь зарабатывать столько денег, чтобы купить машину.

— Сомневаюсь, — ответил Самуэль, — но ты, может, и сумеешь как-нибудь заработать действительно много денег.

Юэль решил, что случай подходящий, и спросил:

— А когда ты был моряком, ты ведь зарабатывал много денег?

— Да нет, — сказал Самуэль. — Время в основном проводишь в море. А там с деньгами нечего делать. Поэтому все деньги спускаешь, когда приходишь в порт.

Тут Юэль понял, что отец снова вспомнил Енни, которую он встретил, когда был моряком. Лицо его погрузнело, словно на солнце нашла тучка. Он даже казался слегка раздосадованным. Иногда Юэль думал, что Самуэль ненавидит маму Енни. За то, что она опозорила его, сбежав от них.

Юэль сразу сменил тему. Он вернулся к тому, с чего начал: деньги. Как можно заработать действительно много денег?

— Скажи, у кого много денег? — спросил он.

— У тех, кто продает летние фургончики, — ответил Самуэль.

Юэль удивился. Но отец объяснил:

— Лет через десять каждый швед обзаведется летним фургончиком прицепом позади машины. Те, кто сегодня продает эти фургончики, вскоре разбогатеют.

«Но ведь мы не купим себе летний фургончик», — подумал Юэль. «Или нам с Самуэлем придется самим тащить его, как двум лошадям».

Зачем нужен летний фургончик, если у тебя нет денег купить машину?

Тут Юэль почувствовал, что разозлился. Так всегда случалось, стоило ему вспомнить, как мало у них денег. Ведь они с Самуэлем бедняки. Несмотря на то, что в Швеции не должно бы уже остаться ни одного бедняка. Но потом ему стало совестно. Самуэль работает изо всех сил. Он не может сделать больше, чем он делает.

После разговора за обедом Юэль много думал о том, что сказал Самуэль. И понял, что это единственный способ заработать на машину. Если Юэль продаст действительно много летних фургончиков, у них появятся деньги. И им не придется тащить фургончик на себе.

Но это случится только тогда, когда он исполнит новогоднюю клятву, над которой он должен еще всерьез подумать. Принять решение. Стать королем рок-н-ролла или продавцом летних фургончиков. Выбор совсем не простой.

Нужно преодолеть немало трудностей. И главная, конечно, в том, что Юэлю еще не исполнилось четырнадцать. Наверно, существует закон, по которому те, кто не имеет права ездить на мопеде, не могут и продавать летние фургончики. Возможно, есть какие-то возрастные ограничения и для короля рок-н-ролла. Сколько же было Элвису, когда он начал петь? Юэль решил спросить Крингстрёма. Уж он-то знает. Хотя все говорили, что он терпеть не может рок-н-ролл и играет медленную и занудную музыку, которая называется слоу фокс.

Юэль дошел до вершины холма. Здесь стоит дом Крингстрёма. Борзой не видно. Юэль отметил, что старый черный автомобиль стоит рядом с домом. Значит, Крингстрём не уехал. Никто никогда не видел, чтобы он ходил по улицам пешком. Если он куда-то собирался, он садился в автомобиль. На другой стороне улицы стоит киоск. Даже туда Крингстрём ездил на машине.

Юэль поднялся по лестнице и позвонил. Дверь открыл Крингстрём. Как обычно, на лбу у него красовались очки.

— А, это ты хотел учиться играть на саксофоне, — неодобрительно сказал он. — И потом больше не появлялся.

Юэль выпалил заготовленный ответ:

— Зубной врач сказал, что мне нельзя играть на духовых инструментах.

Он соврал. С зубами у него все было в порядке. Но Крингстрём, вроде, поверил ему. В общем-то соврать ему ничего не стоило. Он считал, что ложь бывает разная. Белая и черная. И та, которую Юэль

называл серой. Эта ложь была серой. Она никому не причиняла вреда и помогала решить проблему. Потому что соврав, можно было избежать ненужных разговоров еще до того, как они начнутся.

— Зато я хотел бы научиться играть на гитаре, — сказал Юэль.

— Разумный выбор, — согласился Крингстрём. — Теперь, год спустя, действительно разумный выбор.

Он впустил Юэля. Мальчик помнил эту квартиру еще с прошлого года. Казалось, будтоходишь в музыкальный магазин, в котором еще и живут. Повсюду висели пластинки. В основном, на 78 оборотов. Но с того времени, как Юэль был здесь последний раз, прибавились и новые, долгоиграющие. Крингстрём опустил в потертое кресло и указал на стул. Там должен сесть Юэль. Насколько он мог видеть, больше стульев в квартире не было, разве что на кухне. Вместо этого по всей комнате стояло бесчисленное количество пюпитров. Даже в ванной. Наверно, Крингстрём все время разучивает новую музыку. Даже сидя в туалете.

— Ну и как же тебя зовут? — спросил он.

— Юэль Густафсон, — ответил Юэль.

Крингстрём удивился. Это он уже успел забыть.

— И ты хочешь учиться играть на гитаре?

— Я подумываю о профессии короля рок-н-ролла.

Крингстрём с изумлением посмотрел на него.

— Ты называешь профессией эти крики и выкрутасы?

— Но Элвис Пресли всего-навсего поет.

Крингстрём нетерпеливо махнул рукой.

— Не говори со мной об этом человеке, — сказал он. — Он испортил музыкальный вкус молодежи.

Юэль решил, что лучше не спорить. А то он рискует, что Крингстрём выкинет его за дверь. Главное, чтобы он научил его играть на гитаре.

— Итак, ты хочешь стать королем рок-н-ролла, — разочарованно произнес Крингстрём. — И какое ты думаешь взять себе имя?

— Снежный Элвис, — выпалил Юэль.

— О Боже мой! — сказал Крингстрём и покачал головой.

— Но прежде всего я хочу научиться играть на гитаре, — продолжил Юэль.

— Я подумаю над этим, — ответил Крингстрём. — Приходи через несколько дней, чтобы у меня было время поразмыслить.

Затем он сказал, что его ждут дела. Юэль вышел из его квартиры и стал спускаться по холму. Худшее было позади. Будем надеяться, Крингстрём не откажет. Со временем Юэль выведает у него все секре-

ты, которые нужно знать, чтобы стать королем рок-н-ролла. Главное, сколько лет было Элвису Пресли, когда он впервые вышел на сцену.

Спускаясь вниз, Юэль прибавил шаг. Перед тем, как пойти домой готовить обед, он хотел сделать еще одно дело. Заглянуть в магазин Энстрёма, чтобы проверить, что продавщица все еще там. Что она ему не привиделась.

Как обычно, в магазине стояла толпа теток, которые пихали друг друга. Но сегодня Юэля это не волновало, он ведь не собирался ничего покупать.

Продавщица стояла за прилавком. И когда он украдкой взглянул на нее, он заметил, что она красивая. Он вполне мог бы представить ее танцующей в прозрачных одеждах. Юэль почувствовал, как внутри него разгорается огонь. Это было странное ощущение, он никак не мог его себе объяснить. Рано или поздно придется поговорить об этом с Самуэлем. Хотя он совсем не уверен, что отец в этом разбирается.

Итак, продавщица на месте. Но он все еще не знает, как ее зовут. Но узнает. И где она живет, тоже узнает.

Тут его толкнула одна толстая тетка.

— Куда лезешь! — сердито зашипела она. — Ты разве не за мной стоял?

— You are nothing but a hound dog!* — набравшись наглости, крикнул Юэль.

И удрал из магазина.

Он торопился домой. День прошел хорошо. Он сделал все, что задумал.

Уже завтра он начнет следить за новой продавщицей Энстрёма. Но прежде он должен сделать еще кое-что. Важное.

Он должен навестить Гертруд. Она живет в маленьком домике по ту сторону реки. И у нее нет носа.

Ее нужно навестить сегодня же вечером.

* Ты просто старая ищейка! — Англ. Строчка из песни Э.Пресли.

Глава шестая

Перед Юэлем высился железнодорожный мост, словно окаменевшее доисторическое чудовище. Луна отражалась на огромных железных арках.

Когда-то Юэль, забравшись туда, беспомощно ползал по одной из арок. Пока Самуэль наконец не поднялся наверх и не спас его.

Юэль поехал, вспомнив об этом. Если бы тогда он упал, сейчас его уже не было бы в живых. Он стал бы таким же, как Ларс Ульсон. Скелетом в холодной земле с надгробной плитой над головой. *Юэль Густафсон. Скончался в возрасте 11 лет.*

Сейчас Юэль шел по мосту к дому Гертруды. Юэлю хотелось и не хотелось думать о смерти. Если о ней думаешь, значит зовешь ее. Не стоит заигрывать со смертью, как с котенком. С ней следует держаться, как при встрече со львом в джунглях. Но все же эти мысли теснились в голове и стремились вырваться наружу. Отогнать их от себя было нелегко.

Юэль решил, что смерть труднее представить, чем жизнь, хотя она и сложная. Как вообразить, что тебя нет? Что ты больше не думаешь?

К тому же мертвым человек остается так долго. Это труднее всего представить. Ларс Ульсон мертв уже двадцать лет. Это больше, чем Юэль успел прожить. Но ведь есть много людей, которые мертвы столетиями.

Если бы хоть не надо было умирать так надолго, пожалел Юэль, задумчиво разглядывая железнодорожный мост.

Наверно, тогда еще было бы ничего.

Юэль взглянул на луну. Было около шести часов. Он пообедал вместе с Самуэлем. Теперь он шел к Гертруд. Последний раз он видел ее много недель назад.

Он побежал по мосту, с легкостью прибавляя скорость, потому что представлял, как за ним кто-то гонится. Выбирать было из юго.

Сейчас он представлял себе орду толстых теток, скачущих за его спиной и авоськами подхлестывающих лошадей.

Он добежал до опоры на другой стороне моста. Толстые тетки улетучились из головы. Он свернул влево, на тропинку вдоль реки. Дом Гертруд окружал заросший сад. В нем росли рябина и смородиновые кусты. В окошке горел свет: Гертруд была дома.

Юэль затаил дыхание, прежде чем взяться за кожаный ремень на входной двери. В ту же секунду в доме начали бить часы. Условный сигнал. Потом он услышал, как Гертруд крикнула, чтобы он входил.

Сколько раз он бывал у Гертруд дома, Юэль не знал. Много раз. Началось все с той несчастной ночи, когда они с Туре выкопали замерзший муравейник и подбросили его Гертруд в окно. Но это было давно. Туре не живет больше в их городе. А Гертруд и Юэль подружились. Но не навсегда. Год назад они поссорились, когда Юэль хотел найти для Гертруд жениха. Но теперь все прошло. Прошло и забыто.

Гертруд — примечательная личность. Не только потому, что у нее нет носа. Вместо него у нее дырка, которую она прикрывает носовым платком. Или красным клоунским носом, когда у нее хорошее настроение. Она осталась без носа после неудачной операции. И теперь живет одна в домике на другом берегу реки. Ей уже исполнилось тридцать, и иногда она говорила Юэлю, что чувствует, как стареет.

Гертруд совсем не похожа на других знакомых Юэля. Она понимает, что люди сплетничают за ее спиной. Потому, что она носит странную одежду, которую шьет сама. Потому что у нее чучело зайца в птичьей клетке и игрушечный паровозик в аквариуме. И больше всего потому, что она говорит то, что думает. Хотя это часто противоречит тому, что думают другие.

Но и Юэль считает, что с Гертруд трудновато. Иногда ему кажется, что она перегибает палку. Юэль всегда боялся быть не таким, как все. То, что он думал и делал наедине с собой, это одно. Но когда он был с другими, он не хотел выделяться.

Гертруд стала его лучшим другом.

Ему это не очень нравилось. Он хотел бы дружить с кем-то получше. По крайней мере с тем, у кого есть нос.

Но так уж вышло. К тому же Гертруд всегда выслушивала все, что он рассказывал. Никогда над ним не смеялась и не дразнила его, даже если он говорил глупости. А ему казалось, что он говорил много глупостей.

Сегодня Юэль хотел рассказать Гертруд о новогодних клятвах.

Но, наверно, не обо всех трех. Он все еще не решил, стоит ли ему рассказывать о новой продавщице Энстрёма. Ведь в его воображении она уже танцевала перед ним в прозрачных одеждах. Юэль точно не знал, как Гертруд это воспримет. Это было единственное, о чем они с Гертруд не говорили никогда. О других женщинах.

Гертруд сидела, поджав ноги, на своем апельсиновом диванчике и читала Библию. Юэль никак не мог понять, что значит верить в Бога. О Боге он тоже размышлял время от времени. Как ни странно, чаще

всего, когда кончались деньги. Как будто в этом был виноват Бог, что на кино не хватает одной кроны.

Но сейчас новогодние клятвы важнее.

Гертруд отложила Библию. Место, где когда-то был нос, она прикрыла сегодня клетчатым платком, свернув его в комок и засунув в дырку.

— А я думала, ты совсем забыл обо мне, — сказала она. — Мы не виделись уже очень давно.

— В школе много задают, — ответил Юэль.

Это была почти правда. Но не совсем. Уже несколько недель он и не вспоминал о Гертруд.

— Но вот ты пришел, — продолжала она. — Это, конечно, потому, что тебя занимают какие-то мысли?

Юэль кивнул. Потом рассказал о новогодних клятвах. Она слушала, как обычно, наклонив голову и подперев рукой подбородок.

О продавщице Энстрёма Юэль пока умолчал.

— Есть ли какое-то ограничение по возрасту, чтобы стать королем рок-н-ролла? — спросил он. — Или продавцом летних фургончиков?

— Наверно, нельзя быть слишком старым, — ответила Гертруд. — А слишком молодым, скорее всего, можно.

— Сколько было Элвису, когда он начал петь? — спросил Юэль.

Он знал, что Гертруд любит Элвиса Пресли. Иногда они вместе слушали его пластинки и пытались уловить, о чем он поет. Зачастую это было трудно. Как будто песни были просто ни о чем.

— Элвис пел еще в животе у своей мамы, — ответила Гертруд.

Такие ответы Юэлю не нравились. Слишком они неопределенные.

— А потом? Когда он родился?

— Он пел всегда.

Юэль понял, что больше Гертруд ничего не сможет сказать. Поэтому он перешел к летним фургончикам. Он пояснил, что на самом деле, идея возникла у Самуэля.

— Может, что и получится, — сказала она. — Но я не думаю, что тебе будет очень весело разъезжать по автомобильным стоянкам, где выставляют летние фургончики. И пытаться их продать. А откуда ты возьмешь деньги, чтобы купить их?

— Я не буду покупать. Я буду продавать.

— Но ведь сначала ты должен получить то, что будешь продавать. Перед тем, как продать, ты должен их купить.

Об этом Юэль не подумал. Значит, никто не даст ему несколько летних фургончиков, если он пообещает заплатить за них потом?

Что ж, это решает дело. Больше можно не колебаться.

Он станет королем рок-н-ролла. Он рассказал, что уже побывал у Крингстрёма. Сперва ему нужно научиться играть на гитаре. Потом он станет учиться петь.

— Я не знаю, сможешь ли ты хорошо петь, — осторожно заметила Гертруд.

— Элвис поет не так уж хорошо, — решительно ответил Юэль. — Но зато громко.

Гертруд задумчиво кивнула.

— И все же он поет довольно хорошо, правда?

— Да, но главное громко.

Юэлю не хотелось углубляться в подробности. Во всяком случае, не сейчас. Когда он научится играть на гитаре и выучит несколько мелодий, он даст ей послушать.

Гертруд спросила, не хочет ли он сока. Юэль ответил, что хочет. Они вместе отправились на большую кухню. Этот дом отличался тем, что в нем умещались две кухни, хотя он был не такой уж большой. Гертруд это нравилось. Так же, как и спать каждую ночь на разных кроватях.

В маленькую кухню она приходила, если была голодна чуть-чуть. В большую — когда кто-нибудь ее навещал.

Юэль смотрел, как она разливает сок. Он подумал, что Гертруд могла бы быть красивой. Если бы только у нее был нос. И если бы она носила обычную одежду. Такую, как другие. А не эти странные юбки, которые она себе шила.

И тут он вдруг увидел дырку вместо носа. И чудную одежду.

Откуда это взялось, он не знал. Но вдруг подумал, как уродлива Гертруд.

Она протянула ему стакан сока. Он взял его.

— Что с тобой? — спросила она.

— Ничего.

— Но ведь я вижу, ты о чем-то думаешь?

— Чертова зануда!

Теперь оно нахлынуло на него еще сильнее. Отвращение к Гертруд.

Женщине, которая видит его насквозь. Читает его мысли. Как таких называют? Ведьма! Но только не длинноносая. Гертруд хуже. Она вообще безносая.

Дальше все произошло очень быстро. Юэль швырнул стакан сока в стену. Стакан разбился, сок брызнул Гетруд на одежду. Он попал даже на платок, заткнутый в дырку носа. Но Юэль этого не увидел. Он уже повернулся, выбежал из кухни, схватил куртку и ботинки, надевая их уже в саду. Сердце колотилось в груди — он понимал, что на-

творил. Дергал шнурки ботинок и злился. Все время оглядывался. Но Гертруд не вышла. Надевая ботинки, он вспотел от усилий. И побежал прочь так быстро, как только мог. Лишь когда он добежал до середины моста, он остановился и перевел дух. Из рта шел пар. Пот холодел тело. Он попрыгал, но холод шел изнутри. Что же он и все-таки натворил? Почему бросил стакан в стену? Ведь он пришел в гости к Гертруд, своему лучшему другу. Хотел спросить ее о том, что его мучит. А когда она задала ему вопрос, он швырнул в стену стакан.

Теперь Юэль жалел об этом. Он все еще не отдышался. И очень замерз. Пот словно иголками колол тело под майкой. Юэль взглянул вниз, на черную воду. Лед еще не появился. Но вода уже начала застывать.

«Я сейчас прыгну туда, — подумал Юэль. — Это ужасно. Я никогда не смогу снова встретиться с Гертруд. Зачем я это сделал?»

Но он не прыгнул в воду. Он вспомнил, что Гертруд тоже пыталась когда-то свести счеты с жизнью. Бросившись как раз в эту реку. У нее-то и вправду была для этого причина, потому что она безносая.

Юэль подумал, что стоит сейчас же вернуться к Гертруд. Она ведь даже не поняла, что случилось. Но, может, она ему это объяснит? Объяснит ему, что он наделал?

Однако он не вернулся, потому что трусил. Он прокричал об этом, подняв лицо к небу:

«Потому что я трус. Я, Юэль Густафсон, мокрая курица!»

А затем он пошел домой. Он мерз и подпрыгивал, стуча зубами.

Когда он вошел в квартиру, Самуэль сидел у радиоприемника. О чем-то вещал скрипучий голос. Самуэль спал, склонив голову на грудь. Он спал с открытым ртом. Юэль тихо прокрался мимо него. Сейчас ему больше всего не хотелось, чтобы Самуэль проснулся. Хорошо бы весь мир погрузился сейчас в сон. Мальчик прикрыл за собой дверь, разделся и прыгнул в кровать. И стал медленно оттаивать. Он закрыл глаза и постарался представить, что все это ему только приснилось. Он не разбивал стакана в доме Гертруд. И ему совсем не грустно.

Но уговорить себя не получалось. Лишь на мгновение удавалось поверить, что это был сон. Потом все снова возвращалось. Кухня. Гертруд спрашивает его. Он обзывает ее. Швыряет стакан в стену.

У него разболелся живот.

В жизни бывали моменты, когда Юэль Густафсон совершенно не знал, что предпринять.

Сейчас был как раз такой момент.

Он услышал, что Самуэль проснулся. Выключил радио. Юэль накрылся одеялом с головой и притворился, что спит. Самуэль приоткрыл дверь. Прислушался. И снова закрыл.

Но Юэль не спал.

Если бы он мог, бросил бы тело в кровати, а сам отправился бы прочь. Но люди не могут вылезти из собственной кожи. Это могут только змеи.

Он не мог понять, что же с ним произошло. Он чувствовал, что Гертруд отвратительна, но разве это ее вина? Ведь она не сама отрезала себе нос.

Самуэль уснул. Его храп сотрясал стены. Сейчас Юэлю было трудно думать о продавщице Энстрёма. Или о том, что скоро он станет самым юным королем рок-н-ролла в Швеции. А может даже и в мире.

Он старался выкинуть из головы все то, что с ним произошло. Но напрасно. Тогда он встал и подошел к окну. Небо было чистым и звездным. Он посмотрел на заснеженную улицу, туда, где одиноко светил фонарь. Именно там он впервые увидел, как пробежала таинственная собака.

Вдруг сердце его замерло. Там, в тени, у самой границы пирамидки света, стоял некто.

Сначала он решил, что ему показалось. Но потом он разглядел. Кто-то стоял у фонаря и смотрел на его окно.

Вскоре он понял, кто это.

Это была Гертруд.

Глава седьмая

Такого раньше никогда не случалось, чтобы Гертруд стояла под фонарем. Ни днем, ни, как сейчас, ночью. Когда Юэль узнал ее, он вначале подумал, что это видение. То, что можно увидеть, но чего на самом деле нет. Но Гертруд стояла там, переминаясь с ноги на ногу, и даже попала под свет фонаря. На мгновение Юэль ясно увидел ее. Он прижался лицом к холодному стеклу. Это была она. Она стояла и смотрела на его окно. Но Юэль знал, что Гертруд не видит его. В комнате темно. Он видел ее. А она его нет.

Что-то жуткое было в том, что она стояла там, в ночи. Юэлю показалось, будто он смотрит на последнего человека на земле. Должно быть, так будет в день Страшного Суда, о котором рассказывала фрёкен Недерстрём. Последний из смертных стоит, не шелохнувшись, под фонарем посреди ночи в маленьком городке, затерянном в краю Норланд.

Едва ли Юэль мог бы вообразить себе более одинокого человека.

Тут он понял, что должен впустить ее. Нельзя, чтобы человек чувствовал себя таким покинутым. Он натянул брюки и свитер поверх пижамы, вышел на кухню и сунул босые ноги в сапоги. Самуэль спал. Он громко храпел.

Оказавшись на улице, Юэль вдруг смутился. Но было поздно. Гертруд увидела, как он вышел из дома. Повернуть назад или притвориться, что он ее не заметил, Юэль не мог.

Они стояли по разные стороны улицы. Вокруг царила тишина. Только ночь и звезды. Юэль чувствовал, как в сапоги пробирается холод. Он нерешительно пересек улицу и приблизился к Гертруд.

— Зачем ты тут стоишь? — спросил он.

— Ты разбил стакан о стену в моей кухне, — сказала она. — Это ничего, со мной такое тоже случалось. Но я не понимаю, почему. Поэтому я пришла.

— Я уже почти уснул, — сказал Юэль.

Зачем он соврал? Неужели не мог придумать ничего получше? Но то, что он произнес потом, удивило его куда больше.

— Пойдем ко мне, — сказал он. — Я забыл надеть носки. Мне холодно.

Дело оборачивалось все хуже и хуже. Юэль не мог привести к себе Гертруд. Что если проснется Самуэль? Но было опять поздно. Теперь уже ничего не изменишь.

— Наверно, тебе пора домой, — неуверенно произнес он.

— Мне некуда спешить, — ответила она. — К тому же я никогда не видела, как ты живешь.

— Лучше, если мы пойдем очень тихо. Чтобы не разбудить Самуэля. Они вошли в дом.

— Какие ступеньки скрипят? — спросила Гертруд.

— Четвертая, пятая и двенадцатая, — ответил Юэль.

Они беззвучно вошли в квартиру. Ночные гости были у Юэля впервые.

— Вкусно пахнет, — прошептала Гертруд, когда они пришли на кухню.

— Это салака, — ответил Юэль.

Самуэль храпел. Они вошли в Юэлевую комнату и прикрыли дверь. Мальчик приложил палец к губам.

— Тут все слышно, — сказал он.

— У старых домов хорошие уши, — заметила Гертруд и села на кровать.

Юэль увидел, что она волнуется. Ему вовсе не хотелось, чтобы Самуэль проснулся. Вошел в комнату и увидел Гертруд.

И вдруг к нему вернулись прежние мысли.

Он увидел ее нос, которого на самом деле не было.

Нос, которого не было, пришел к нему в гости.

Юэлю хотелось, чтобы там, на краешке кровати, сидела новая продавщица Энстрёма. В обычной одежде и чтобы, когда она говорит, он слышал бы ее столичный акцент.

Но это была Гертруд.

И она снова будто прочла его мысли.

— Почему ты разбил стакан? — спросила она.

Юэль потупил взгляд и уставился на свои ноги. Он увидел, что правый сапог грязнее левого. Так получалось всегда. Он даже не понимал, почему. Может, у правой и левой ноги разная способность притягивать грязь?

— Я не знаю, — промямлил он. — Я не нарочно.

— Конечно, нарочно, — сказала Гертруд. — Иначе почему бы тебе бросаться стаканами?

Юэль продолжал разглядывать свои ноги. Он совершенно не знал, что ему ответить. Не мог же он рассказать, что ему вдруг подумалось, какая она уродина. Что он увидел нос, которого у нее не было.

Когда он взглянул на нее, то заметил, как погрузнело ее лицо. Она сидела прямо в луче лунного света, светящего в окно. Юэлю тут же стало стыдно.

— Я просто так, — пробормотал он.

Он снова поднял глаза, и встретился с ней взглядом.

— Думаю, ты начинаешь взрослеть, — сказала она.

Юэль было приятно это услышать. Что он начинает взрослеть. Но в то же время в голосе Гертруд прозвучало кое-что, задевшее его. Что она хочет этим сказать?

Взрослые часто так делают. Юэль знал, что к этому надо привыкнуть. Самое главное всегда то, о чем они умалчивают.

Но сейчас она это скажет.

— Я чаще других веду себя, как маленький, — сказал он.

Она покачала головой.

— Ты начинаешь взрослеть, — повторила она. — И наступит день, когда ты забудешь обо мне. Может, даже не поздороваяешься, если встретишь меня. А может, перейдешь на другую сторону улицы.

Юэль удивленно посмотрел на нее.

— Почему не поздороваяюсь?

— Потому что тебе будет стыдно.

— Чего мне стыдиться?

В ответ она снова спросила:

— Почему ты разбил стакан?

В эту минуту Юэль бросил бы в стену еще один стакан, если бы он у него был. И даже не подумал бы, что непременно разбудит Самуэля.

Его раздражали ее вопросы. Его злило то, что она была права.

Но он покачал головой.

— Я не нарочно, — сказал он. — Зачем ты стояла там, на улице? Ведь я мог бы и не увидеть тебя.

— Тогда я бросила бы снежок тебе в окно. Ведь ты показывал мне, какое окно твое.

— Это было бы не так уж здорово, — ответил Юэль. — Ты разбудила бы Самуэля. А ему не нравится, когда я вожу в свою комнату девочек так поздно.

Если бы он мог, он откусил бы себе язык. Ведь он понимал, как глупо это звучит. Ведь он никогда даже в фанты не играл. Сейчас она его раскроет.

Но Гертруд этого не сделала. Она ничего не сказала.

Вместо этого она так резко встала, что Юэль вздрогнул.

— Во всяком случае теперь я знаю, почему ты разбил стакан, — сказала она.

— Но ведь я не сказал, почему. Я только сказал, что я не нарочно.

— Мне этого достаточно, — сказала она. — Теперь я пойду домой. А ты ложись-ка спать.

Юэль на цыпочках проводил ее в сени. Гертруд и вправду умела передвигаться совершенно бесшумно. Он остался стоять в дверях и слышал, как она прошептала себе, какие ступеньки должна переступить. Лестница не издала ни звука.

Потом он смотрел на нее в окно. Гертруд, словно та таинственная собака, то исчезала, то появлялась в свете фонарей. В этот момент Юэлю подумалось, что не так уж она безобразна. Но ведь что-то изменилось в тот вечер. Только Юэль не мог понять, что именно.

Словно что-то ушло. Нечто старое. И нечто иное пришло взамен. Но что это было, Юэль не знал.

Он разделся и нырнул в постель. Он почувствовал, что очень устал.

Он думал о Гертруд, которая идет домой посреди ночи. Вот она подошла к железнодорожному мосту. Но с другой стороны к мосту подошел кто-то еще. Кто-то прошел мимо Гертруд, когда она переходила мост.

Кто-то, кого она не заметила. Поначалу Юэль не видел, кто это. Но потом он узнал. Новая продавщица Энстрёма. На ней были прозрачные одежды — под ними просвечивало ее тело. Хотя стояла холодная ночь, и приближалась зима.

Юэль вздрогнул. Он почти уснул. Выскочил из кровати и подбежал к окну. Но под фонарем никого не было. И уж, конечно, голой женщины.

Он вернулся в кровать. Выбросил из головы Гертруд.

Завтра он узнает, кто такая эта новая продавщица Энстрёма. Ведь у нее должно быть имя. И она должна где-то жить.

В какой-то комнате она вешает свои прозрачные одежды на вешалку.

Наверно, на золотую вешалку.

Утром Юэль, конечно, опоздал. Чтобы разбудить, Самуэлю пришлось потрясти его и едва ли не поставить на пол.

— Торопись, а не то опоздаешь, — сказал он Юэлю.

— Успею.

Юэль умылся и принялся за завтрак — бутерброды и стакан молока. На самом деле есть ему не хотелось. Но если он не позавтракает сейчас, то проголодается уже после утреннего псалма.

— На кухне как-то странно пахнет, — вдруг произнес Самуэль.

— Это от салаки, — ответил Юэль.

— Это запах духов. Как будто сюда ночью приходила женщина, — сказал Самуэль.

И улыбнулся. Юэль почувствовал, что покраснел. Неужели Самуэль все-таки заметил, что Гертруд была здесь? Ведь он все время храпел.

Юэль с волнением ожидал, что он скажет дальше. Иногда Самуэль мог очень разозлиться. Часто тогда, когда этого меньше всего ожидаешь. Но сейчас он просто улыбался. И ничего не говорил. Убрал за собой посуду, кивнул и ушел.

Юэль остался за столом. От Гертруд всегда пахнет духами. Но он так привык к этому, что не замечал.

Что же Самуэль имел в виду? Видел ли он, что произошло?

Юэль сидел и раздумывал в поисках ответа. Он просидел так долго, что, конечно, опоздал в школу. Фрёкен Недерстрём смотрела на него неодобрительно, когда он входил в класс.

Отто, как всегда, ухмылялся. Разозлившись, Юэль пожелал, чтобы перед Отто *никогда* не танцевали женщины в прозрачных одеждах.

— Если это будет продолжаться, я буду вынуждена поговорить с твоим отцом, — сказала фрёкен Недерстрём. — Ты слишком часто опаздываешь.

Юэль ничего не ответил, он тихо прошел и сел на место.

— Почему ты опоздал? — спросила учительница.

— Я проспал.

— У тебя разве нет будильника?

— Есть, но он старый.

— Но ведь твой папа будит тебя?

— Он тоже проспал.

Класс захихикал. Юэль чувствовал, что его загнали в угол. Еще один вопрос, и он взорвется. Тогда он не просто бросит стакан в стену. Он швырнет весь мир прямо в лицо фрёкен Недерстрём. Но она ничего больше не сказала. Урок продолжился.

Это была арифметика. Юэль считал плохо. Потому что все время думал об экспедиции, которую намеревался предпринять в тот же вечер. Когда магазин Энстрёма будет закрываться, он спрячется в тени и станет поджидать ее.

То и дело украдкой он бросал взгляд в тетрадку Эвы-Лизы. Она всегда считала правильно. Списывая у нее, Юэль старался получить верный ответ хотя бы один раз из трех.

По средам Самуэль обедал у Сары. И после оставался у нее на ночь. Сара была его подружкой и работала в пивной Людде позади Народного дома. Там висел табачный дым, пахло мокрой шерстью и

старыми резиновыми сапогами. Раньше, когда Самуэль только начал встречаться с Сарой, Юэль едва терпел ее. Он боялся, что она отнимет у него папу. Сначала мама Энни отняла у него саму себя. А потом Сара стала забирать Самуэля.

Но теперь он относился к ней лучше. В первую очередь, потому, что Самуэль перестал напиваться до того, чтобы драить по ночам кухонный пол. А уж чего Юэль действительно боялся, так это того, что папа напьется. Страх жил в нем всегда. Он каждый день готовился к самому худшему. Но такое случалось все реже. Видимо, это было как-то связано с Сарой.

То, что сегодня была среда, Юэля очень устраивало. Сидя за кухонным столом, он мог составить свои планы на вечер. Ему не придется готовить обед, можно перекусить вареными яйцами и бутербродами.

Магазин Энстрёма закрывается в шесть. К этому часу Юэль должен быть на месте.

Сейчас на часах четверть шестого. Через полчаса нужно выходить. Юэль волновался. Преследовать того, кто даже не подозревает о том, что ты идешь за ним по пятам, — это самое интересное из всего, что он знал.

Несколько лет назад он только и занимался тем, что выслеживал разных людей. Священника, аптекаря и даже начальника станции Книфа. Единственной, за кем он не следил никогда, была фрёкен Недерстрём. Но она никогда никуда не ходила, не считая пути от дома до школы и обратно. Юэля ни разу не обнаружили. Почему его так увлекала слежка за людьми, он не знал. Может, потому, что он чувствовал себя тогда хозяином положения? Но времена меняются.

Пора в путь. Юэль завязал ботинки и вышел. Без пяти шесть он стоял в тени на противоположной стороне улицы. Сквозь освещенную витрину он видел, что в магазине еще оставалось несколько покупателей. Затем они ушли один за другим. Жалюзи на входной двери опустились. *Закрыто*. Юэль ждал. Он беспокоился, вдруг ее все-таки нет в магазине.

Но вскоре она вышла с задней стороны дома.

Это была она, новая продавщица Энстрёма.

Юэль подождал, пока она не скрылась за углом у мебельного магазина.

А потом последовал за ней.

Приключение началось.

Глава восьмая

Юэль осторожно скользнул за угол.

Она была впереди. Пересекла улицу и шла по тротуару на другой стороне. Юэль подождал, пока она не поравнялась с пустырем, на месте которого находилась часовая мастерская, пока не сгорела, потом двинулся за ней. Девушка остановилась у киоска. Что она купила, Юэль не увидел. Затем пошла дальше. Юэль тронулся было за ней, но вдруг застыл как вкопанный. По другой стороне улицы шагал Самуэль. Он шел к Саре. Юэль быстро обернулся и шмыгнул к пустырю. Присел за почерневшими балками. Самуэль прошел мимо и скрылся из виду. «Теперь уж я, конечно, упустил ее», — с досадой подумал Юэль. Снова выскочил на улицу. У киоска было пусто. Он остановился у окошка и снял одну варежку. В киоске сидел старикашка Рудин. Это у него Отто покупал журналы, которые не выставлялись на витрине, а лежали на потайной полке под прилавком.

— Девушка, которая прошла здесь, уронила свою варежку, — сказал Юэль.

— Оставь у меня, — ответил Рудин. — Она еще придет.

— Но мне нужно с ней поговорить, — сказал Юэль. — В какую сторону она пошла?

— Я не видел, — ответил старикашка.

Юэль отошел. Она могла исчезнуть по крайней мере в трех направлениях. Если он побежит, то, может, и догонит ее. Юэль выбрал самую широкую улицу, которая вела к церкви. И удача улыбнулась ему. Он увидел, как ее фигурка мелькнула за углом у старой аптеки.

Юэль перевел дух.

Она совсем недалеко. От родителей только и жди каких-нибудь осложнений. Может, есть хоть какое-то преимущество в том, что мама Энни сбежала? Во всяком случае, это избавило его от осложнений с двух сторон. Вполне достаточно одного Самуэля.

Юэль шел по направлению к домам, стоящим прямо у реки. Так вот где она живет. Если только не в Свенсваллене, городе в нескольких километрах отсюда. Она также может снимать комнату в пансионе Ранка прямо у въезда в город. Других вариантов нет.

Девушка остановилась у среднего из трех домов и вошла в дверь. Юэль стал смотреть на окна. Через минуту одно на втором этаже за-

горелось. Вот где ее дом. Юэль поразмышлял, что это означает. Она может жить у кого-то, кого он не знает. Или же иметь собственную квартиру.

Но раз она не остановилась в пансионе, следовательно, решила остаться в городе. И появилась за прилавком у Энстрёма не на пару дней.

Юэль ждал. Подпрыгивая и притоптывая, чтобы не замерзнуть. Но ботинки действительно были слишком малы. Надо поговорить с Самуэлем. Иначе он сотрет пальцы в кровь.

Потом он перешел улицу и вошел в ворота. Он решил, что если кто-нибудь спросит его, что он здесь делает, он ответит, что ищет человека по фамилии Сверкер. Перед дверью висела доска, на которой наборными буквами были составлены имена жильцов. Во втором ряду слева было пусто. А свет зажегся как раз в том окошке. Может, у нее нет имени? Или она его скрывает? Нет, скорее всего она приехала недавно. Если тут есть портье или сторож, то он, наверно, еще не успел вставить в окошко ее имя. Внизу, под доской, лежали буквы. Юэлю безумно захотелось составить в пустом ряду имя *Саломея*.

Но он не решился. И правильно, конечно. Вместо этого он поднялся по лестнице. Чтобы никто не подумал, что он крадется, мальчик сильно топал по ступеням. Поднявшись на второй этаж, он увидел на двери слева клочок бумаги с фамилией. Он остановился и наклонился, чтобы прочесть.

На бумажке красными буквами было написано «*Матсон*».

И что-то еще. Мелкими буквами внизу. Лампа на лестнице светила тускло. Но Юэль все же разглядел надпись «Продовольственный магазин Энстрёма».

В ту же секунду дверь открылась. Юэль вздрогнул и отскочил назад. Не заметив, что у него развязался ботинок. Он наступил на шнурок и очутился на полу.

Перед ним стояла она. Но никаких прозрачных одежд на ней не было. Она была в клетчатом переднике. И держала в руках половую щетку.

— Я думала, ты придешь только завтра, — удивленно сказала она.

Несмотря на шок, Юэль заметил, что был прав. Она действительно говорит со стоковымским акцентом.

Он встал. «Ну и дурацкий же у меня сейчас вид! — подумал он. — Этого я не предусмотрел».

— Я же сказала, в четверг, — продолжала она. — Сегодня только среда.

Юэль обалдело слушал и пытался понять, о чем она говорит. Он должен прийти завтра?

Вдруг она рассмеялась. Юэль загляделся на ее алый ротик с белыми зубами.

— Чего ты испугался? И где каталог рождественских журналов?

Иногда, оказываясь в особенно трудных ситуациях, Юэль умел не потерять головы. Он даже сам себе удивлялся. Сейчас он понял, что девушка принимает его за кого-то другого. Кого-то, кто должен прийти завтра и принести каталог рождественских журналов.

— Должно быть, я перепутал, — сказал он.

— А где каталог?

— Там, внизу.

Тут он снова почувствовал, что загнал себя в угол. А если она попросит его принести? Что ему тогда делать?

— Энстрём не сказал тебе, как меня зовут? — спросила она.

— Я забыл, — промямлил Юэль.

Она взглянула на него, прищурив глаз.

— Энстрём говорил мне, что Аллану шестнадцать. А тебе не больше четырнадцати.

— Аллан — мой брат, — ответил Юэль.

— Брат?

— Да, брат. И он заболел.

— А тебя как зовут?

— Юэль.

— И ты пришел вместо него? В другой день?

— У Аллана температура, и он бредит. Он сказал в среду, а не в четверг.

— Он сильно болен?

— Он вывихнул колено.

— От этого бывает температура?

— Здесь, в Норланде, это случается.

Она покачала головой.

— Приходи завтра. Сегодня у меня нет времени.

— Хорошо, — сказал Юэль. — Я приду завтра.

Она ушла и закрыла дверь. Юэль почувствовал, что взмок. Завязал ботинок. Когда он собрался спускаться по лестнице, то услышал из ее квартиры музыку. Он приложил ухо к двери.

Ошибиться было невозможно. Элвис Пресли.

«Heartbreak hotel»*.

Юэль побежал вниз по лестнице. Хотя, по правде говоря, ему хотелось вернуться обратно, позвонить в дверь и, как только она

* «Отель разбитых сердец». — Англ.

откроет, подхватить ее на руки. От этой мысли по телу поползли мурашки.

Выйдя на улицу, он оглянулся на ее окно. Но девушки, смотрящей ему вслед, он не увидел.

Юэль отправился напрямик домой. Первое, что он сыграет на гитаре, когда Крингстрём научит его, будет «Отель разбитых сердец».

Эта мелодия звучала у Юэля в голове, пока он вприпрыжку бежал домой.

В счастливые минуты жизни ему хотелось превратиться в мячик. Теперь она, конечно, ходит по квартире в прозрачных одеждах и слушает Элвиса.

Это было так здорово, что едва ли могло быть правдой.

А Самуэль у Сары. Это тоже хорошо. Юэль сможет побыть один. После того, как мальчик снял куртку и с силой швырнул в стену ботинки в наказание за то, что они так жмут, он опустился в отцовское кресло и включил радио. Засунул в рот Самуэлевую трубку и затянулся. Табак пах приятно. Но как-то раз он зажег ее и вдохнул дым — тогда ему стало очень плохо. Юэль несколько раз покупал табак «Джон Сильвер» и пробовал курить всерьез. Но это оказалось невкусно. Он спрашивал себя, что же он делает не так? Почему у него не выходит курить, как у Отто, например? Это может стать следующей новгородней клятвой. Чтобы научиться курить правильно.

Юэль затянулся. По радио передавали классику — Бетховена. Но про себя Юэль все напевал «Отель разбитых сердец». «Отель разбитых сердец» Элвиса Пресли.

«Отель раскрытых сердец» Юэля ван Густафсона.

И еще он думал. Энстрём договорился, что кто-то придет к ней на следующий день, чтобы продать рождественские журналы. Какой-то парень. К сожалению, не Юэль. Но которого зовут Аллан и который отныне приходится ему старшим братом. Сколько парней в городе продают рождественские журналы, Юэль не знал. Но их должно быть не меньше двух десятков. Большинство его ровесники. Раньше Юэль и сам продавал журналы. Но в прошлом году он забыл напомнить в книжном магазине, что заинтересован в этой работе. Ему нужно каким-то образом позаимствовать каталог у парня, который к ней пойдет. Кто бы он ни был.

Юэль будет поджидать его там завтра вечером. И у него должен быть хороший предлог. Кроме того придется опустошить железную коробку, куда он откладывал накопленные деньги. Если там еще что-нибудь осталось.

Мальчик отложил трубку и пошел к себе в комнату. Железную коробку он получил от Самуэля, когда был совсем маленьким. Раньше в

ней лежали сигары. Юэлю казалось, что после стольких лет она еще хранит их аромат. Теперь он хранил коробку под кроватью. И откладывал в нее деньги, когда они появлялись. Но это случалось редко. Там лежали еще несколько почтовых марок из дальних стран, в которых побывал Самуэль, когда плавал по морю. Юэль вынул коробку и открыл ее. Как он и предполагал, денег было кот наплакал. Три кроны. Он не был уверен, что этого хватит, чтобы получить разрешение показать каталог продавщице Энстрёма. Это огорчало. Но потом ему пришло в голову, что можно отказаться от вознаграждения за услуги, если ему удастся продать ей журнал. Он предложит парню поработать за него бесплатно.

Юэль задвинул коробку обратно под кровать. Теперь он знал, что решит проблему.

Он подошел к окну.

Когда темнеет, трудно разглядеть, затянуто небо облаками или нет. Он вернулся в кухню и посмотрел на термометр за окном. Плюс один градус. Ни жарко, ни холодно.

С сегодняшнего вечера он начнет закаляться.

Человек, который собирается продать журналы женщине в прозрачных одеждах, не может быть кем попало.

Самуэль сегодня у Сары, и он ничего не заметит.

Если поставить будильник на ранний час, Юэль встанет с постели прежде, чем отец вернется.

Он еще не решил, стоит ли говорить Самуэлю о том, что он намерен закаляться. Вдруг отец не поймет и запретит Юэлю спать во дворе. Но в то же время Самуэлю нравились силачи. Он часто рассказывал, каким сильным он сам был в молодости. И какие ему встречались люди — им все нипочем. Может, случится так, Юэль уговорит и его спать во дворе время от времени? Вдруг это поможет ему снова расправить спину?

Юэль вернулся на папин стул. По радио опять передавали какую-то очередную нескончаемую лекцию. Юэль пытался вслушаться, о чем же вещал человек со скрипучим голосом. Он рассказывал что-то о коровах. О коровах и доильных аппаратах. Юэль стал крутить ручку настройки. В промежутках между иностранными станциями раздавался треск. Но иногда встречался и вполне ясный и четкий голос. Или можно было послушать музыку из другой страны и угадать, из какой именно.

Юэль часто думал, что это похоже на путешествие. Не сходя со стула. Чуть только тронул колесико — и в путь.

Вскоре ему надоело крутить, и он вернулся к лектору и его коровам. Тот все еще рассказывал о них. Юэль зевнул. Глаза закрывались

сами собой. Но лечь во дворе было еще рано. Ему удалось продержаться до одиннадцати. Он напялил на себя всю одежду, которую смог, и сунул будильник в шерстяной носок. Теперь все готово. Юэль думал, что заснет сразу же, как только вытащит кровать из сарая и ляжет в нее.

Когда он вышел во двор, неся свернутый матрас и постельное белье, то почувствовал, что на улице холоднее, чем он ожидал. Но это, конечно, оттого, что ему хочется спать. Он открыл дверь сарая и вытащил кровать. Несколько пружин прорвали обивку. Но ничего не делаешь. Это тоже станет частью системы закаливания.

Юэль решил, что кровать нужно поставить позади сарая. Там никто его не увидит. Но там оказалось слишком светло. Как раз туда падал свет от уличного фонаря.

Мальчик постелил постель, проверил, что будильник в носке звонит, и забрался под одеяло. Он надел на голову две шапки и накрыл лицо шарфом.

Вначале, когда он только лег, ему было холодно. Странно было лежать во дворе и смотреть на небо.

Но он чувствовал, как сон потихоньку одолевает его. Теперь, когда он укрылся толстым одеялом с головой, стало не так холодно.

Вскоре он уснул.

И тогда пошел снег.

Глава девятая

Юэлю снилось, что он мерзнет.

Это был необычный сон. Он стоял у плиты и помешивал что-то в кастрюле. Плита была горячая. Такая горячая, что он расстегнул рубашку на животе, чтобы не вспотеть. И все же замерзал. Он мешал и мешал ложкой, расстегивая пуговицы одну за другой, и пот лил с него ручьем. Но в то же время он трясся от холода.

Потом Юэль проснулся. И сначала вообще не понял, где он. Как обычно, он укрылся одеялом с головой. Но вокруг было холодно. Мальчик попытался снова свернуться калачиком. Тут он почувствовал, что ооченел. И что он весь мокрый.

И тут он вспомнил. Рывком сел в кровати.

Она была засыпана снегом. Белый слой выпавшего снега лежал на коричневом одеяле. А падающие снежинки таяли, едва коснувшись кровати. Юэлю было так холодно, что он подумал, что заболел. Его вдруг охватила паника. Неужели он замерз насмерть? Он соскочил с кровати. Хрустнули суставы. Он принялся прыгать и похлопывать себя. Потом собрал постель и взял носок, в котором лежал будильник. Кровать он оставил во дворе. Лестница закрипела, но ему было не до того. Войдя в квартиру, он тут же бросил на пол в кучу все, что нес, и уселся перед батареей.

Он не помнил, чтобы ему когда-нибудь было так хорошо.

Тепло просачивалось в тело. Руки будто оттаивали.

Там же, у батареи, Юэль уснул. Сколько он проспал, он не знал. А когда проснулся, то чувствовал такую усталость, что с трудом раскрыл глаза. Но он заставил себя сесть, снять ботинки и одежду и надеть пижаму. Поднять постельное белье и матрас и положить их на кровать. Постель была все еще сырой. Юэль взял будильник и лег в кровать отца. В ней пахло Самуэлем. Который когда-то приносил с собой запах соленого моря. А теперь — камеди и леса.

Он проснулся оттого, что кто-то разговаривал с ним.

Открыв глаза, Юэль увидел прямо перед собой лицо Самуэля.

Мальчик и раньше иногда ложился спать в комнате отца, когда тот оставался у Сары.

— Почему там, во дворе, стоит кровать? — спросил Самуэль.

— Правда? — удивился Юэль.

— Дверь в сарай открыта. Когда я хотел ее закрыть, то увидел, что позади стоит старая кровать. Ее угол высывался из-за сарая. Можно подумать, что ночью на ней кто-то спал.

— Наверно, какой-нибудь бродяга, — предположил Юэль.

Самуэль удивленно наморщил лоб.

— Бродяга спал на кровати в снегопад? Он скорее залез бы в сарай. Зачем ему лежать на улице, если идет снег?

— Может, кто-нибудь решил закаляться.

В тот момент, когда Юэль произнес эти слова, он понял, что никогда не расскажет Самуэлю, что он задумал. Возможность была уже упущена.

— Во всяком случае это странно, — сказал Самуэль. — Но ты торопись, а не то опоздаешь в школу.

Юэль встал. Ему показалось, что его тело отлили из железа. Но скоро придет вечер, и он ляжет спать в обычное время. Он не помнил, чтобы когда-нибудь чувствовал себя настолько усталым.

Он умылся и оделся. Посмотрел на ботинки и вдруг разозлился. Взял в руку один ботинок и пошел на кухню. Самуэль сидел за столом с чашкой кофе и что-то напевал. Он всегда напевал, когда возвращался от Сары.

Певец он был неважный. Он фальшивил даже когда гнусавил себе под нос. Юэль с досадой подумал, что и у него, вероятно, с пением будут трудности.

Вот у Элвиса Пресли папа, наверно, никогда не фальшивил.

— Ботинки стали мне малы, — сказал Юэль. — Я рискую натереть ноги.

Самуэль оторвал взгляд от чашки.

— Почему бы это? — спросил он.

— Я расту, — пояснил Юэль. — Мои ноги тоже растут. Скоро мне придется взять твой топор и сделать в носках обоих ботинок дырки.

Самуэль кивнул. Юэль удивился. Обычно, когда они заводили разговор о том, что нужно потратить деньги, Самуэль мрачнел.

— Тогда тебе, конечно, надо купить пару новых, — сказал папа. — Мы можем пойти в обувной магазин в субботу.

Юэль не поверил своим ушам. Самуэль понимает, что говорит? Ботинки стоят очень дорого.

Самуэль, одеваясь, снова принялся напевать свою песенку.

А потом исчез за дверью. Юэль отметил, что в это утро отец сутулился немного меньше.

Еще он понял, что раскрыл один секрет. Впредь он станет просить Самуэля о чем-нибудь, что стоит денег, в то утро, когда он возвратится от Сары. И только тогда.

Юэль больше не чувствовал себя, как тяжелый железнодорожный вагон. Такой прилив сил появлялся только тогда, когда Самуэль соглашался купить то, что мальчику хотелось. Он поторопился съесть завтрак, чтобы не опоздать в школу.

Когда занятия закончились, Юэль не без удовольствия отметил, что ни разу не задремал. «Я уже стал выносливее», — подумал он.

Пока шел урок рисования, у него было время поразмыслить над тем, что случилось ночью. Ошибка в том, что он решил в первый же раз проспать во дворе целую ночь. В дальнейшем он будет спать по часу. Когда он проснется и поймет, что не замерз, он увеличит время до двух часов. А потом и до трех. Пока у него не получится спать всю ночь. Тогда он станет действительно закаленным.

Сразу после школы он отправился вверх по холму к дому Крингстрёма. На этот раз вместе с Эвой-Лизой. Он был уверен, что Крингстрём найдет время, чтобы научить его игре на гитаре. Это как раз та новость, которую одноклассникам будет интересно узнать. А поскольку Борзая — самая большая болтушка из всех его знакомых, то он начнет с того, что расскажет ей. Вскоре весь город будет это обсуждать.

Юэль догнал девочку.

— Куда это ты идешь? — спросила она.

— К тебе домой, — ответил Юэль.

— Вот еще!

— Я напишу тебе что-нибудь в твой дневник.

— Еще чего!

— А я думал, ты наденешь для меня прозрачные одежды.

— Ты что, дурак? Что за детские глупости?!

— Да, глупости. А может, ты объяснишь мне, что делать, чтобы не быть маленьким и глупым? А быть таким взрослым, как ты?

— Да ну тебя!

— А Крингстрём научит меня играть на гитаре.

Эва-Лиза задумалась. Юэль был доволен. Он сбил ее с толку.

— Правда? — спросила она.

— Мы начнем сегодня же.

— А ты ведь не умеешь играть на гитаре.

— Я же сказал, я научусь.

— А твои руки?

— А что с моими руками?

— Нужно, чтобы пальцы были длинными. А у тебя они короткие.

Тут уже задумался Юэль. Он забеспокоился. А вдруг она права? И нужно иметь длинные пальцы? Разве они у него короче, чем у других?

Эва-Лиза хихикнула.

— Да ты врешь, Юэль. Ты все придумал. Ты вообще никогда не будешь играть на гитаре.

— Иди ты к черту!

— Сам иди к черту!

Она снова захихикала и побежала. Юэль понял, что пытаться ее догнать бесполезно. Прозвище ей дали не просто так. Фрёкен Недерстрём говорила на уроке физкультуры, что Эва-Лиза — одаренная девочка. Конечно, она когда-нибудь станет чемпионкой Швеции по бегу.

Или по прыжкам, говорила фрёкен Недерстрём.

Потому что все собаки хорошо прыгают. Кроме борзых, ведь это лишь прозвище для таких, как Эва-Лиза.

Но если бы только он ее догнал, он сунул бы ей снег за шиворот. Прямо под одежду.

Подходя к дому Крингстрёма, он все еще волновался за свои пальцы. Что нужно сделать, чтобы удлинить их? Может, их можно как-нибудь вытянуть? Или отрастить ногти?

Тут Юэль к своему огорчению обнаружил, что старый автомобиль Крингстрёма исчез.

Оркестр уехал играть где-то на танцах.

Он собрался уже повернуть назад, когда наверху открылось окно. Это была, конечно, Эва-Лиза. Даже отсюда Юэль видел, что у нее рот до ушей.

— Крингстрём уехал, — сказала она. — Ты можешь пойти учиться играть на гитаре у кого-нибудь другого.

— Куда он уехал? — крикнул Юэль.

— Не скажу, — ответила она. — Но он где-то в Брунфлу.

Юэль знал, что это город дальше на север. Однако он не знал, много ли там жителей. Сейчас его это раздосадовало. Вот бы все жители Брунфлу оттуда уехали! И в конце концов там останется ноль человек. Тогда в справочнике «Что? Где? Как?» Брунфлу окажется на последнем месте. А Крингстрём будет сидеть дома и играть на гитаре.

Гитара! Юэль остановился.

Ведь у него нет гитары! Даже дома у Крингстрёма он ее не видел. Это был единственный инструмент, на котором он не играл, потому что играл на всех остальных. И потому что многие увлекались музыкой, которая ему не нравилась. Рок-н-роллом.

Юэль стал спускаться с холма. Как он мог быть таким дураком, что забыл о самом важном? Что у него нет гитары? Все, что у него есть дома, так это старая ржавая губная гармошка. Есть ли гитара у кого-нибудь из знакомых? Ни у Гертруд, ни у школьных приятелей, у которых можно было бы попросить. Есть баян. И скрипки. И еще одна губная гармошка. Но гитары нет ни у кого.

Он остановился на полпути. Где-то он видел гитару. Это точно. Вопрос только — где. У кого-нибудь дома? Он пошел медленнее, стараясь собраться с мыслями. Представить себе каждую квартиру, в которой он бывал за последние годы. У Туре была гитара. Но он забрал ее с собой, когда уехал. И потом Юэль никогда бы у него не попросил. Потому что он считал Туре очень плохим человеком.

И тут он вспомнил.

У Симона Урвздера была гитара. Она висела на стене в его странном лесном доме. Можно ли на ней играть, Юэль не знал. Он даже не помнил, натянуты ли на ней струны. Но гитара была. Из красного дерева. Почти черная. Точно такая, как на пластинке Элвиса Пресли. Под которую он пел «That's all right, mama»*. Или, может, это была песня «Hound dog».

Юэль спустился с холма. Отсюда он видел стрелки часов на церковной башне. К Симону идти было уже поздно.

С этим можно подождать до завтра. Слава Богу, что вспомнил, у кого есть гитара. Завтра Борзая разболтает всем. Его осмеют, если у него не будет хотя бы гитары. Юэль остановился в тени у старой молочной палатки. Подождал, пока мимо промчался автобус в Онге. Потом расстегнул четыре пуговицы на гульфике. На самом деле их должно было быть пять. Но одна потерялась.

Потом он стал писать, рисуя на снегу желтую гитару. У него почти получилось. Но на струны, уже не хватило.

Он помедлил минутку, прежде чем застегнуть гульфик. Подумал о том, что ему предстоит сделать вечером. Это было такое же странное чувство, как если почесать комариный укус.

Он быстро застегнул гульфик, пока не замерз. Потом беспокойно огляделся. Не подглядывает ли кто за ним в тени?

Это был бы самый большой кошмар, который только Юэль мог себе представить. Чтобы Борзая, например, увидела, чем он занимается. Он лучше дал бы закопать себя заживо на кладбище рядом с Ларсом Ульсоном. Но только без плиты с надписью, где он похоронен.

* «Все хорошо, мама». — *Англ.*

В половине шестого Юэль приготовил обед и оставил на середине стола записку:

«Я поел. Ушел в библиотеку. Юэль».

Когда продавщица Энстрёма подошла к своему дому, он был уже там. Она шла, то и дело откидывая назад волосы. Юэль сунул руку в карман и нащупал деньги.

Тут его снова охватило беспокойство. А что если ничего не выйдет? Он ведь все еще не знает, кто должен к ней прийти. Его лжебрат, которому шестнадцать лет и которого зовут Аллан.

Юэль ждал. Попытался думать о ботинках, которые они пойдут покупать вместе с Самуэлем. Но у него было такое чувство, будто перед ним висит какая-то завеса. И он никак не может отчетливо видеть предметы.

Половина седьмого. Он начал замерзать. Сегодня ночью он решил не продолжать закаливание. Даже всего на час. Впереди ведь еще целый год. Если он будет закаляться через две ночи на третью, за год их наберется более сотни. Потом Юэль принялся считать, сколько дней, недель и месяцев пройдет до 2045 года. Сколько уже прошло и сколько еще осталось. Но всякий раз сбивался. И начинал заново.

Вдруг он увидел, как какой-то мальчик шагает к дому. В руках у него ничего не было. Юэль уже понял, что это был Аллан. Хотя он все еще не видел его лица.

Вот фигура приблизилась к освещенному фонарем месту.

Юэль не поверил своим глазам.

Отто!

Вот уж кого ему меньше всего хотелось бы встретить. Но бежать теперь некуда.

Отто его заметил.

Так вот кто должен продать ей журналы. Из всех людей на земле это должен был оказаться именно Отто.

Юэлю хотелось завопить от злости. Но он, конечно, этого не сделал. Напротив, он подошел к Отто и встал у него на пути.

«Будет дуэль», — подумал он.

Дуэль за каталог рождественских журналов.

Глава десятая

Отто смотрел на Юэля, недоверчиво прищурившись.

Юэль попытался грозно прищуриться в ответ. Под рукой Отто нес каталог рождественских журналов. Никакого сомнения быть не может.

Отто назвался Алланом.

Аллан-Дураллан, Аллан-Черталлан. Конечно, это мог быть только он. Отто и никто другой.

— Чего тебе тут надо? — спросил Отто.

Юэль терпеть не мог его голос. Очень пронзительный. К тому же Отто говорил всегда слишком громко.

— Хочу с тобой поговорить, — сказал Юэль.

— Говори.

— Я и говорю.

Воцарилось молчание. Отто все шурился. Юэль решил начать с главного.

— Я хочу кое-что у тебя купить.

Отто сразу заинтересовался. Он всегда не прочь заработать денег на каком-нибудь деле. Он сделал шаг к Юэлю.

— И что же?

— В этом доме живет одна девушка, которой ты должен продать журналы, она моя родственница. Я хочу сделать ей сюрприз, — сказал Юэль.

Взгляд Отто снова стал подозрительным.

— Она ведь из Стокгольма. Разве у тебя там есть родня?

Юэль выдал подготовленный ответ:

— Она кузина сводного брата моего отца.

Отто засомневался. Юэль отвечал быстро и уверенно. Кроме того, понять, что такое кузина сводного брата отца, ему было довольно сложно. Это может оказаться и правдой, и враньем.

— Ты же знаешь, что такое кузина сводного брата, — продолжал Юэль.

— Конечно, знаю.

— Я думаю, ты позволишь мне продать ей рождественские журналы. Я отдам тебе всю выручку. И плюс три кроны наличными.

— Я хочу пять, — живо ответил Отто.

В этот момент Юэль почувствовал, что перевес на его стороне. Победа совсем близко. Теперь Отто не волнует ни продажа журналов, ни кухни сводных братьев. Его волнуют деньги. И ничего больше.

— Пять — это слишком много. К тому же ты знаешь, что я хорошо умею продавать журналы. Я продам ей по крайней мере на один журнал больше, чем ты.

Отто молчал. Год назад Юэль стал одним из тех, кто продал больше всех журналов в городе. Отто знал, что тут Юэль не врет.

— Я хочу пять крон, — повторил он.

— Ты получишь три, — ответил Юэль. — Завтра.

— Я хочу пять и сейчас.

— Завтра.

— Сейчас.

Юэль сделал вид, что думает.

— Завтра, — сказал он снова.

— Нет, сейчас.

Момент был подходящий.

— Давай каталог. Я даю три кроны.

— Сейчас.

— Хорошо, сейчас.

Отто протянул каталог. Юэль дал ему три однокроновые монетки. Дуэль закончилась. Юэль победил врага. Он мог убрать в кобуру свой невидимый пистолет.

— Это может занять много времени, — сказал Юэль. — Я принесу каталог завтра в школу.

Отто опять с недоверием взглянул на него:

— А ты не продашь журналы еще кому-нибудь?

— Нет, только моей кухне.

— Ты же сказал, что она кухня сводного брата твоего отца?

— Но ведь тогда она приходится кухней и мне. Разве ты не знаешь?

Отто не ответил. «В этом мы с ним похожи, — подумал Юэль. — И он и я боимся показаться глупыми».

Он взял каталог. Отто сунул монетки в карман.

— Все-таки это странно, — сказал он. — Почему ты дал мне три кроны, чтобы сделать сюрприз твоей кухне?

— Папа дал мне их, — отвечал Юэль. — Это он хотел, чтобы я порадовал ее.

Юэль знал: если говоришь неправду, нужно чтобы в ней было хотя бы немного правды. Иначе тебе никто не поверит.

— Каталог нужен мне завтра утром, — сказал Отто. — И если ты не продашь ей журналы, я хочу еще три кроны.

— Я продам, — ответил Юэль.

Отто ушел. Юэль перевел дух. Это было трудно. Но он победил.

Он вошел в дом и поднялся по лестнице. Остановившись у ее двери, он провел пальцем по волосам, чтобы они встали прямо. Юэль носил ежик. А ежик должен стоять прямо. Но беда в том, что у Юэля на лбу был вихор. И на этом месте волосы распадались веером. У Самуэля вихра не было. Наверно, Юэль унаследовал его от мамы Энни.

Веер надо лбом.

В жизни случались моменты, когда Юэль радовался, что мама Энни сбежала. Ему пришлось бы объяснять все еще и ей.

Юэль нервничал. Он думал, вдруг девушка по фамилии Матсон окажется такой же, как Гертруд, и сможет читать его мысли. Вдруг она откроет ему, одетая в прозрачные одежды, сквозь которые просвечивает тело? Как ему тогда быть? Сделать вид, что так и надо? Войти в квартиру, предложить ей просмотреть каталог и записать ее заказ? Или он должен сделать то, о чем часто говорил Самуэль: «Скоро ты станешь такой большой, что возьмешься за девчонок».

Что он имел в виду? Юэль должен схватить ее и поднять на руки?

Самуэль всегда плохо объяснял, что он имеет в виду.

Но самым непонятным было то, что отец добавлял к этому: «Смотри только, чтобы дело не дошло до ребенка. А то ты быстро увянешь».

Иногда Юэлю казалось, будто он знает, как все в мире происходит. Но внутри его грыз страх, что он не знает совсем ничего. И он боялся, что другие, тем более Отто, знают то, что следует знать. Хотя не исключено, что Отто знает так же мало, как и он. Отто болтун. Он до сих пор не понял, почему у человека два уха и один язык.

Чтобы больше слушать и меньше говорить.

Юэль несколько раз провел рукой по волосам. Ждать больше нельзя. И он сделал шаг в неизвестность. К тому же, если он будет тянуть время, ему, конечно, захочется писать.

Он позвонил. На этот раз из квартиры не доносилась музыка.

Затем открылась дверь, и она оказалась перед ним.

Саломея Матсон.

Но она не надела прозрачных одежд. На ней были длинные брюки и полосатая блузка.

— Во всяком случае, ты вовремя, — сказала она.

И пропустила его в переднюю. Юэль растерялся и не знал, что дальше делать. Поднять ее на руки прямо тут, в прихожей? Или сначала попросить ее надеть прозрачные одежды?

— Сними ботинки, — сказала она. — А то ты запачкаешь полы.

Юэль сел на маленькую скамеечку и стал развязывать шнурки. Он снял левый ботинок и увидел, что на носке красуется большая дырка.

«Лучше уйти, — подумал он. — Я не могу показаться ей в рваных носках».

— Что ты там копаешься? — прокричала она из комнаты. — Я скоро буду слушать радио.

Юэль на ходу снял второй ботинок и спрятал дырку под пятку. Придется идти, слегка подволакивая ногу. В последний раз провел по волосам. Потом вошел. Она сидела в кресле, поджав ноги, и курила. Юэль ощутил запах духов. Но не тех, какими пользовалась Гертруд. Мебели в квартире было немного. Девушка улыбалась Юэлю. Не сказать, что приветливо, но и не ехидно.

— Ты так и будешь стоять с растерянным видом? Можешь дать мне каталог, пока раздумываешь, куда сесть. Как там тебя зовут?

— Юэль, — ответил Юэль.

— Как себя чувствует Аллан?

— Температура еще высокая. Но плечо болит меньше.

Она удивленно подняла на него глаза:

— Я думала, ты говорил про колено?

— Колено и плечо, — быстро поправился Юэль.

Она покачала головой и стала листать каталог. Юэль присел на краешек стула. Ему очень хотелось писать.

Она просматривала каталог. Юэль сидел, уставившись на нее. Она действительно красива. Девушка еще не дошла до середины каталога, как Юэль решил, что должен жениться именно на ней.

— Есть тут что-нибудь интересненькое? — спросила она.

У Юэля не было времени заглянуть в каталог. Он попытался вспомнить по прошлому году, когда продавал журналы.

— Может, «Рождественская книга для девочек», — осторожно ответил он.

Она фыркнула в ответ:

— Но это же для маленьких!

Юэль не стал больше предлагать. Он ждал и смотрел на нее. Теперь ему так хотелось писать, что пришлось скрестить ноги и напрячься изо всех сил.

— У тебя дырявый носок, — вдруг сказала она.

«Черт побери! — подумал Юэль. — Она заметила».

— Скажи маме, чтобы зашила, — добавила она.

— Скажу, — ответил Юэль.

Девушка закрыла каталог и зевнула.

— Я закажу «Семейный журнал», — сказала она. — Подарю его Кларе.

Юэль протянул руку за каталогом и достал ручку.

— Мне надо записать имя, — сказал он.

— Клара Энстрём.

Юэль замялся.

— Если ты заказчица, то я должен записать и твое имя, — пояснил он.

— Соня Матсон, — ответила она. — Улица Свенсваллен, дом девятнадцать. Так пойдет?

— Пойдет.

Ее зовут не Саломея. Но Соня — это почти то же самое. Начинается на ту же букву.

Он уже меньше нервничал. Если бы только ему так не хотелось писать!

— Ты из Стокгольма? — спросил он.

— Я думала, это чувствуется, — сказала она.

— Ты переехала сюда насовсем?

— Мне нужно было ненадолго уехать. А Энстрёмы — мои родственники. Но сколько я пробуду здесь, я не знаю. Это зависит кое от чего.

— От чего?

Она зажгла новую сигарету.

— Любопытной Варваре...

Юэль покраснел. Ему казалось, что он вот-вот описается. Если он сейчас же не уйдет, случится катастрофа.

— Я должен идти, — сказал он и поднялся. — Тебе нравится Элвис?

— А разве есть кто-то, кому он не нравится?

— Я подумываю стать королем рок-н-ролла, — сказал Юэль. Я уже начал учиться.

Она рассмеялась. Юэль не мог понять, смеется над ним или просто так.

— Тогда ты должен прийти и выступить передо мной, — сказала она.

— Хорошо, — ответил Юэль. — Когда выучусь.

И бросился в прихожую надевать ботинки. Еще чуть-чуть, и он не выдержит. Она стояла в прихожей у портьеры и смотрела на него.

Когда Юэль стал надевать куртку, он заметил, что одна варежка готова выпасть из кармана. Тут ему в голову пришла мысль. Соня вышла в комнату потушить сигарету. Юэль вытащил варежку и спрятал ее за шапками, лежавшими на верхней полке вешалки. Теперь у него будет повод вернуться. Когда ему не будет так ужасно хотеться писать.

— Передавай привет Аллану, — сказала она. — Пусть выздоравливает.

— Обязательно выздоровеет, — ответил Юэль.

И открыл дверь. Потом обернулся.

— Хотелось бы мне научиться говорить по-стокгольмски, — сказал он.

— У тебя не получится, — усмехнулась она.

— У меня все получается, — ответил Юэль. Закрыв дверь и кубарем скатился с лестницы, держа в руках каталог. Выбежал из дома и встал у стены.

Иногда нет ничего лучше, чем просто пописать.

Потом он пошел домой. Он уже сейчас радовался, что наступит завтра. Он опять стал скакать, как мячик. И ему совсем не мешали тесные ботинки. Ведь он купит новые. А когда он вернется, Соня Матсон будет сидеть в своем кресле и курить. В тот день, когда он в первый раз будет играть и петь для нее, он станет подвывать и рвать на себе одежду.

Юэль пытался вспомнить, когда последний раз был в таком хорошем настроении. Но не смог.

В три гигантских прыжка он преодолел лестницу и ворвался в дом. Самуэль наверняка сидит и слушает радио, Юэль пристроится рядом с ним. Он не расскажет ему о Соне Матсон. И о том, что он начал закаляться и решил стать королем рок-н-ролла.

Просто ему хотелось, чтобы Самуэль увидел, каким счастливым может быть человек.

Ему ведь это необходимо. После долгого и тяжелого дня в лесу.

Но когда Юэль вошел в кухню, он застыл на пороге.

Самуэля дома не было.

У Юэля тут же схватило живот. Самуэль всегда приходил домой, если только не была среда, и он не шел к Саре.

Он всегда приходил домой. Если только не...

Юэль так испугался, что не додумал мысль до конца.

Самуэль не приходил домой, когда напивался. Тогда он мог вернуться когда угодно.

Юэль похолодел от ужаса. Он снова начал пить? А ведь все шло так хорошо с тех пор, как он встретил Сару.

Ужас перерос в злость. Такого просто не должно быть!

Юэль заглянул в отцову комнату. Но спящего на кровати Самуэля он не увидел.

Мальчику безумно захотелось разрыдаться. Проклятый Самуэль испортил ему все настроение!

Он снова надел шапку и спустился по лестнице. Пускай ступеньки скрипят — ему все равно.

Юэль отправился по пустым улицам искать Самуэля. Это напоминало поиски корабля, приставшего к неизвестному берегу. Когда Самуэль напивался, он становился похож на корабль, потерпевший крушение.

Долго искать его не пришлось. За станцией Юэль увидел шатающуюся тень. Это был Самуэль, он едва держался на ногах.

Мальчик подбежал к нему. Они встретились как раз под фонарем. Глаза у Самуэля были красные.

Он был пьян.

Но Юэль заметил и кое-что еще.

Самуэль был печален.

Должно быть, с ним что-то случилось.

— Ты пошел меня встречать? — пробормотал Самуэль.

— Да, — сказал Юэль. — А теперь мы идем домой.

Он обхватил Самуэля и помог ему идти.

Он нашел своего отца, потерпевшего кораблекрушение.

Глава одиннадцатая

Юэль варил кофе.

Он ненавидел все, что связано с водкой. Ему даже не придется давать себе новогоднюю клятву. Он никогда не станет пить водку. Достаточно видеть, что водка сделала с Самуэлем.

«Абсолютно чистая водка» — было написано на бутылках, которые Юэль обнаруживал в укромных местах по всему дому. В деревянном сундуке и в ящике с яблоками, запасенными на зиму. Однажды он нашел водочный штоф в шкафу среди простыней и наволочек.

Где-то он читал, что великий индейский вождь Джеронимо называл ее «Огненная вода». И Юэль понимал, почему.

Корабль Самуэля потерпел крушение в море водки.

Спирт отнял у моряка его каравеллу.

А Самуэль был и остается моряком, хоть и рубит теперь деревья в лесу.

Юэль варил крепкий кофе. Он знал, что кофе отрезвит отца. А Самуэль сидел, опершись о кухонный стол. Где-то по дороге он упал. Одна штанина была мокрой и грязной. Юэль не хотел спрашивать, где он пил. Когда у Самуэля начинался запой, он уходил к тем, кто только и делает, что дрейфует от берега к берегу, словно потерпевшие кораблекрушение.

Юэлев живот все еще болел. Но после того, как мальчик нашел отца, ему стало легче. Больше всего он боялся, что Самуэль свалится в какой-нибудь сугроб и уснет.

Несмотря на весь спирт, который он выпил за все эти годы, он так и не стал выносливее.

Юэль хотел узнать, что же все-таки случилось. Почему отец запил? Когда все давно уже было хорошо?

Но прежде нужно дать Самуэлю кофе. Мальчик налил папе чашку и поставил ее перед ним на стол. Положил в нее три куска сахара.

Глаза у Самуэля все еще были красные. Юэль сел напротив него. Это спирт светился в глазах отца красным светом. Огненная вода догорела и теперь лишь тлела, как угли, глубоко внутри.

— Мне очень жаль, что так получилось, — сказал Самуэль.

— Мне тоже, — сердито отозвался Юэль.

Самуэль отхлебнул кофе. Он держал чашку обеими руками. Юэль подождал, пока он ее снова поставит.

— Что же случилось? — поинтересовался он.

— Ничего, — ответил Самуэль.

Юэль не стал больше спрашивать. Он знал, что отец рано или поздно расскажет сам. Либо он выложит сразу, либо придется подождать. Но рано или поздно, когда спирт выветрится из Самуэлевой головы, он все расскажет.

А пока Юэль сидел за столом и мечтал. Он вспоминал Соню Матсон, как она сидела, поджав ноги. Если бы не Самуэль, за которого он в ответе и за которым надо следить, он сбежал бы к ней. Там он научился бы играть на гитаре, которую надеялся одолжить у Симона Урвэдера. У Сони в доме пахнет духами, а не мокрой шерстью.

— Это все Сара, — вдруг буркнул Самуэль.

— А что с ней?

— Она больше не хочет.

Юэль пока ничего не понимал. Самуэль поднял голову, которая, казалось, болталась у него на шее, словно осенний лист на дереве. Лист, который вот-вот упадет.

— Я встретил ее, когда шел из леса, — начал рассказывать он. — И она сказала, что хорошо подумала. И что лучше нам с ней больше не встречаться.

«Сара решила порвать с ним», — подумал Юэль.

«Это все объясняет. Но все-таки не очень понятно, почему. Ведь Самуэль всегда говорил, что у них с Сарой все хорошо. Что они много смеются. И раз в неделю он остается у нее ночевать».

— А она не объяснила почему? — спросил Юэль.

Самуэль покачал головой. Юэлю показалось, что папа сейчас заплачет.

И тут он действительно заплакал. Для Юэля это было словно нож в сердце. Нет ничего хуже и тяжелее. Самуэль пристал к берегу, как спасшийся с корабля матрос. А когда он начинал плакать, это было как если бы он утонул.

Юэль тоже едва не расплакался. Но он, конечно, сдержался. Он поднялся и обошел вокруг стола. Потрепал Самуэля по голове.

Когда Самуэль плакал, он тихонько попискивал. И пытался что-то сказать. Но изо рта вырывались лишь бессвязные слова. Юэль разобрал, что он хочет объяснить, почему Сара отказывается с ним встречаться. Но понять его было невозможно.

Потом Самуэль затих.

Он сидел, уставившись в чашку. Юэль подумал, что Сара поступила так же, как мама Енни. Она бросила папу.

— Она что, уехала? — спросил Юэль. — Собрала чемодан и уехала?

— Нет, она осталась здесь, — ответил Самуэль. — С чего бы ей уезжать? Просто меня она больше не хочет видеть.

Юэль помог отцу лечь. Снял с него ботинки и укрыл одеялом. Потом ушел на кухню и сидел там, пока не удостоверился, что Самуэль действительно заснул. Он и сам так устал, что лег на кровать прямо в одежде. Натянул одеяло с головой. Сквозь стену послышался храп Самуэля.

Утром, когда Юэль проснулся, он вскочил с кровати, чтобы проверить, что Самуэль все еще здесь. Что он не проснулся и не улизнул, чтобы достать себе еще водки. Но к своему удивлению Юэль увидел, что Самуэль сидит за кухонным столом. Он позавтракал и уже успел приготовить бутерброды, чтобы взять с собой.

Он виновато взглянул на Юэля.

— То, что случилось вчера, это нехорошо, — сказал он. — Но больше такое не повторится.

Юэль знал: может, так будет, а может, и нет. Самуэль уже много раз говорил так раньше.

— А что случилось? — спросил он.

— Между нами с Сарой все кончено, — ответил Самуэль. — Но для меня это было совсем неожиданно.

Больше Юэль ничего не спросил. Он заметил, что у отца в глазах снова стоят слезы.

— Торопись, а не то опоздаешь, — сказал Самуэль, вставая из-за стола.

А Юэль все стоял и смотрел, как папа, ссутулившись, пошагал к лесу.

Вот уж о чем он сейчас и думать не мог, так это о том, чтобы пойти в школу.

Эта история с Сарой. Что же там случилось на самом деле? Только что все шло хорошо. И вот пожалуйста — Самуэль, шатаясь, с красными от огненной воды глазами, бредет по улице.

Юэль быстро принял решение. Он должен узнать правду. Он оделся и сразу же вышел из дома. Всегда есть риск, что кто-то может увидеть его. Как он прогуливает школу. Но ему нужно сделать то, что он решил. К тому же Саре еще рано идти на работу в пивную Людде. Юэль застанет ее дома.

Когда он постучал в дверь Сариной квартиры, она сразу открыла. В халате и с бигудями на голове.

Увидев мальчика, она удивленно улыбнулась.

Юэль рассердился. Самуэль сидел за столом и плакал. А она себе улыбается! Это несправедливо.

— Юэль, — сказала Сара, — я не ожидала. Ты разве не в школе?

Она впустила его. Юэль не стал вытирать ноги, надеясь побольше запачкать ей полы.

Он почувствовал, что Сара ему не нравится. Вспомнил, что так он относился к ней и прежде, когда они с Самуэлем только начали встречаться. И вот теперь это чувство вернулось. Он прямо готов был ударить ее.

Они прошли на кухню.

— Я знаю, ты пришел узнать, что случилось, — сказала Сара.

Наконец-то она посерьезнела!

Юэль кивнул. Но промолчал.

— Мне очень нравится твой папа, — продолжала она. — Но мы не совсем подходим друг другу.

— Это ты ему не подходишь, — сказал Юэль. — А с папой все в порядке.

— Я бы так не сказала.

— Почему же вы друг другу не подходите?

— Наверно, потому, что мы хотим разного.

«Единственное, в чем Сару нельзя обвинить, — подумал Юэль, — так это в том, что она разговаривает со мной, как с маленьким».

Он все же решил высказать ей то, что думал.

— Ты сама не знаешь, что для тебя лучше, — заявил он. — Такого человека, как Самуэль, тебе больше не встретить.

Она не рассердилась. Просто сидела и смотрела на него.

— Ты знаешь, что Самуэль хотел, чтобы мы поженились? — спросила она.

У Юэля замерло сердце. Не может быть! Но она так сказала. Сара не из тех, кто врет.

— Конечно, ты этого не знал, — добавила она через минуту. — Но когда Самуэль спросил меня, мне пришлось принимать решение. А замуж я не хочу. Тот, кто хочет пожениться, и тот, кто не хочет, едва ли могут быть вместе.

Юэль ничего не понимал. Неужели Самуэль действительно задумал жениться на Саре? Не спросив его?

Юэль почувствовал, что ему больше не жаль папу. Он разолился. И расстроился. Самуэль действовал у него за спиной! А может, он хочет бежать вместе с Сарой и бросить Юэля в городе одного?

— О чем ты думаешь? — спросила Сара.

— Ни о чем, — сказал Юэль. — Мне пора.

— Я не хочу, чтобы ты считал, что для меня это легко, — сказала она уже в прихожей.

И потрепала Юэля по щеке. Он не мог решить, приятно ему это или он должен ее ударить.

Юэль вышел из дома Сары. Оглянулся. Нет ли на улице какого-нибудь учителя, который заметил бы, что он прогуливает.

Было холодно. Он вспомнил о своей варежке, оставленной у Сони Матсон. Часы на церковной башне показывали, что час еще ранний. Четверть девятого. Юэль подумал, не сходить ли ему навестить Гертруд. Но ему совсем не хотелось видеть ее. Оставалось пойти только к одному человеку.

Он стал подниматься по холму к больнице. Там, на краю города, стоит дом Симона Урвэдера. Раз уж Юэль не пошел в школу, он может отправиться к Симону и попросить у него гитару.

Однажды, когда Юэль искал следы таинственной собаки, бежавшей к далекой звезде, ему повстречался Симон Урвэдер. Когда на него нападала бессонница, он гонял ночью по городу на старом грузовике, словно мятущийся дух.

У него не в порядке с головой. Это известно всем. Симон чокнутый, он подолгу лежал в больнице. Но Юэль думал, что он не просто чокнутый. Иногда ему казалось, что Симон умнее многих других, и что только он, Юэль, знает это.

Симон Урвэдер брал Юэля с собой к Озеру Четырех Ветров. Там он научил его слышать то, что мальчик раньше не слышал.

У ветров есть свои голоса. Они говорят на своем языке.

Юэль вспомнил об этом, проходя мимо лазарета; вскоре он миновал последний дом в черте города. Он шел быстро, потому что замерзал. Свернув с дороги, он оказался перед домиком Симона. Рядом стоял грузовик. Двор, как обычно, был завален покрытым снегом хламом. Мерзнувшая курица расхаживала по двору и что-то клевала. Юэль остановился и прислушался. В лесу шелестел ветер. Из трубы поднимался дымок. Симон дома. Наверно, сидит и читает какую-нибудь книгу. Из тех, в которых он пишет на последней странице такой конец, какой ему нравится.

Юэль подошел к дому и постучал. Симон никогда не отвечает. Юэль открыл дверь. Симон сидел у открытой печи, завернувшись в старую медвежью шкуру. У его ног лежали две собаки. Увидев Юэля, они завиляли хвостом. Старик Симон прищурил глаза.

— Я видел тебя ночью во сне, — сказал он. — Юэль Густафсон. Великий завоеватель. И вот ты пришел.

Юэль успел заметить, что на стене висит гитара. Он подошел ее рассмотреть. Четыре струны были на месте, двух не хватало. Но играть на ней, конечно, можно.

— Я пришел спросить, нельзя ли мне одолжить у тебя гитару, — сказал Юэль. — Я обещаю, что буду обходиться с ней аккуратно.

Симон положил книгу на колени.

— Конечно, можно, — ответил он. — Ты хочешь стать солдатом Армии Спасения?

— Я думаю стать королем рок-н-ролла.
— Я не знаю, что это, — сказал Симон.
— Королем рок-н-ролла, как Элвис.
— А я король старой медвежьей шкуры.

Юэль понял, что Симон не понимает, кто такие рок-певцы. Он, конечно, даже не слышал об Элвисе. Симон такой старый и странный. Он не виноват, что не знает, что происходит в мире.

Юэль осторожно снял гитару с гвоздя.

— Где-то лежал старый футляр, — задумчиво сказал Симон. — Но я не знаю где.

— Я поищу, — ответил Юэль. — У меня весь день свободен.

Ему повезло, и он нашел. Проискав много часов, он наткнулся наконец в одной из пристроек дома на старый изъеденный молью чехол. Когда он вернулся обратно, Симон спал, сидя на стуле. Юэль решил не будить его. Он знал, что Симон всю жизнь страдает бессонницей.

Юэль тихо вышел из дома, и собаки снова завиляли хвостом.

Они охраняли сон Симона.

Остаток дня Юэль провел дома, пытаясь разобраться с гитарой. Он ударял по струнам, делая вид, что умеет играть. Но все время думал о Симоне. И о том, что сказала Сара.

Обед он приготовил вовремя. Постелил на стол новую скатерть, чтобы Самуэль видел, что в их доме так же красиво, как у Сары. Он еще пожалеет, что просил ее выйти за него замуж.

Юэлю подумалось, что в том, что произошло, есть и кое-что хорошее. Может, теперь Самуэль поймет, что для него лучше.

Они должны уехать отсюда. Их ждет море.

Юэль стоял у окна, поджидая Самуэля. Уже стемнело. Скоро он придет. Но Юэля точило сомнение. Вдруг Самуэль снова отправится пить? Ведь с ним никогда не знаешь.

Честно говоря, Юэлю очень хотелось пойти к Соне Матсон забрать свою варежку. Может, сегодня она откроет ему дверь, одетая в прозрачные одежды?

Юэль вздохнул. Ничего не выйдет.

Ему всегда приходилось быть самому себе мамой. А теперь он стал еще и отцом для своего папы.

Юэль вглядывался в улицу. Он ждал Самуэля.

Все ждал и ждал.

А обед остывал.

Глава двенадцатая

Юэль вздрогнул и проснулся.

Он уснул за кухонным столом, поджидая отца. Который был час, он не знал. Вдруг на лестнице послышались шаги. Это мог быть только Самуэль. Юэль поднялся из-за стола. Напился Самуэль или нет?

Дверь открылась. Юэль почувствовал, как его окутала теплая волна облегчения. Глаза у Самуэля не были красными. Его не качало. Он возвратился домой поздно. Но совершенно трезвым.

— Что ты сидишь здесь? — удивленно спросил он.

Юэль подумал, каким же недогадливым может быть отец. Неужели Юэль пойдет спать, когда Самуэля нет дома? Он понял, что должен ему это высказать.

— Как же я могу уснуть, когда тебя где-то носит?

— Где-то носит, — проворчал Самуэль. — Я был у Сары и пытался разумно поговорить с ней.

Юэль с нетерпением ждал, что он скажет дальше. Но отец замолчал. Юэль испугался, вдруг Сара рассказала о том, что он приходил к ней. Он не знал, как Самуэль к этому отнесется. Обычно ему не нравилось, когда кто-то вмешивался в его дела. В этом они с Юэлем были схожи.

Самуэль снял и повесил свою куртку, придвинул ногой стул.

— Который час? — спросил Юэль.

— Уже за полночь, — сказал Самуэль. — Нам обоим пора спать. Если только мы сможем заснуть.

Но лицо у него не было таким грустным, как вчера.

— Как прошел разговор? — осторожно спросил Юэль.

Самуэль пожал плечами.

— Она считает, что мы не пара друг другу, — ответил он. — Может, она и права? Хотя я этого не понимаю.

Юэль молчал. Видимо, Сара не сказала, что он приходил к ней. Иначе Самуэль упомянул бы об этом. Он уже пережил свое горе.

— Мы не ругал друг друга, — продолжал он. — Она накормила меня обедом, и мы спокойно поговорили. Но дела это не меняет. Ты да я, мы снова одни.

«Так было всегда, — подумал Юэль. — Ведь это ты ходил к Саре. А не я».

Самуэль зевнул.

— Может, поговорим об этом завтра? — предложил он. — Пора спать. Обед, который ты приготовил, мы можем съесть и завтра.

Они поставили кастрюли в чулан. Потом Юэль быстро умылся и нырнул в кровать.

И все же слава Богу. Самуэль не напился снова.

Что может быть хуже этого? Ничего.

На следующий день, когда Юэль пришел в школу, его ожидал неприятный сюрприз. Вчера кто-то видел его на улице. Когда пропели псалом, фрёкен Недерстрём подозвала его к кафедре.

— Почему тебя не было вчера в школе? — строго спросила она.

— Я заболел, — отвечал Юэль.

Лицо фрёкен Недерстрём побелело от злости.

— И ты лжешь мне прямо в лицо?! — закричала она. — Старший учитель видел тебя у киоска.

Юэль мог бы сказать, что шел к доктору. Но он не сказал: Ведь это легко проверить. Поэтому он молчал. И смотрел себе под ноги. Класс за его спиной напряженно ждал. Юэль не видел этого. Но знал, что это так. А Отто ехидно улыбался.

— Ты прогулял, — сказала фрёкен Недерстрём. — И это не в первый раз.

Юэль смотрел под ноги.

— Тебе нечего сказать?

А что ему сказать? Ведь никто его не поймет. И в первую очередь фрёкен Недерстрём. Он продолжал молчать.

— Сегодня ты останешься после уроков, — заключила учительница. — Иди садись.

Юэль вернулся на свое место. Он старался не смотреть на Отто. Он не вытерпел бы его ухмыляющейся рожи.

Юэль был рад, что забыл про каталог. Но интересно, сколько Отто запросит за то, что Юэль принесет его днем позже.

Об этом он узнал уже на первой перемене. Отто налетел на него.

— Я хочу еще три кроны, — сказал он. — Ты обещал принести каталог вчера.

Юэль протянул ему деньги.

— Я продал папиной двоюродной сестре один журнал, — сказал он. — А вчера я болел.

Отто поглядел на него так, будто сейчас бросится на него с кулаками.

— Ты прогулял, а не болел, — зашипел он. — Давай еще три кроны.

Тут Юэль почувствовал, что это уже слишком. Все, что случилось с Самуэлем. То, что произошло, и то, о чем он думал.

Он кинулся на Отто, как на дверь, которая никак не открывалась. Они покатались по двору. Тут же вокруг них кольцом собрались ребята. Отто и Юэль дрались. Отто был сильнее. Но Юэля охватила такая ярость, что силы пришли к нему неизвестно откуда.

Они прекратили драться только тогда, когда старший учитель и фрёкен Недерстрём развели их.

Оба получили от старшего учителя по оплеухе. Он шлепнул так сильно, что у Юэля разболелась щека.

Старший учитель посмотрел на Юэля.

— Мало того, что ты прогулял, — сказал он. — Придя в школу, ты еще и затеял драку.

— Это он начал, — пожаловался Отто.

Юэль ничего не ответил. Ярость улетучилась. Он просто чувствовал, что устал.

Ему очень хотелось уйти из школы. Оставить ее за спиной. И никогда не возвращаться.

В довершение Юэля и Отто оставили после уроков. Отто на час, Юэля — на два. Поскольку у обоих был плохой почерк, им дали упражнения на чистописание.

Через час Отто ушел.

Фрёкен Недерстрём сидела за кафедрой и читала газету. Юэль писал. Но буквы не желали становиться ровнее.

Наконец учительница взглянула на часы и сложила газету.

— Можешь идти, — сказала она. — Но вначале подойди сюда. Юэль сделал, как она велела.

— Я не верю, что ты прогуливаешь без причины, — сказала фрёкен Недерстрём. — Ты все еще не хочешь рассказать, почему ты это сделал?

На самом деле он хотел. Хотел объяснить ей, каково ему приходится, когда Самуэль пьет. Но он ничего не сказал. Просто не смог.

Она вздохнула и покачала головой.

— Не понимаю я тебя, — сказала она. — Но ладно, иди.

Юэль ушел. Он должен был бы взять гитару и отправиться к Крингстрёму. Но он не мог. Он устал, на душе скребли кошки. Он чувствовал себя одиноким и изможденным. Жить и так нелегко, а тут еще и ботинки жмут нестерпимо. Юэль спустился к реке и пошел по тропинке, вьющейся вдоль берега. Остановился у скалы, где часто играл несколько лет назад. Теперь он почти не приходил сюда. Его вдруг охватила тоска по прошлому. Когда ему было одиннадцать, жизнь тоже казалась трудной. Но как-то по-другому.

Юэль едва мог представить себе то, во что раньше легко верилось. Он долго стоял и смотрел на реку, пытаясь увидеть в ней крокодилов. Но видел только плывущие бревна.

Наверно, это и есть самое трудное.

Юэль не мог больше увидеть крокодилов. Только бревна.

Придя домой, он стал разогревать вчерашний обед. И решил, что сегодня вечером пойдет к Соне Матсон за своей vareжкой.

Его беспокоило еще одно дело. Как он будет теперь закаляться, сможет ли спать во дворе, если Самуэль перестанет ходить по средам к Саре? Это вопрос. Но, может, Самуэль найдет себе кого-то еще? В пивной Людде есть еще как минимум три официантки.

Самуэль вернулся домой трезвым. Они пообедали.

— Как дела в школе? — спросил он.

— Мы делали много упражнений на чистописание, — ответил Юэль.

Самуэль никогда не задавал о школе больше одного вопроса. Сегодня было не исключение. Юэль мысленно сказал ему спасибо.

Когда мальчик собрался уходить, Самуэль оторвал взгляд от газеты:

— Ты мало спал этой ночью, — заметил он. — Сегодня ты должен лечь раньше.

— Я только схожу за vareжкой, я ее забыл.

— Где же?

— Дома кое у кого.

— У кого?

— У приятеля.

Самуэль кивнул.

— Наверно, я буду спать, когда ты придешь. Спокойной ночи.

— Я ненадолго, — ответил Юэль.

Когда он вышел на улицу, ботинки впились в лодыжки; Юэль попытался представить, что идет по берегу моря. Вокруг пальмы. Жарко. Юэль поискал в себе потерпевшего кораблекрушение капитана Юэля Густафсона. Но так его и не нашел.

Подойдя к дому, где жила Соня Матсон, он остановился возле двери и проверил, не хочется ли ему писать. Это важнее всего. Потом он снял шапку и приподнял рукой ежик.

Он заметил, что нервничает. Ждет, будто что-то должно случиться. Но не знает точно что.

Юэль поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Соня открыла ему в той же блузке, что и в прошлый раз. Никаких прозрачных одежд.

— Что тебе? — спросила она. — Только не думай, что я куплю еще журналы.

— Я забыл у тебя варежку, — сказал Юэль.

Тут наступило самое трудное. Она могла бы оставить его ждать за дверью и пошла бы искать варежку.

— Входи, — сказала она. — Очень холодно.

И закрыла за ним дверь. Юэль вдохнул запах ее духов. Если бы он посмел, то схватил бы ее и поднял на руки.

— Посмотри, — сказала она, — где здесь твоя варежка.

Она оставила его одного в прихожей. Юэль сразу же нашел варежку. И уронил ее в другое место. Соня вернулась.

— Нашел? — спросила она.

— Еще нет. Но она должна быть здесь.

— Скажешь, когда найдешь.

Она снова ушла. В комнате работало радио. Притворяясь, что ищет, Юэль стал потихоньку подглядывать. Она сидела на диване и красила ногти. Юэль уставился на нее, как замороженный. Прищурил глаз, чтобы не так четко видеть ее. Теперь можно даже представить, что она одета в прозрачное платье. А под ним совершенно голая.

Сколько он смотрел, Юэль не знал. Но вдруг понял, что она это заметила. И быстро вскочила со стула. Он тут же поднял варежку.

— Чего ты уставился? — спросила она.

Но без раздражения в голосе.

— Не знаю, — сказал Юэль. — Я нашел варежку. Она лежала под шарфом.

Сначала она удивилась. Потом заулыбалась.

— Разве? — спросила она.

— Я пойду, — сказал Юэль.

Уходить ему не хотелось. Однако варежки он больше не оставил.

— Как себя чувствует Аллан?

— Хорошо. Температура спала.

Соня уже открыла дверь. Юэль стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты хочешь что-нибудь еще? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Больше ничего.

И ушел. По дороге домой он решил, что все прошло неплохо. Теперь он может зайти в магазин и показать толстухам, что знаком с продавщицей. И он обязательно придумает, как зайти к ней еще раз.

«Гитара, — вспомнил он. — Завтра я должен начать учиться».

Надо было спешить. Он столько времени простоял у витрины обувного магазина, рассматривая ботинки, которые хотел попросить у Самуэля. Они стоят дорого. Но Юэль знал, что есть еще дороже. Когда они придут в магазин, он сначала примерит самые дорогие. И скажет, что они ему впору. Самуэль откажется, как только услышит цену.

Тогда Юэль примерит те, которые он хочет на самом деле. И Самуэль купит их. Потому что они дешевле.

Когда Юэль вернулся домой, Самуэль уже спал. Поднимаясь по лестнице, Юэль тревожился, не ушел ли отец снова пить. Но услышал храп — самую лучшую на свете музыку.

Юэль немного посидел на краешке кровати, держа в руках гитару Симона. Она была грязная. Раньше он этого не заметил. Но у Симона в доме всюду была грязь. Юэль взял на кухне тряпку и начал протирать гитару. Вскоре она заблестела. Он прислонил ее к стене так, чтобы было видно с кровати. Потом забрался под одеяло.

День начался плохо. Но закончился лучше. Завтра, когда начнется урок, он будет на месте. А после школы пойдет к Крингстрёму учиться игре на гитаре.

Юэль закрыл глаза. Почувствовал, насколько он устал.

И тут он нашел капитана Юэля Густафсона. Сейчас это оказалось легко.

Шторм утих. Мятеж был подавлен. Впередсмотрящий прокричал, что на носовую фигуру галеона села неизвестная птица. Это означало, что земля близко.

Капитан Густафсон, несмотря на сильные боли, поднялся на палубу. Он повредил лодыжку в борьбе с мятежниками. Теплый ветер дул ему в лицо. Скоро они достигнут берега...

Юэль спал.

Сон нес его к морю, где тихо перекатывались волны.

Туда-сюда. Туда-сюда...

Глава тринадцатая

На следующий день Юэль наконец-то пришел в школу вовремя.

Ночью выпал снег. Школьный сторож начал заливать каток на большой засыпанной песком площадке рядом со школьным двором. Зима пришла по-настоящему. На переменах Отто и Юэль бросали друг на друга угрожающие взгляды. Но старший учитель и фрёкен Недерстрём не спускали с них глаз.

На одной из перемен к Юэлю подошла поболтать Эва-Лиза. Это озадачило его. Раньше такого не случалось.

— Ты уже, конечно, рассказала всем, что я буду учиться играть на гитаре, — холодно сказал Юэль.

— Ничего я не рассказала, — возразила она. — Я не сплетница.

Юэль знал, что она врет. Кто еще так разносит слухи, как Борзая?

Иногда Юэлю казалось, что именно поэтому она так быстро бежит. Она чемпионка по спринтерской болтовне.

Но теперь он засомневался. А вдруг она все-таки не врет и ничего не рассказала? Но тогда не понятно, почему.

Сразу после школы Юэль поспешил домой за гитарой. По дороге зашел в магазин Энстрёма купить картошку и масло. Перед тем, как войти в дверь магазина, он быстро провел рукой по ежику. Но ему не повезло. За прилавком стоял сам Энстрём. Соня мелькала где-то в подсобке. Он попытался как можно больше тянуть время. Но сзади напирала тетка. Разговор с Соней пришлось отложить на другой день.

Когда Юэль подошел к дому Крингстрёма, он был весь в поту. Ему пришлось отдышаться, прежде чем подняться по лестнице. Черный автомобиль стоял перед домом. Сегодня Крингстрём точно не поехал в Брунфлу.

Крингстрём открыл дверь с кларнетом в руке. Позади него играла музыка.

— «Сиамский блюз», — сообщил он. — Заходи.

Пока Юэль раздевался, он стоял и подыгрывал под пластинку. Посреди мелодии Крингстрём сменил кларнет на большой басовый саксофон. Юэль завороченно слушал. Крингстрём действительно хорошо играет.

Юэль взглянул на его руки. Пальцы короткие и толстые. Но он все же достает ими до всех нужных клавиш.

Музыка кончилась. Крингстрём отложил саксофон. Они прошли в большую комнату, сплошь уставленную пюпитрами. Юэль сел на пол и вытащил из чехла гитару. Крингстрём взял ее в руки. Покрутил-повертел. Юэль беспокоился, годится ли она.

— Где ты это раздобыл? — спросил Крингстрём.

— Одолжил, — ответил Юэль.

— Это старая и очень хорошая гитара, — пояснил Крингстрём. — Таких больше не делают. А если и делают, то они стоят много тысяч крон.

У Юэля закружилась голова. Сколько он знал Симона, эта гитара всегда висела у него на стене. Он, конечно, понятия не имел, что она такая ценная.

— Но струны плохие, — сказал Крингстрём. — Мы начнем с того, что поменяем их.

— У меня нет других, — сказал Юэль.

Крингстрём пожал плечами.

— Зато у меня есть. Если уж руководишь оркестром, ты должен оснастить себя не хуже авторемонтной мастерской. Запасными деталями ко всем инструментам.

Он вытащил новые струны. Юэль следил, как он снял старые и натянул новые. Потом мастер кивнул в сторону пианино.

— Возьми ноту «до», — сказал он.

Юэль не знал, где находится эта нота. Ему пришлось спросить.

— Ближайшая белая клавиша перед двумя черными, — слегка раздраженно пояснил Крингстрём.

Юэль нажал на нее пальцем.

— Не надо так колотить, — сказал Крингстрём.

Юэль нажал снова. Мягче, чем в первый раз. Крингстрём стал настраивать гитару.

Потом протянул ее Юэлю. Урок начался.

Через час у мальчика болели все пальцы, спина и запястья. Ему казалось, что он никогда не сможет научиться. Или что, по крайней мере, это займет так много времени, что он окажется на кладбище быстрее, чем сможет сыграть хотя бы одну песню Элвиса. Крингстрём растягивал ему пальцы, и заставлял свободнее двигать рукой и нажимать сильнее. Струны впивались в подушечки пальцев.

— Ты еще научишься, — сказал он, когда прошел час. — Просто это требует времени.

Они договорились, какие упражнения нужно делать Юэлю до их следующей встречи.

— Больше двух раз в неделю я не могу, — сказал Крингстрём. — А теперь мы должны условиться, как ты будешь мне платить.

Юэль похолодел.

Крингстрём хочет, чтобы он ему платил? А Юэль думал, что он делает это потому, что ему это нравится.

Крингстрём увидел, как мальчик испугался. Лицо старика растянулось в широкой улыбке. Юэль никогда раньше не видел его таким. Таким довольным.

— Тогда можешь помогать мне вести хозяйство, — сказал он. — Деньги мне не нужны. Но ты будешь вытирать пыль с пластинок и пюпитров. И мыть посуду, если потребуется. Ты умеешь мыть посуду?

— Да, — ответил Юэль. — И убираться тоже.

— Обычно мальчики этого не умеют, — заметил Крингстрём.

— А я умею, — сказал Юэль.

Музыкант кивнул.

— Так и договоримся. Сегодняшний день мы пропустим. И начнем со следующего раза. Час на гитару и час на мытье посуды и уборку.

Юэль убрал инструмент в чехол и приготовился уходить. Крингстрём уже поставил новую пластинку и начал играть. На этот раз он сел за большой контрабас. Юэль остановился в дверях и посмотрел на него. Послушал. Крингстрём играл и, казалось, забыл о мальчике.

Когда Юэль вышел из дома, из-за угла внезапно вынырнула Борзая. Похоже, она его поджидала. Он тут же насторожился. Что ей надо?

— Ну, научился играть? — спросила она.

— Видишь ли, на это требуется время, — отвечал Юэль. — Поставить руку, пальцы и все такое. И думаешь, легко выучить так много нот?

Он зашагал домой. Борзая — за ним. «Что-то ей все-таки надо, — подумал Юэль. — Но я не стану спрашивать».

Они молча спускались по холму. Девочка то убегала вперед на несколько метров, то начинала ходить вокруг Юэля. И вправду, как собака. Ни минуты не идет спокойно.

— А почему ты не сказал, как все было? — вдруг спросила она. Юэль остановился. Что она имеет в виду?

— Что ты не пришел в школу, потому что твой папа напился, — добавила Эва-Лиза.

Юэль посмотрел на нее.

— Вовсе он не думал напиваться.

— А что же с ним случилось?

— Он заболел.

У Юэля покраснелись щеки. Никто не имеет права говорить, что его отец пьет. Даже если это правда. И как только Борзая пронюхала об этом?

— Если бы ты сказал правду, тебе не пришлось бы оставаться после уроков, — сказала она. — И тебе совсем не нужно было говорить это в классе. Можно было бы сделать это на какой-нибудь перемене.

— Мой папа был болен, — повторил Юэль и снова зашагал. Борзая настойчиво шла следом.

Юэль остановился.

— Откуда ты знаешь? — спросил он. — Ты его видела?

— Просто знаю, — ответила она, продолжая бегать вокруг него.

«Должно же быть какое-то объяснение, — торопливо соображал Юэль. — Эва-Лиза сплетничает больше других. А значит, и знает больше других. Вот и эта сплетня до нее дошла».

Он снова пошагал. Теперь быстрее.

— Не так уж часто он выпивает, — сказал он. — Вообще-то, все реже и реже.

Они спустились с холма. Юэль подумал, что Эва-Лиза повернется и побежит обратно домой. Но она не побежала. Она продолжала ходить вокруг него.

Юэль решил не ломать себе голову. Эва-Лиза не огрызалась, как обычно. И ему даже нравилось идти рядом с ней. Несмотря на то, что она бегала быстрее других, она была все же довольно симпатичной. И неглупой. Юэль едва ли мог представить себе лучшую спутницу.

Они подошли к Народному дому. Откуда у него взялась эта мысль, Юэль так и не понял. Хотя с ним часто случалось, что он сначала говорил, а потом думал. Это был как раз тот случай.

Афиша фильма, который шел в кино на этой неделе, не очень-то впечатляла. Мужчина и женщина в старомодной одежде стояли, обнявшись, и с ужасом взирали на что-то малопонятное. Юэль предположил, что это фильм о любви. Но поскольку детей на него не пускали, в нем, может, и есть что-то интересное.

— Хочешь сходить в кино? — спросил он и указал на афишу.

— Но ведь детей не пускают, — удивилась Эва-Лиза.

— А я знаю, как можно пройти, — сказал Юэль. — И к тому же бесплатно.

— Ни за что не поверю.

Но Юэль заметил, что она все же заинтересовалась.

— Так ты хочешь пойти или нет? — переспросил он.

— Хочу.

— Тогда обещай, что никому не расскажешь, как туда попасть.

— Обещаю.

— Если ты разболтаешь, любой сможет воспользоваться. И тогда Энгман это заметит. И пройти больше уже не удастся.

Энгман был сторожем в кинотеатре. Он еще до сих пор не обнаружил, что Юэль придумал, как проходить в кино бесплатно, даже если это фильм, на который детей не пускают. Это случилось однажды в один из тех вечеров, когда он искал собаку, бегущую к далекой звезде. Тогда с ним был Туре. Но с тех пор, как он уехал, Юэль стал ходить в кино один. А теперь он позвал с собой Эву-Лизу. Он и сам не знал, почему.

Фильм начинался в половине восьмого. Только один сеанс. Юэль показал на другую сторону улицы, где находилась авторемонтная мастерская.

— В четверть восьмого приходи туда, — сказал он. — И никому ни слова.

Борзая пообещала. И побежала домой. Исчезла, будто ее и не было.

На мгновение он попытался представить себе Эву-Лизу в прозрачных одеждах, под которыми просвечивает ее тело. Но эта мысль его испугала.

Потом он прибавил шаг. Давно пора было готовить обед.

Самуэль пришел домой. Пришел трезвым. За обедом Юэль искоса поглядывал на него. Но Самуэль снова выглядел, как обычно. После обеда он сел у радиоприемника и стал листать газету. Юэль отправился в свою комнату и стал выполнять упражнения, которые задал Крингстрём. Делать их нужно было каждый день. Иначе он никогда не выучится. Когда стрелка приблизилась к семи, он надел куртку. Самуэль опустил газету и посмотрел на него.

— Опять уходишь?

— Я только верну пару книг в библиотеку.

— Но ведь ты брал их всего несколько дней назад?

— Я много читаю.

Самуэль положил газету на колени.

— Покажи мне, что ты читаешь.

Юэль пошел в свою комнату и принес книгу. Ту, которую он только что начал. *Мятеж на «Баунти»*. Он уже знал, о чем она. Команда старого корабля посадила своего капитана в шлюпку и отправила куда глаза глядят.

Самуэль посмотрел на обложку и прочел аннотацию на обратной стороне книги.

— Это, кажется, для меня, — сказал он. — Мне надо бы побольше читать. А я только сплю.

— Возьми, — сказал Юэль.

И ушел. Ровно в семь часов он уже стоял на месте, в тени, напротив Народного дома. Энгман открыл двери и зажег свет в фойе. За би-

летней кассой сидела его жена. Народ еще не собрался. Юэль подозревал, что зрителей будет немного. Афиша была не слишком заманчивой. К тому же в фильме не заняты известные актеры. Вот пришел киномеханик, которого звали Тунстрём. Вообще-то он работал мясником. Но сколько Юэль видел, Тунстрём всегда запускал кинопроектор. Иногда он засыпал прямо у себя в кабинке. Тогда его храп разносился по всему залу.

Юэль вздрогнул. Рядом с ним появилась Борзая. Лицо у нее покраснело. Наверно, бежала всю дорогу от дома. Интересно, за сколько она добежала? За минуту?

— Подождем тут, — шепнул Юэль.

— А ты уверен, что получится? — спросила она.

— Если не веришь, ступай домой.

Но Эва-Лиза осталась. И больше ни о чем не спрашивала.

Стрелки часов медленно приближались к половине восьмого. Юэль оказался прав. Зрителей пришло немного. Энгман с недовольным видом стоял у дверей.

— Фильм, конечно, не очень, — сказал Юэль. — Но зато детям вход запрещен.

Половина восьмого. Прошла еще минута. Энгман вышел на улицу и огляделся. Потом закрыл двери.

Теперь пора.

— Пойдем за мной, — сказал Юэль. — Только как можно тише.

И быстро провел Эву-Лизу через улицу на задний двор Народного дома.

В темноте они на ощупь прокрались вдоль стены. Эва-Лиза шла за ним. Юэль подошел к лестнице, ведущей в подвал. Осторожно взялся за дверь. Если ее приподнять и одновременно потянуть на себя, она откроется. Юэль поискал карманный фонарик, который предусмотрительно сунул в карман. Вид у Эвы-Лизы был испуганный.

— Там нет никакого кино, — сказала она.

— Ты идешь со мной или нет? — спросил Юэль. — Ведь фильм уже начался.

Они скользнули в темноту. Юэль светил под ноги. Над ними грохотали звуки фильма. Эва-Лиза прижалась к Юэлю сзади. Они осторожно поднялись по лестнице, которая вела за экран на сцену. Девочка нерешительно остановилась. Юэль потянул ее за руку. Они видели экран с задней стороны. Юэль тихонько заглянул в зал сквозь щелку в занавесе. Верхний ряд пустовал. Юэль указал на лестницу сбоку от сцены. Они поднялись, и Юэль осторожно открыл дверь. Никого не было.

Скамейки стояли пустые.

Юэль ткнул пальцем. Они сели на ближайший к лестнице ряд. Фильм только что начался.

Эва-Лиза все еще беспокоилась.

— А вдруг придет Энгман?

— Что ему тут делать, ведь наверху никого нет.

Они стали смотреть фильм, который и вправду был очень занудным. Но когда актеры целовались, Эва-Лиза хихикала.

Юэль перегнулся через перила и посмотрел в зал. Кто-то постучал в дверь кинозала. Наверно, пришли еще желающие взглянуть на эту скукотищу.

И тут он их увидел.

Юэль вздрогнул. Сначала ему показалось, что он ошибся. Но потом он разглядел точнее.

Соня Матсон. Продавщица Энстрёма.

И она пришла не одна. С ней был какой-то парень.

Какой-то парень сидел рядом с ней и держал ее за руку.

У Юэля сердце закололо от зависти. Больше, чем от зависти. От чувства, которому он не мог подобрать названия.

Он отпрянул от перил. Эва-Лиза смотрела фильм.

Но Юэль не мог сосредоточиться.

Он думал только о той, которая сидела там, внизу.

Глава четырнадцатая

Эва-Лиза хихикнула.

На экране опять целовались. Мужчина и женщина целовали друг друга. Украдкой и в открытую, закрыв дверь или сидя на лошади. Целовались долго и не очень.

Эва-Лиза все время хихикала.

А Юэль думал о Соне Матсон, которая сидела там, внизу. И о незнакомце, державшем ее за руку.

Ему казалось, что этот фильм о нем. Хотя он еще никого не поцеловал. Героиня, помолвленная с капитаном кавалерии США, тайком встречается с другим. Об этом и шла речь в фильме. Насколько Юэль сумел понять. И все целовались со всеми. Он подумал, что чувство, охватившее его, наверно, и есть ревность. Ведь это он должен был сидеть там, рядом с Соней Матсон. А не какой-то парень, которого он даже не знает.

И в то же время ему нравилось сидеть наверху вместе с Эвой-Лизой. Если бы они поменялись местами с тем парнем, может, это было бы и не так здорово.

Юэль перегнулся через перила. Соня все еще держала незнакомца за руку.

— Что ты там увидел? — шепнула Эва-Лиза.

— Я исправляю осанку, — ответил ей Юэль. — Мне нужно выпрямить спину.

Он попытался думать о том, что происходило на экране. Там все целовались и целовались. Вдруг Юэлю пришла мысль взять за руку Эву-Лизу. Но он не знал, как она поведет себя. Вдруг закричит? Или ударит его? Он решил оставить все, как есть.

Фильм был скучнейший. Зрители в зале сопели, вздыхали и шуршали. И только Эва-Лиза сидела и смотрела, как все с друг другом целуются. Юэль подумал, что мог бы улучшить момент и поцеловать ее. Но он не знал, как это делается. А она этого, наверно, даже не заметит. Решит, что это было в фильме. Если сделать это очень быстро.

Не раздумывая долго, он повернулся к ней, обхватил за плечи и прижался к ней губами.

Он почувствовал ее губы. Они сладко пахли. Потом Юэль отпрянул назад. Но Эва-Лиза не закричала. И даже не хихикнула. Ему даже показалось, что она не рассердилась. Хотя в темноте было трудно разглядеть ее лицо.

— Ты что, дурак? Перестань! — сказала она.

— Ничего страшного, — сказал Юэль, все еще не совсем понимая, что сделал.

— Да ты и не умеешь даже, — добавила Эва-Лиза.

— Что не умею?

— Целоваться. Смотри фильм и учись.

— Ты могла бы научить меня, если знаешь как.

— Могла бы. Но не сейчас.

Юэль снова попытался смотреть на экран. Она это всерьез сказала?

Что научит его целоваться? А вдруг она знает то, о чем рассказывал Отто? По-настоящему знает?

Он тихонько взглянул на нее. Эва-Лиза следила за тем, что происходило в фильме. Но все же заметила, что он поглядывает на нее.

— Хватит, — раздраженно сказала она.

Юэль отвел взгляд. Теперь она и вправду разозлилась. Нужно быть поосторожнее, а то она передумает.

Юэль опять вспомнил о Соне Матсон, которая сидит внизу. С кем она пришла в кино? Он тоже приехал из Стокгольма?

«Но только он не поднимется сюда и не возьмет за руку Эву-Лизу», — поспешил успокоиться Юэль.

Мысли кружились у него в голове. Слишком много всего необходимо узнать.

Герои на экране продолжали ездить верхом, сжигать большие красивые белые дома и целоваться за дверью. Юэль всерьез заинтересовался. Он пытался разглядеть, как они это делают.

Он заметил одну очень важную вещь. Во время поцелуя герои закрывали глаза.

Возможно, придется научить этому Эву-Лизу. Чтобы не думала, что он совсем уж ничего не знает.

Тут Юэль сообразил, что на экране дело идет к концу. Когда приходишь в кино, не заплатив, с этим всегда проблема. Не успеваешь досмотреть фильм. Потому что должен удрать до того, как Энгман зажжет в зале свет. Иначе будет плохо.

— Нам надо идти, — сказал Юэль Эве-Лизе.

— А разве мы не досмотрим до конца?

— Не получится. Энгман скоро зажжет свет. А при свете нам нельзя тут оставаться.

Несмотря на темноту, он увидел, что она расстроилась. И сразу же испугался, что теперь она не захочет учить его целоваться.

Юэль поднялся с места.

— Скоро конец, — повторил он. — Думаю, нам пора.

— Совсем не интересно ходить в кино, когда не видишь, чем все кончится, — расстроилась девочка.

— Все фильмы кончаются одинаково, — сказал Юэль. — Совсем нетрудно догадаться.

Они вернулись тем же путем, что и пришли. Когда они проходили позади экрана, фильм кончился. Но они успели шмыгнуть за дверь подвала прежде, чем Энгман зажег свет.

Юэль и Эва-Лиза стояли в темном дворе. Юэль ждал, пока те, кто пришел на фильм, не разойдутся по домам. Соню Матсон и ее неизвестного спутника он не увидел. Должно быть, они ушли в другую сторону. И только когда Энгман с грохотом закрыл входную дверь, Юэль сказал, что можно идти. Они вышли на улицу.

— Дрянной фильм, — сказал он.

Эва-Лиза, конечно, считала иначе. Нетрудно было догадаться.

— Нет, хороший. Сам прекрасно знаешь.

Юэль продолжал стоять на своем, хотя уже начал сомневаться.

— Слишком мало действия, — сказал он. — Герои просто стояли и болтали.

— Ну и что в этом плохого? К тому же, они говорили по-английски.

Юэль не смог привести других доказательств в подтверждение своего мнения.

— Но я видел фильмы и получше, — нерешительно добавил он.

Они пошли. Ни к дому Эвы-Лизы, ни к дому Юэля. Неизвестно почему, Юэль вдруг подумал, понравился бы этот фильм Ларсу Ульсону, который лежит на кладбище.

Они остановились у витрины обувного магазина.

— Я собираюсь купить новые ботинки, — сказал Юэль.

— Если твой папа не пропьет деньги, — съязвила Эва-Лиза.

Юэль посмотрел на нее. Подумал, что надо бы ее стукнуть. Или забросать снежками.

Но он увидел, что она уже жалеет о том, что сказала. Она приложила руку ко рту:

— Я не хотела тебя обидеть.

— А зачем ты так сказала?

— Не знаю.

Они пошли дальше. Юэль скорее расстроился, чем разозлился. Если уж он на кого и злился, так это на Самуэля, который так скверно себя ведет.

— В общем-то фильм был довольно плохой, — призналась Борзая.

— Я видел и хуже, — ответил Юэль.

Он шел рядом с ней и ждал. Он еще не забыл, что она сказала о Самуэле. Но он ждал, что она будет учить его целоваться. Они про-

шли мимо банка, аптеки и дорожно-ремонтного цеха с экскаваторами и катками. Наконец Юэль не выдержал:

— Так ты меня научишь? — спросил он.

Эва-Лиза хихикнула.

— Здесь? Прямо на улице?

— Ну и что?

— Здесь слишком холодно.

— А я видел в одном фильме, как люди целовались на Северном полюсе.

— Ну вот ты туда и поезжай.

— А куда нам тогда пойти?

Она не ответила. Юэль видел, что она размышляет о чем-то. Он решил не мешать ей и стал ждать.

— Завтра у меня никого не будет дома, — сказала она. — Тогда ты можешь прийти. Но если ты кому-нибудь проговоришься, я расскажу всем, что твой папа — пьяница.

Юэль едва успел согласиться. Эва-Лиза тут же убежала. Раз — и все. Попытаться догнать ее было бессмысленно.

Он отправился домой, уже сейчас ожидая следующего вечера. У него вновь возникло чувство, которого он никак не мог объяснить. Ждать так трудно. Иногда ему хотелось, чтобы некоторые дни пропадали, будто их не было вовсе. И чтобы два вечера шли подряд друг за другом.

Юэль остановился на полпути.

«Я это я и никто другой, — подумал он. — То, что происходит со мной, происходит только со мной».

Прошло всего несколько ночей с тех пор, как тихо выпавший первый снег закрался в его душу. Он дал новогодние клятвы. И уже пробовал спать на дворе под снегом. И одолжил у Симона Урвэдера гитару, которая стоит кучу денег. Крингстрём стал давать ему уроки. Соня Матсон впустила его в свою квартиру. И теперь Эва-Лиза научит его целоваться.

Жизнь — странная штука. Сначала долго совсем ничего не происходит. А потом все приходит вдруг и сразу.словно снежная лавина.

Юэлю опять захотелось прыгать. Поскакать по улице, как невидимый мячик. Скоро он узнает, что за парень держал Соню Матсон за руку. Но сначала Эва-Лиза научит его целоваться. А потом он попросит Соню надеть прозрачные одежды прямо на голое тело.

Он подошел к своему дому и, подпрыгивая, взобрался наверх по лестнице.

И тут на него обрушилась еще одна снежная лавина.

Черная и холодная, от которой тут же заболел живот.

Самуэля не было дома. Он снова исчез.

Это означало только одно: он так и не сумел сдержаться, снова отправился пить.

Юэль ударил кулаками по столу. Он пришел в такую ярость, что из глаз потекли слезы. Он не хотел больше, чтобы Самуэль был его отцом. Он хотел другого отца. Он поместит объявление в газете:

«Отдам негодного папу. Внимание! Совершенно бесплатно».

А может, существуют специальные помойки, на которые выбрасывают плохих родителей? Где они водят дружбу с такими же негодниками?

Юэль опустил на корточки на кухонном полу. Самуэль снова ушел. И даже если Юэль решил наплевать на отца, он все же рано или поздно пойдет его искать.

«Самуэль портит всю мою жизнь, — думал Юэль. — Стоит мне хоть чуть-чуть обрадоваться, он тут же отправляется пить. Я мог бы немного позакаляться во дворе. Или поиграть на гитаре. А вместо этого я должен идти искать Самуэля. Это несправедливо».

Юэль долго так просидел. Ярость прошла, остались печаль и усталость. Живот болел. Внутри засел Самуэль и грыз Юэля. Потом он поднялся и сел на папин стул. На полу валялась газета, на радиоприемнике лежала трубка. Юэль не снял ботинки. На полу образовались большие грязные лужи. Но ему было все равно.

Рядом с приемником лежала раскрытая книга — *«Мятеж на Баунти»*.

Юэль наклонился за ней. И заметил, что кто-то подчеркнул несколько строк карандашом. Конечно, это сделал Самуэль, кто же еще? Неужели он не знает, что библиотекарь перестанет давать книги, если увидит, что в них рисуют или пишут? И кому же он запретит? Конечно ему, Юэлю. А не Самуэлю. Его-то никто не отругает. Потому что он сам не ведает, что творит, когда напьется.

Юэль прочитал подчеркнутые строчки. Сначала быстро, потом медленно.

«Питкерн — остров, куда удалось доплыть мятежникам под командованием Флетчера, существует на самом деле. Потомки мятежников живут на нем и по сей день».

Юэль отложил книгу. Почему Самуэль подчеркнул именно эти строки? Он ни разу не слышал, чтобы Самуэль бывал на каком-нибудь острове, когда плавал на корабле.

Юэль поднялся и взял большой атлас мира со всеми морскими глубинами. И принялся искать. Это заняло много времени. Но наконец он нашел остров Питкерн. Маленькую точку в бескрайнем океане. И никаких других островов поблизости. Одиноким остров далеко-далеко.

«Туда-то Самуэль и хочет попасть, — подумал Юэль. — Он не поднял мятеж против капитана корабля, но он поднял его против ме-

ня. Он оставил меня одного в шлюпке, а сам сбежал на остров Питкерн...»

Юэль задумался, а вдруг это правда, и Самуэль действительно так решил, что он сбежит на остров Питкерн? Как однажды поступила мама Энни. Взяла дорожную сумку и исчезла.

Юэль знал, что у него остается только один выход. Найти Самуэля и спросить его.

Он вышел на улицу. Был уже поздний вечер. Ни людей, ни мятежников. Только пустые холодные улицы. Юэль попытался сообразить, где мог быть Самуэль. Скорее всего, так поздно он отправился туда, где сейчас еще можно раздобыть выпивку, к другим пьяницам. Он может оказаться в нескольких местах. У железнодорожного моста есть заброшенный дом, где собираются пьяницы. Там Юэль находил Самуэля несколько раз. Есть еще другой дом, рядом со старым молокозаводом. Он мог пойти и туда.

Дом у моста ближе. Юэль решил сначала проверить это место. В животе у него сидел Самуэль и грыз его. Больно грыз. Больше всего на свете Юэль ненавидел забирать Самуэля оттуда, где он сидел в окружении других пропойц за бутылкой спирта.

Когда он подошел к заброшенному дому, то увидел рядом с ним старика, который стоял и писал в снег. Юэль узнал его. Его звали Антон Ведберг, он работал в автомастерской и, когда напивался, затевал драку. Юэль подождал, пока он не вернулся в дом. Потом прокрался к окну и заглянул внутрь. В доме вокруг стола с бутылкой сидели четверо. Но Самуэля с ними не было. Юэль отправился дальше.

Ботинки все натирали. Конечно, теперь у Самуэля не останется денег, чтобы купить ему новые. Поэтому Юэль сотрет лодыжки и, конечно, получит заражение крови, ведь ему приходится каждую ночь искать Самуэля.

Он подошел к дому у молокозавода.

Внутри работало радио. Или, может, это кто-то поет? Юэль подошел к окну и заглянул. Жалюзи были опущены. Но он смог разглядеть комнату сквозь узенькую щелку.

Этого оказалось вполне достаточно.

В доме сидел Самуэль и держал в руке стакан.

Его качало, как при штормовом ветре.

Глава пятнадцатая

Последний шаг всегда был самым трудным.

Обхватить ручку так, чтобы побелели костяшки пальцев, открыть дверь и шагнуть в пелену табачного дыма и винного перегара. Юэлю казалось, что ничего не может быть хуже. И вот ему снова это предстоит. Чтобы вернуть Самуэля домой.

Он надеялся, что Самуэль еще не слишком много выпил. И его будет нетрудно увести. Он попросит Юэля подождать за дверью, пока не сделает еще несколько глотков из бутылки. Станет, сколько сможет, тянуть время.

Юэль посчитал до трех и открыл дверь. Четыре пары тупых красных глаз с удивлением воззрились на него. Юэль знал их. Самуэль бывал здесь много раз. Одного из них прозвали Вороном, потому что у него был большой острый нос. Двое других в комнате были братья по фамилии Томте. Они походили на двух косматых псов. Раньше они работали лесорубами. А теперь работают день-два, когда им нужны деньги на выпивку.

— Это ты? — удивился Самуэль.

Юэль с облегчением отметил, что отец не успел еще сильно напиться и сможет держаться на ногах.

— Пойдем домой, — сказал Юэль. — Уже поздно.

Самуэль кивнул. Юэлю часто казалось, что отец был даже благодарен ему за то, что он приходил забрать его. Спирт не прибавлял ему веселья. Но, наверно, помогал забыть печали.

— Подожди-ка минутку, — сказал Ворон и попытался схватить Юэля за руку. Но тот увернулся. Он уже знал эти приемы.

Покачиваясь, Самуэль встал. Потом потянулся.

Повернувшись, Юэль вышел за дверь. Он не хотел торчать в дыму дольше, чем требовалось.

По дороге домой Самуэль не сказал ни слова. Юэль тоже молчал. Ноги у Самуэля то и дело заплетались. Но подхватывать его, чтобы он не свалился, Юэлю не пришлось ни разу.

Он хотел представить себе, что рядом с ним идет капитан «Баунти». Но как ни пытался, он видел только Самуэля. Ссутулившегося больше, чем когда-либо.

Когда они добрались до дома, отец тяжело плюхнулся на стул в кухне.

— Я не смог удержаться, — сказал он. — Все эта история с Сарой. Юэль решил не отвечать. Он только принялся снимать с него сапоги. — Я больше не буду, — сказал Самуэль.

Юэль опять не ответил. Он наконец стащил с него второй сапог.

Самуэль стал варить кофе. «Это хороший знак, — подумал Юэль. — Он хочет протрезветь». Тем временем Юэль пошел за книгой, в которой Самуэль подчеркнул несколько строк. Он сел за стол и посмотрел на отца, стоявшего у плиты в ожидании, пока сварится кофе.

Самуэль уселся напротив. От него несло водкой. Юэлю показалось, что он похож на зверя, который забыл побриться. Если, конечно, звери бреются.

Отец пил кофе. Юэль знал, что ему стыдно. Но Юэль не постеснялся воспользоваться этим. Должен же Самуэль получить за все то, что он ему устраивал.

— У тебя еще остались деньги на ботинки? — спросил Юэль.

Самуэль кивнул.

— Они лежат в комоде.

Случалось, когда Самуэль стыдился, он начинал врать. Но на этот раз Юэль ему поверил. У него отлегло от сердца. Во всяком случае деньги на ботинки отец не пропил.

Но тут черной лавиной нахлынуло другое.

— А зачем ты подчеркнул в книге? — спросил Юэль. — Разве ты не знаешь, что в библиотечных книгах нельзя писать?

— Но я подчеркнул карандашом, — стал оправдываться Самуэль. — Это легко стереть. Я хотел показать тебе кое-что.

— Я уже прочитал, — сказал Юэль. — Об острове Питкерн. И мятежниках, которые живут там по сей день.

— Когда-нибудь и мы туда поедem, — сказал Самуэль, и в его покрасневших глазах зажегся мечтательный огонек. — Только ты да я.

— Мы поплывем на лодке? — поинтересовался Юэль. — Или на плоту?

Но Самуэль, казалось, не слышал.

— Мы поедem туда, — повторил он. — И, может, даже поживем там несколько лет.

— А там есть школа?

Самуэль снова не услышал. Он все глубже погружался в свои мечты.

— Наверно, пора отсюда убираться, — медленно произнес он. — Уехать от этого вечного снега на теплый песок.

Юэлю хотелось верить, что Самуэль действительно так решил. Но он боялся. Он не хотел вновь оказаться обманутым. Как не раз случилось раньше.

Самуэль останется тут, в доме у реки, и будет и дальше рубить деревья в лесу. Может, однажды, ему посчастливится прорубить дорогу к морю? Но так долго Юэль не станет ждать. Если он собрался на остров Питкерн, ему придется действовать самостоятельно. И пусть отец продолжает блуждать в своих мечтаниях. Они никогда не уедут вместе. Юэль не может проникнуть в Самуэлевые мечты. А Самуэль на самом деле никогда не сможет уехать.

Это так. Юэль вдруг представил себе все ясно и отчетливо.

Он больше не может позволить себе оставаться ребенком.

Сначала Эва-Лиза научит его целоваться. Потом он станет королем рок-н-ролла и уедет из города, прочь от зимы и снега, тихо падающего по ночам. Он оставит отцу довольно много денег. Но путешествие на остров Питкерн он совершит один. Или с кем-нибудь другим.

Может, с Соней Матсон.

Или с Эвой-Лизой?

Или с кем-то, кого он еще не знает.

— Я пойду спать, — сказал Юэль.

Самуэль кивнул.

— Нам обоим нужно выспаться, — сказал он. — Завтра вечером я никуда не уйду. Я обещаю.

«Посмотрим, — подумал Юэль. — Хотя я все равно пойду домой к Эве-Лизе. И не подумаю идти тебя искать».

Но он знал, что пойдет, если потребуется. Тут уж ничего не попишешь.

На следующий день Юэль снова пришел в школу без опозданий. Правда, когда он проснулся, то чувствовал себя таким разбитым, что подумал, уж не заболел ли. Но потом он вспомнил об Эве-Лизе и о том, что должно случиться вечером. Он тут же ожил и соскочил с кровати. На кухне Самуэль брился. Глаза у него были слегка красноватые.

— Вчера это было в последний раз, — сказал он. — Спасибо, что пришел за мной.

— Когда мы пойдем за ботинками? — спросил Юэль.

— Завтра суббота, — ответил отец. — Я закончу рано, и мы успеем в магазин.

Потом он взял рюкзак и ушел. Юэль жевал бутерброды и думал, что Саре стоило бы узнать, что она натворила. И пусть теперь дает Самуэлю деньги, если ему потребуется выпить. Это она во всем виновата.

И Юэль мысленно отправил Сару на помойку для негодных взрослых. Потом взглянул на часы и понял, что пора выходить.

Эва-Лиза сидела рядом с ним на скамейке и хихикала. Юэль засомневался, действительно ли она выполнит свое вчерашнее обещание. Но спрашивать он не стал. Это означало бы выдать себя с головой.

На первом уроке Юэль слушал невнимательно. Это был урок краеведения. Фрёкен Недерстрём рассказывала о том, как выглядел город у реки давным-давно. «Во времена Ларса Ульсона», — подумал Юэль.

Вдруг Борзая сунула ему смятую записку. Он осторожно раскрыл и прочел:

«Не раньше семи часов. Тогда они уйдут».

Все-таки это правда! Юэль посмотрел на девочку. Она снова хихикнула. Юэль засунул записку глубоко в карман.

— Ты слушаешь, Юэль? — вдруг спросила учительница.

У нее был острый глаз. Особенно, когда дело касалось Юэля Густафсона.

— Да, — ответил Юэль. — Мы говорим о том, как выглядел наш город во времена Ларса Ульсона.

— Кто такой Ларс Ульсон?

— Тот, кто лежит на кладбище. Но он раньше жил здесь.

Класс засмеялся. Но фрёкен Недерстрём в виде исключения заступилась за Юэля.

— Хорошо, что ты слушаешь меня, — строго сказала она. — И вы все должны так делать.

После уроков Борзую как ветром сдуло. Юэль тоже торопился. Ему предстояло побегать целый день. Сначала домой за гитарой, чтобы пойти на урок к Крингстрёму. Потом снова домой — отнести гитару, и опять назад, к Эве-Лизе, которая будет дома одна. Ему придется дважды приходить в один и тот же дом. Сначала на второй этаж, а потом на третий.

Но он все успел. Крингстрём оказался в хорошем настроении и научил Юэля трем аккордам. Впервые мальчик почувствовал, что все же сможет научиться играть. Даже если сейчас у него выходит неважно, если пальцы у него слишком короткие и если он неправильно держит руку.

После урока Юэль ровно час вытирал пыль с граммофонных пластинок и мыл посуду. Потом, схватив гитару, он помчался домой готовить обед. Самуэль пришел, как обычно, и глаза у него не были красными.

— Сегодня я почитаю твою книгу, — сказал он. — А хочешь, мы читаем вместе вслух?

— Я не могу, — ответил Юэль. — Я ухожу.

— Сегодня опять?

— Вчера я был дома, — напомнил Юэль. — Но мне пришлось идти за тобой. Это не считается.

Его слова задела Самуэля. И больше он ничего не сказал.

Юэль пошел в свою комнату и лег на кровать. Он нервничал. А вдруг Эва-Лиза все-таки встретит его в прозрачных одеждах? Что ему тогда делать?

Он резко сел. Нужно пойти умыться. А лучше вымыться. И поменять одежду. И причесать ежик. А еще почистить зубы. Это самое главное.

Мытьем придется пренебречь. Самуэль удивится, если он вытащит лохань на кухню посреди недели. Достаточно будет, если он помоеется по краном. Юэль бросился в ванную и снял одежду. Вымылся и вытерся с головы до ног. Начистил зубы так, что из десен пошла кровь. Потом надел чистое белье и свои самые лучшие брюки. Стертые лодыжки щипали. Но завтра у него будут новые ботинки. И тогда он уже будет уметь целоваться. При мысли об этом ёкало под ложечкой.

Наступила половина седьмого. Юэль заглянул в комнату Самуэля, который сидел на стуле с книгой в руках. Но он спал. По-прежнему еще не одолев первой страницы.

У дома Борзой Юэль прождал в темноте, пока не убедился, что сейчас не меньше четверти восьмого. Потом поднялся по лестнице мимо квартиры Крингстрёма, из-за двери которой слышались веселые звуки тромбона, и остановился перед дверью Эвы-Лизы. На двери висела табличка с надписью «Александрссон». Юэль приподнял ежик и позвонил. Ему тут же захотелось убежать. Но было поздно. Эва-Лиза открыла. Юэль сразу заметил, что она накрасила губы. Они были совершенно красные.

— Ну что ты стоишь? — спросила она. — Заходи, что ли?

— Твои родители ушли? — спросил Юэль.

— Они играют в бридж, — ответила девочка.

Юэль вошел. Он надеялся, что она не спросит его, знает ли он, что такое бридж. Тогда он не нашелся бы, что ответить.

— Сними ботинки, — сказала она. — А не то ты запачкаешь полы.

Юэль сделал, как ему велели. Потом прошел за ней в гостиную.

Квартира была большая, обставленная красивой мебелью. Юэль знал, что папа Эвы-Лизы местный прокурор. Что это означало, он точно не знал. Но понимал, что прокуроры зарабатывают куда больше, чем лесорубы, такие, как Самуэль.

— Долго я не разрешу тебе остаться, — сказала Эва-Лиза. — Только научу целоваться. А потом уходи.

Юэль почувствовал, что краснеет. Он не знал, как ему себя вести с ней.

Эва-Лиза поставила перед ним стул. Юэль заметил, что она тоже волнуется. Она все время выходила в коридор, как будто потому, что боялась, не идут ли ее родители.

— Садись на стул, — сказала она. — И выпяти губы.

Юэль сделал, как она велела. Эва-Лиза тоже выпатила губы, чтобы показать ему пример. Юэль попытался за ней повторить. Это показалось ему глупым.

— Еще больше, — сказала она. — И открой рот. Как будто хочешь кого-нибудь чмокнуть.

Юэль выпатил губы так сильно, как мог.

— А теперь закрой глаза, — продолжала девочка и показала ему как. Выпатив губы, она наклонила голову и закрыла глаза. Юэль сделал то же самое.

Ему не нравилось сидеть на стуле посреди комнаты. Казалось, что что-то идет не так, но он не мог понять, что именно.

— Когда же мы начнем? — спросил он.

— Что начнем?

— Разве мы не будем целоваться?

— Это все равно, что учиться играть на гитаре. Сначала ты должен сделать упражнение.

Наверное, она права.

— Закрой глаза и выпати губы, — повторила Эва-Лиза. — И не подглядывай. И продолжай, пока я не скажу тебе, что хватит.

Юэль делал так, как она велела. Ему показалось, что он просидел довольно долго. Эва-Лиза захихикала. Но все еще ничего не говорила. Юэль пытался представить себе, как ее губы прикоснутся к его губам.

— Теперь хватит, — сказала она.

Юэль открыл глаза.

Перед ним стояли три подружки Эвы-Лизы. И еще два мальчика из класса. Когда он открыл глаза, они расхохотались. Юэль так и застыл на месте. Сначала он ничего не мог сообразить. И смущенно засмеялся вместе со всеми.

Но потом он понял, что Эва-Лиза обманула его.

Слезы навернулись у него на глаза.

Он соскочил со стула и ринулся в прихожую. Рывком схватил куртку и ботинки и в одних носках выбежал за дверь. Он слышал, как они хохотали у него за спиной. Но даже не остановился, чтобы надеть ботинки. Нужно было убраться оттуда как можно скорее.

Одно из окон дома распахнулось. Оттуда снова донесся смех. Юэль побежал вниз по холму и остановился лишь, когда уже перестал слышать хохот. Только тогда он надел ботинки.

И, остановившись, задумался.

Он все еще не мог опомниться. И не понимал, что же случилось. Но внутри у него ответ был уже готов. Эва-Лиза посмеялась над ним. Она все нарочно подстроила. Ее друзья ждали в соседней комнате. Вот почему она все время выбегала в коридор.

Юэль представил себе эту ужасную сцену. Как он сидел, склонив голову и выпятив губы.

До чего же стыдно! То, что произошло, было так чудовищно, что он даже не мог разозлиться.

Он медленно побрел домой.

Хотя больше всего на свете ему хотелось упасть лицом в снег и умереть.

Глава шестнадцатая

Подойдя к дому, Юэль зашел в дровяной сарай и сел на старую кровать. Сидеть на холодных пружинах было больно. Но он не вставал. Он даже лег ничком и подумал, что будет лежать здесь, пока не замерзнет насмерть.

Потом он поднялся в дом. У него даже не было сил проверить, дома ли Самуэль или снова куда-то ушел. Но Самуэль лежал в постели и спал. Он забыл выключить лампу у кровати. «Мятеж на Баунти» валялся рядом. Юэль погасил лампу. Затем прошел в свою комнату и разделся. Забравшись в постель, он укрылся одеялом с головой. Пытался заставить себя не думать о том, что с ним случилось.

Где-то в стене рядом с его ухом заскреблась мышка. Если бы Юэль мог, он тоже забрался бы внутрь стены и стал бы жить там. И больше никогда не вышел бы наружу. Он прожил бы в стене до тех пор, пока ему не стукнуло бы сто лет и не наступило бы время умирать.

Он свернулся калачиком под одеялом.

Отогнал от себя все мысли, и уснул.

Юэль проснулся. И тут же вспомнил, что произошло вчера вечером у Эвы-Лизы. Попытался представить, что все это ему приснилось. Что ничего такого не было. Но выбросить это из головы не получалось. Он сидел на стуле, а ее дружки тихо прокрались в комнату.

Юэль посмотрел на будильник. Скоро нужно вставать и идти в школу. Там он встретит Борзую и ее приятелей. И они разболтают всему классу. И даже всей школе. Они опозорят Юэля.

У него заболел живот. Он мог бы не пойти в школу. Он мог бы никогда в жизни не возвращаться туда. Раз уж Самуэль таков, каков он есть, Юэлю остается только бежать из города в одиночку. Сегодня суббота. Завтра приходит поезд, с которым он обычно отправлял секретные письма. Теперь он сам тайком сядет в него. Он будет лежать тихо-тихо и слушать, как колеса стучат по железнодорожному мосту, а когда наступит утро, он будет уже очень далеко. Там он изменит имя, цвет волос и станет совсем другим. Юэль Густафсон перестанет существовать. Эве-Лизе и ее друзьям некого будет осмеивать.

Вдруг у двери возник Самуэль.

— Вставай, а не то опоздаешь в школу, — сказал он.

— Встаю.

— На улице сильный ветер, — сказал отец. — Будет метель.

Юэлю захотелось, чтобы весь город смело с лица земли.

— Сегодня мы купим тебе новые ботинки, — добавил Самуэль и улыбнулся. — Если только нас не заметет совсем.

— Хорошо, — пробормотал Юэль.

— В двенадцать я буду ждать тебя у обувного магазина. Я приду вовремя. И возьму с собой деньги. Смотри только, чтобы тебя не замело снегом.

И отец вернулся на кухню. Юэль продолжал лежать, укрывшись одеялом до подбородка. Ему теперь совсем не хотелось покупать новые ботинки. Ему стало все равно. Он вполне мог еще походить в тех, которые у него были. И в конце концов он натрет столько мозолей, что не сможет двигаться. Или получит заражение крови и умрет на глазах у тех, кто захочет на это посмотреть. У Эвы-Лизы. И у Фрёкен Недерстрём. И у всех остальных.

Но так долго лежать в постели нельзя. Самуэль удивится. Юэль встал и оделся. Отец уже стоял в меховой шапке.

— В двенадцать, — повторил он. — У обувного магазина.

Юэль слышал, как он спустился лестнице. Когда-то папа бегал по лестницам между палубами корабля. А теперь ходит вверх и вниз по одним и тем же ступенькам. Год за годом. И все больше сутулит спину.

Мальчик забрался на подоконник. Похолодало. Минус шесть. К тому же Самуэль оказался прав. Дул сильный ветер. Раскачивались лампы фонарей. Ветер посвистывал в щелях. Сквозь оконную раму тянуло холодом. Прислонившись щекой к стеклу, Юэль вздрогнул.

По улице, сопротивляясь сильным порывам ветра, шли люди. Молодые и старые. Они мелькали под фонарями в пятачках света. Еще не рассвело. Все куда-то спешили. Кроме Юэля. Он сидел на подоконнике и размышлял о том, как он уедет отсюда и оставит кому-нибудь свою комнату, в которой иногда скребется мышка.

Он посмотрел на часы. Первый урок уже начался. Фрёкен Недерстрём заметила, что Юэля Густафсона опять нет в классе. А Эва-Лиза и ее дружки сидят себе и посмеиваются. А вдруг они даже разослали записки с рассказом о том, что случилось вчера вечером?

Юэль прижал руки к животу. От боли. Теперь внутри сидел не Самуэль. Теперь его грызла изнутри Эва-Лиза.

Он снова забрался в кровать. Лег под одеяло, не раздеваясь. Он просто не знал, что же ему делать. Его опозорили. Единственное, что оставалось, — это уехать отсюда. В газетах о нем напишут так:

«Юэль Густафсон пропал при неизвестных обстоятельствах.

Гибель Юэля Густафсона.

Мальчик, которого и след простыл».

А он будет сидеть на острове Питкерн и читать эти газеты. Но его будут звать совсем не Юэль Густафсон. Его фамилия будет Флетчер. И он будет женат на женщине из рода мятежников. Однажды утром она подошла к нему на берегу, одетая в прозрачные одежды. Она была похожа на Эву-Лизу. Но только много красивее. Губы у нее были красные. И бегала она быстрее, чем Борзая. У него родился сын, которого зовут Юэль. Юэль Флетчер. И никто не знал, что отцом его был он, Юэль Густафсон, который сидел на стуле и выпячивал губы.

Пока он мечтал, боль в животе слегка утихла. Но удержать мечту было нелегко. Она то и дело норовила ускользнуть от него. И тогда перед глазами вновь вставали Эва-Лиза и ее хохочущие приятели.

Юэль понял, что не может оставаться дома. Но куда же ему отправиться?

Он встал у окна. Метель была в разгаре. Пошел снег.

«Симон, — подумал мальчик. — Единственный, к кому я могу пойти, это Симон Урвэдер. Я не могу пойти к Гертруд. Ведь она видит меня насквозь и начнет спрашивать. А я не хочу отвечать на ее вопросы».

Он оделся. Хорошо, что началась метель. Никто не заметит, как он пойдет по улице. Даже старший учитель, у которого глаз наметан. Все будут идти, пригнувшись и глядя себе под ноги.

И Юэль шагнул навстречу стихии. Действительно дул очень сильный ветер. Но мальчику удавалось идти против него. Он решил. Он пойдет к Симону. Там он почувствует себя свободным. Он продумает свое путешествие на остров Питкерн. Оно начнется, когда завтра он сядет в ночной поезд. Самуэль будет напрасно ждать его у обувного магазина. Деньги, отложенные на ботинки, понадобятся Юэлю в путешествии. Он одолжит их у отца. Тайком, когда тот уснет. Будет воскресенье, и Самуэль не станет предлагать идти за новыми ботинками. Поэтому он даже не заметит, что деньги исчезли. Позже Юэль возместит ему эти деньги во много раз. За каждую одолженную крону он вернет Самуэлю тысячу.

Он как раз проходил мимо железнодорожной станции. Отправлялся автобус на Юсдаль. Шофер включил дворники на полную катушку, чтобы расчистить стекло перед собой. Юэль вспомнил, что попал тогда именно под этот автобус и чудом избежал смерти. Он даже подумал, что погибнуть под автобусом было бы тоже неплохо. Тогда бы уже не имело значения то, что он сидел на этом чертовом стуле, который Эва-Лиза ему поставила.

Метель бушевала. Снег заметал все вокруг. Юэль шел дальше. Мимо лазарета. Прочь из города. На дороге уже намело огромные сугробы. Скоро все покроет снегом. Автомобили будут врезаться в сугробы и ждать, пока приедет снегоуборочная машина.

Юэль едва не прозевал тропинку, ведущую к дому Симона. Он настойчиво пробирался сквозь снежную пелену. Старый грузовик стоял,

наполовину заметенный снегом. Юэль подошел к дому. Постучал. Никто не ответил. Он открыл дверь и вошел.

Дом пустовал. Симона в нем не было. Собак тоже. В камине слегка теплились угли. Юэль стряхнул с себя снег и подошел к камину согреть руки. Куда это запропастились Симон и его собаки? Грузовик был на месте. А Симон не из тех, кто гуляет без дела. Если он куда-то собирался, он садился за руль.

Вдруг Юэлю подумалось, что что-то здесь не так. Он надел шапку и варежки и вышел из дома. Следов Симона или собак нигде не было видно. Должно быть, их замело. Юэлю удалось дойти до грузовика и открыть совсем заледеневшую дверцу. Внутри сидел только пехух и смотрел на Юэля. Юэль закрыл дверцу и попытался оглядеться. Буря все усиливалась. Снег слепил ему глаза. Он позвал Симона. Но никто не ответил. Ветер бушевал в ветках деревьев, сгибавшихся под его порывами. Юэль крикнул снова. Никакого ответа.

Вдруг он вздрогнул. Возле него что-то зашевелилось. Он быстро обернулся. Рядом стояла собака Симона. Она скулила. Юэль наклонился и потрепал ее по голове. Потом огляделся. Где же вторая собака? И где сам Симон?

— Где Симон? — спросил он собаку. — Симон? Где Симон?

Собака заскулила. У Юэля зашевелилось нехорошее предчувствие. Теперь он точно знал: что что-то случилось.

Он сделал несколько шагов в сторону и позвал собаку. Но она стояла и скулила. Юэль отошел еще немного. Собака побежала в другую сторону. Юэль за ней. Она исчезла в лесу. Юэль брел с трудом. Он спотыкался и боролся с ветром. Он запыхался и вспотел. Здесь, среди деревьев, ветер дул не так сильно. И снегом замстало меньше. Но ветки трещали точно так же. Казалось, весь лес горит. Горит снежным огнем. Собака шла вперед, ведя за собой Юэля. Он подумал, сможет ли когда-нибудь выбраться назад. Но перед ним бежала собака. Она найдет дорогу.

Вдруг собака остановилась. Юэль подошел поближе. Там стояла другая собака. И лежал Симон. Распластанный на снегу. В одной руке он держал топор. Юэль встал на колени и потряс его. Но он не открыл глаза. Юэль с ужасом подумал, что Симон умер. Он сильно встряхнул его и позвал по имени. Собаки заскулили. Тут Юэль услышал, что Симон тихо застонал. Он не выглядел раненым. Похоже, его стошнило. Юэль не знал, что ему делать. Но Симон лежал перед ним. Юэлю было бы не под силу вытащить его одному. Но Симон болен. Наверно, он умирает. Юэль задумался. Может, сбегать за подмогой? Но собаки не оставят хозяина. И Юэль больше не найдет сюда дорогу. Метель заметет его следы. Есть только одна возможность. Он должен донести или дотащить Симона до дома. Там можно развести

огонь в камине. Он положит Симона в постель, чтобы согреть, а сам побежит за помощью. Юэль нагнулся и попытался приподнять Симона. Но тот оказался слишком тяжелым. Тогда Юэль взял его за обе руки и потянул. Он тянул изо всех сил. Может, удастся сдвинуть Симона хотя бы на метр.

«Ничего не получается!» — с отчаянием подумал он.

Но должно получиться. Юэль тянул и тянул.

Сколько прошло времени, пока он добрался до домика Симона, Юэль не знал. Наверно, много часов. Несколько раз от усталости он падал в снег. Но поднимался и снова продолжал тащить. Когда они добрались до дома, Юэль был так изможден, что его вырвало. Но он собрал последние силы и уложил Симона на кровать. Потом зажег камин. Пальцы стали словно заледеневшие щепки. Он их не ощущал. Но ждать, пока руки согреются, он не мог. Как только огонь в камине занялся, он выскочил из дома и побежал к дороге, которую почти совсем замело. Вокруг него продолжала бушевать метель. Ветки деревьев сгибались так, словно их хлестали невидимым кнутом. Юэль продвигался вперед метр за метром в надежде, что покажется хоть какая-нибудь машина. Уже совсем стемнело, и он так устал, что не выдержал бы долго. Он присел на сугроб передохнуть. Но как только почувствовал, что засыпает, вздрогнул. Если он уснет в снегу, он умрет. Юэль заставил себя встать на ноги и идти дальше.

Наконец он услышал. Сквозь вой бури доносился другой звук. Потом он увидел между деревьями блуждающий луч света. Юэль встал посреди дороги и стал махать руками. Навстречу ехала снегоочистительная машина. Она остановилась. Кто-то спустился из водительской кабины и подошел к нему.

— Там Симон, — произнес Юэль. — Он болен. Ему нужна помощь.

Что случилось потом, он едва помнил. Кто-то помог ему забраться в кабину, где было тепло. Незнакомый голос спросил, как его зовут и где он живет.

— Вы должны забрать Симона, — отвечал Юэль. — Я нашел его в лесу. Он болен. Думаю, он умирает.

Юэль почувствовал, что позади них остановился другой снегоочиститель. Он слышал голоса и видел свет карманного фонаря. Люди исчезли по направлению к лесу, к дому Симона.

«Теперь они его заберут», — подумал Юэль.

Больше он не помнил ничего, пока машина не остановилась перед его домом.

Он взглянул на шофера. Он узнал его. Шофера звали Нильссон, он был запасным вратарем городской хоккейной команды. Когда он стоял в воротах, команда почти всегда проигрывала.

— У тебя есть кто-нибудь дома? — спросил шофер.

— Самуэль, — ответил Юэль.

— Теперь ты справишься сам?

— А как Симон?

— Он в больнице. Справишься сам?

— Да, — ответил мальчик. — Я всегда справляюсь сам.

Он выбрался из кабины. Ноги замерзли настолько, что не сгибались колени.

Юэль медленно поднялся по лестнице. Когда он пришел на кухню, то услышал, что Самуэль уже спит. Часы на стене показывали уже одиннадцать часов.

На столе лежала записка.

«Хватит убегать по вечерам. Самуэль. Так мы идем сегодня покупать новые ботинки?»

Юэль сел на пол и снял с себя всю одежду. На руках он натер большие мозоли. Но сил на то, чтобы вымыться, не осталось. Только залезть в кровать и спать.

Последним, о ком он вспомнил, был Симон. Завтра нужно пойти к нему и узнать, как он себя чувствует. И потом, кто же будет кормить собак, если Симон болен? И петуха в кабине грузовика?

Утром снегопад прекратился. Запасной вратарь Нильссон, убиравший всю ночь снег, остановился у домика Симона, чтобы покормить собак. Когда он подошел к дверям, они выскочили наружу. Он пошел за ними. Они остановились в глубине леса и сели охранять шапку Симона. Тут только запасной вратарь Нильссон осознал, что произошло.

«Значит этот парнишка Густафсон действительно дотащил Симона от этого места до дома, — подумал он. — Не знаю, смог бы я сделать это. В такую метель».

Он поехал обратно в город и зашел выпить кофе с теми, кто тоже работал всю ночь. Он рассказал им о том, что случилось вчера вечером.

Симон лежал в больнице. Врач установил, что у него произошло кровоизлияние в мозг. Выживет он или нет, сказать было невозможно.

А Юэль спал. Наступило воскресенье, и ему не нужно было думать о том, чтобы идти в школу.

Возле его уха тихо шуршала мышка.

Глава семнадцатая

Раньше такого никогда не бывало.

Чтобы фрёкен Недерстрём приходила к Юэлю домой. Но на следующий день, в воскресенье, когда Юэль еще спал, кто-то постучал в дверь. Самуэль сидел на кухне за столом и латал брюки. Он узнал фрёкен Недерстрём, потому что видел ее на школьном выпускном вечере.

— Юэль что-нибудь натворил? — испуганно спросил Самуэль, увидев ее в дверях.

— Он дома? — спросила учительница.

— Он спит, — отвечал Самуэль. — Вчера он пришел домой довольно поздно. Он часто уходит куда-то по вечерам. Я говорил ему. Но что он делал в такую бурю, я не понимаю.

Фрёкен Недерстрём прошла на кухню.

— Так вы, господин Густафсон, даже не расспросили своего сына?

— Сейчас я его разбужу, — сказал Самуэль и попытался сделать сердитый вид.

Она положила руку ему на плечо.

— Не будите его. Ему нужно поспать. Думаю, я смогу все рассказать вам сами.

Они сели за стол. Фрёкен Недерстрём согласилась выпить чашку кофе.

Потом она стала рассказывать, что случилось вчера. Как Юэль сквозь бурю несколько километров тащил Симона Урвэдера. И как ему наконец удалось позвать на помощь шофера.

— Господин Урвэдер тяжело болен, — закончила она. — Но если бы не Юэль, он был бы мертв.

Самуэль с изумлением слушал ее рассказ. Он даже не был уверен, что понял, что она говорит. Но по крайней мере ему стало ясно, что Юэль, к счастью, ничего не натворил.

— Все-таки лучше я его разбужу, — сказал он.

— Нет, пусть спит. Он очень утомлен, должно быть, — сказала фрёкен Недерстрём.

Они осторожно подошли к двери и посмотрели на спящего Юэля. Он лежал, закрыв глаза и натянув одеяло до подбородка.

Самуэль и учительница снова вернулись на кухню.

Они не заметили, что Юэль проснулся. Сквозь слегка приоткрытые глаза он видел две расплывчатые тени. Он узнал Самуэля и фрёкен Не-

дерстрём. Когда они вернулись на кухню, он на цыпочках прокрался к двери и прислушался. И тогда он понял, что учительница пришла справиться о его здоровье. А не для того, чтобы поговорить с отцом о том, как плохо он ведет себя в школе, если вообще туда приходит.

— Юэль способный мальчик, — сказала фрёкен Недерстрём. — Но он неаккуратен. И все время думает о чем-то постороннем.

— Мне не всегда легко следить за ним, — начал оправдываться Самуэль. — Но я стараюсь.

Сразу после этого учительница ушла. Юэль метнулся обратно к кровати. Он слышал, как она спустилась по лестнице.

Самуэль вошел к Юэлю в комнату. Тот снова притворился, что спит. Но Самуэля нелегко провести.

— Я слышал, как ты стоял у двери и подслушивал, — сказал он. И присел на край кровати.

— То, что она говорила, это правда? Теперь ты должен сам рассказать мне обо всем. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Ты, наверно, устал?

— Теперь уже нет.

Затем Юэль рассказал, что случилось. Самуэль выслушал, не проронив ни слова.

— Симон был очень тяжелый, — закончил Юэль. — Я даже не думал, что человек может столько весить.

Самуэль провел рукой по его лбу.

— Это все равно что спасти потерпевшего кораблекрушение, — сказал он. — Кораблекрушение в снегу. Когда снежные волны захлестывают с головой. И воеет буря. А ты сумел вытащить его на берег. Чтобы он выжил.

Юэль понял, о чем говорит Самуэль. Хотя ему никогда не приходилось спасать утопающих в открытом море.

— Мне казалось, будто я нахлебался воды, — сказал Юэль. — Снег бил мне прямо в лицо.

Самуэль пристально смотрел на него. Юэлю нравилось, что папа вот так сидит и разглядывает его. Ему даже не мешало то, что щеки у Самуэля заросли щетиной.

— Пойдем, полежим на моей кровати, — предложил Самуэль через минуту. — Немножко почитаем «Мятеж на Баунти».

Юэль сразу вскочил с кровати. Все тело ломило. Но они с папой так давно не читали вместе. Очень давно.

Самуэль укрыл себя и Юэля одеялом до подбородка. Мальчику казалось, что он лежит в берлоге рядом с медведем.

— А я ждал тебя у обувного магазина, — сказал отец. — Должен признаться, я порядком разозлился.

— Может, мы купим ботинки в следующую субботу? — спросил Юэль.

— Ты можешь купить их сам, — отвечал Самуэль. — Я дам тебе деньги. Я вдруг понял, что мне необязательно ходить с тобой, чтобы купить тебе новую обувь. Если я не ошибаюсь, ты начинаешь взрослеть.

— Я уже давно повзрослел, — сказал Юэль. — А ты заметил это только сейчас.

Самуэль кивнул.

— Наверно, мне не хотелось этого замечать, — произнес он. — Потому что когда ты растешь, я старею. А я не хочу. Думаю, я и так достаточно старый.

Юэль почувствовал, что отцу неприятно говорить о своем возрасте. Самуэль взял книгу.

— Будем читать с начала? — спросил он.

— Как хочешь, — ответил Юэль.

— Тогда прочтем сперва конец, — решил Самуэль. — Это лучше всего.

И он стал читать о том, как на горизонте вдруг возник таинственный остров. Когда мятежники уже успели перессориться между собой. Когда Флетчер больше не мог управлять командой. Остров вынырнул из моря, словно гигантская скала. Они бросили якорь и ступили на берег.

Казалось, вокруг был рай.

И они все еще живут там. Хотя прошло уже больше ста лет.

Самуэль закрыл книгу и положил ее себе на живот.

Они с Юэлем молчали.

За окном завывал ветер. Но Юэль понял, что буря постепенно стихает.

Стены поскрипывали. Словно это был не дом, а корабль. Как будто они лежали в каюте капитана и плыли в неизвестность.

— Я хочу попасть туда, — сказал Юэль. — На остров Питкерн.

— Я тоже, — отвечал Самуэль. — На остров Питкерн.

Потом они снова умолкли. Юэль заснул и проспал еще час.

К вечеру он отправился в больницу проведать Симона. Отец пошел вместе с ним. Юэль обещал, что после покажет место, где он нашел Симона. Самуэль также вспомнил, что нужно покормить собак.

— У Симона живут еще и куры, — сказал Юэль. — И петух в грузовике. В кабине у руля.

Буря улеглась. Но снегоуборочные машины все еще ездили по улицам. Сугробы намело большие.

Когда они пришли в больницу, им сказали, что увидеть Симона нельзя. Он все еще без сознания. Состояние у него тяжелое. Они подождали врача и поговорили с ним. Юэль сразу узнал его. Именно этот доктор осматривал его, когда Юэль едва не попал под автобус. Но врач его не помнил.

— Так это ты нашел Симона, — сказал он и потрепал Юэля по волосам.

Юэль не любил, когда его гладили по голове. Даже врачи.

— Молодец, — сказал доктор. — Настоящий герой.

Потом он посерьезнел.

— Но что с ним будет, неизвестно, — продолжал он. — Видимо, произошло кровоизлияние в мозг. К тому же Урвэдер пожилой человек. Еще рано говорить, выживет ли он.

Когда они вышли из больницы, Юэль молчал. Самуэль заметил это.

— Может, он еще выкарабкается, — утешал он сына. — По крайней мере мы должны не терять надежды.

— Если он умрет, это будет несправедливо, — сказал Юэль.

— Смерть всегда несправедлива, — отвечал Самуэль. — Когда она приходит, это всегда не вовремя.

Они пошли к лесу, к домику Симона. У дома их ждали собаки. Пока Самуэль кормил их, они поскуливали. Потом Юэль с отцом проводили петуха и четырех перепуганных кур, которые сидели в сарае на жердочках.

Затем они направились в лес. Юэль не помнил точно, где нашел Симона. Но в конце концов сообразил и привел Самуэля как раз к тому месту.

Отец покачал головой.

— Ведь это почти два километра, — сказал он. — Как же ты смог дотащить его до дома?

— А что мне оставалось делать? — неуверенно пробормотал Юэль.

Он и сам не понимал, как это вышло.

Когда они вернулись в дом Симона, Юэль предложил взять собак с собой и позаботиться о них, пока хозяин в больнице. Но Самуэль не разрешил. Собаки привыкли жить в доме у Симона. И нигде больше. Поэтому Юэль должен приходить сюда каждый день и кормить их.

По дороге домой они остановились у витрины обувного магазина. Юэль показал ботинки, которые хотел купить. Когда Самуэль увидел цену, он побледнел, но ничего не сказал.

Вечером обед готовил Самуэль. Юэль хотел сделать это сам, потому что папе редко удавалось сотворить у плиты что-нибудь вкусное. Но Самуэль настоял на своем. Он решил, что Юэлю надо отдохнуть. Мальчик тем временем лежал в кровати и вспоминал обо всем, что случилось за последние дни. Он даже мог подумать о Борзой и ее хохочущей компании. Теперь, когда он вынес Симона из снежной бури, это казалось ему пустяком. И все же мысль о том, что завтра нужно идти в школу, страшила его. Но он знал, что обязательно должен пойти.

Самуэль приготовил жареную свинину и картошку. Юэль осторожно счистил подгоревшее сало.

— Вкусно? — поинтересовался отец.

— Да, — ответил Юэль. — Не ел ничего вкуснее.

Но когда Самуэль подложил ему на тарелку добавки, он вздохнул про себя.

Иногда взрослые совсем не понимают, что у тебя на уме.

В тот вечер Самуэль и Юэль легли спать рано.

Юэль сразу задремаł.

Жареная свинина таяла у него в животе. Самуэль храпел, а в стене шуршала мышка.

Юэлю снился сон. Он шел по пустынным улицам вместе с Вайатом Эрпом и его братьями. Позади них кашлял доктор Холлидей. Красная земля кружилась у них под ногами. Звенели шпоры на сапогах.

Пора. Пора разделаться с Айке Клэнтоном и его приспешниками. Они шли к месту схватки у трактира «Окей Коралл». Через несколько минут многие будут мертвы. Во сне Юэль вдруг понял, что тоже шагает вместе со всеми. Он шел позади Вайата Эрпа. Шпоры звенели у него на сапогах. Но он шел впереди доктора Холлидея. Тот сильно кашлял. Скоро он умрет. От туберкулеза. Но сначала они расквитаются с Айке Клэнтоном. Тянуть больше нельзя. Сейчас как раз подходящий случай. Вон они виднеются в солнечной дымке. Прямо навстречу идут Айке и его люди. Солнце набросило на все вокруг дымчатое покрывало. Но Юэль видит, что навстречу ему шагает Эва-Лиза. Приспешники Айке Клэнтона хохочут. Вайат Эрп остановился. Все остановились. Но вдруг все исчезли. Юэль остался один. Его охватывает паника. Солнце бьет ему прямо в глаза. Он ничего не ви-

дит. Он протягивает руку к бедру за пистолетом. Его «Смит и Вессон» с деревянной рукояткой, отделанной чистым серебром. Но пистолета нет. Кобура пуста. А наверху в салоне в скрипучем кресле-качалке сидит фрёкен Недерстрём и спит.

Юэль так испугался, что вскрикнул. Тут Эва-Лиза побежала прямо к нему, на ходу превращаясь в гигантскую птицу с распростертыми крыльями.

Юэль вскрикнул и вскочил. В комнате было темно. Сначала он не понял, где находится. Потом увидел блестящие стрелки будильника. Он снова дома. Это был просто сон, перенесший его к трактиру «Окей Коралл» и обратно.

Прошло много времени, прежде чем он снова уснул. Сон встревожил его. Ему предстоит снова пойти в школу, а это все равно, что идти к трактиру. Но без Вайата Эрпа. И без кашляющего доктора Холлидея.

Но когда Юэль пришел на школьный двор, все оказалось совсем не так, как он ожидал. Там стояла Эва-Лиза. И все остальные.

Но никто не хихикал и не показывал на него пальцем.

Никто не дразнил его, склонив голову набок и выпятив губы.

Юэль понял, что должен благодарить за это Симона. Входя в класс, он все еще чувствовал себя неуверенно. Но у Эвы-Лизы был виноватый вид. А фрёкен Недерстрём стала говорить, прежде чем спеть псалом.

Она рассказала, что произошло. Юэлю показалось, что это похоже на приключенческий роман. Неужели это действительно он спас Симона? Или это ему тоже приснилось?

Но все уже об этом знали. Юэль представил себе, как о нем будут говорить в 2045 году. Как о человеке, который когда-то вытащил Симона Урвэдера из бушующего снежного моря.

Он вспомнил о Симоне. У него случилось кровоизлияние в мозг. А его собаки сидят и скулят у двери дома.

На первой перемене он набрался храбрости и спросил фрёкен Недерстрём о том, что такое кровоизлияние в мозг.

— Это означает, что в голове лопнул сосуд, — ответила она. — Но не думай об этом, Юэль.

— А о чем же мне еще думать? — удивился мальчик.

Фрёкен Недерстрём не ответила. Скоро перемена закончилась.

После школы Юэль напрямую отправился в обувной магазин. Он примерил новые ботинки. Они не жали. Он заплатил и положил в ко-

робку старые. Потом изо всех сил побежал вверх по холму к больнице. В портфеле у него лежало несколько мясных костей, которые Самуэль дал ему утром. Он не знал, пойти ли ему сначала к Симону или к собакам. Выбор был непростой. Но во всяком случае собаки будут рады, когда он придет. Он решил начать с них.

На этот раз собаки бросились к нему. Юэль приласкал их, прежде чем пойти к курицам. Сегодня все они забрались в грузовик. Юэль крошил им сухари.

Больше возиться с ними не было времени. Теперь нужно навесить Симона. Когда он подошел к больнице, ему повезло, он столкнулся с врачом, с которым они с Самуэлем вчера говорили.

Ничего не изменилось. Симон все еще был без сознания.

Никто не мог сказать, выживет он или умрет.

У Юэля на глаза навернулись слезы. Хотя он и хотел не плакать. Зачем Симону умирать, если он лежит не в сугробе, а в кровати?

Юэль вышел из больницы.

И тут же заметил ее.

Эва-Лиза. Она стояла у заборчика.

И совсем не была похожа на огромную грозную птицу с распростертыми крыльями.

Глава восемнадцатая

Юэль попытался рассердиться. Не получилось.

Они пошли прочь от больницы, спускаясь вниз по холму. Эва-Лиза молчала. И даже не бегала вокруг Юэля, как обычно.

Вместо того, чтобы рассердиться, Юэль попробовал сделать вид, что она его совершенно не интересуется. Как будто ее нет вовсе. Но и это не вышло. Актер из Юэля получился бы плохой.

Тогда он решил быть таким, каков он есть. Они уже дошли до железнодорожной станции.

Позади длинного красного деревянного здания, где размещалась контора по приему и отправке грузов, было несколько больших сугробов. Прохожие на улице решают, что дети просто играют.

Когда они подошли к конторе, Юэль сделал подножку, и Эва-Лиза свалилась спиной прямо в сугроб. Мальчик накинута на нее и стал бросать ей в лицо снег. Она сопротивлялась, как могла. Но Юэль был сильнее. Он запихивал снег ей за шиворот. Он бил ее, рвал ее одежду, и она отвечала ему тем же. Юэль уже совсем не злился на Эву-Лизу. Но он должен был ее проучить.

— Перестань, — взмолилась девочка.

— А ты выпяти губы, — отвечал Юэль.

И снова сунул ее головой в снег.

Он остановился только тогда, когда она заплакала.

— Ну вот ты и получила, — сказал он и поднялся на ноги.

Куртка у нее была разорвана. Она пошла прочь, обливаясь слезами.

Юэль удивился, что она не побежала. На ее месте он помчался бы со всех ног.

Он направился к дому. Но вдруг резко развернулся и бросился вслед за Эвой-Лизой. Теперь не она догоняла его, а он ее.

Он нагнал ее у старенького покосившегося домика, где раньше был магазин инструментов Тулина. Она все еще редела. Но Юэль заметил, что не так, как вначале. Он долго шел рядом с ней, не говоря ни слова.

Но больше молчать не было сил.

— Ты получила по заслугам, — сказал он. — Но я больше так не буду.

— Я тоже, — ответила она. — Но это не я все придумала.

Юэль застыл на месте. Не может быть?!

— А я думал только ты и я знали о нашем уговоре.

— Ну, почти, — промямлила Эва-Лиза. — Но так я не хотела.

— А кто же хотел?

— Все остальные.

— Но почему же ты мне не сказала?

— Я и сама жалею, что не сказала.

Юэль посмотрел на холм. Правда это или нет?

Есть только один способ проверить.

— Покажи мне, — сказал он. — Покажи сейчас. Как надо целоваться. Тогда я поверю тебе.

— Только не на улице, — сказала Эва-Лиза.

— Пойдем за дом. Тут никто не живет. Только старые пилы да топоры.

— В другой раз.

— Я тебе не верю.

Она зло взглянула на него.

— Но я же плакала! Как я могу теперь целоваться? Ты что, ничего не соображаешь?

Юэль засомневался.

— Ну, я подожду, — сказал он.

— Мне надо домой, — сказала Эва-Лиза. — Иначе мои рассердятся.

— А когда? Без этого я тебе не поверю.

— Потом, — сказала она. — Я обещаю.

И убежала. Юэлю показалось, будто гора с плеч свалилась — все же они не поссорились. Но поверить ей до конца он не мог. Хотя и стало легче. Он пошел домой.

Юэль снова проходил мимо станции. Посмотрел за скамейками, не уронил ли кто мелочь. На скамье у стены сидел и спал какой-то старик. Начальник станции Книф отчитывал служащего в билетной кассе. Юэль остановился у большого табло с расписанием, висевшем на стене. Кто-то зачеркнул название города и приписал карандашом:

«Тут не останавливаются поезда. Только идиоты».

Юэль усмехнулся. Интересно, видел ли это начальник станции? И что он об этом думает? Наверно, разозлился до смерти.

Старик у стены храпел. Юэль подумал, что ему, наверно, лет сто, не меньше. Тогда он должен был родиться в 1858 году. Как раз когда Вайат Эрп и Доктор Холлидей шагали по пустынной улице, чтобы покончить с Айке Клэнтоном и его приспешниками.

Юэль сел на скамью и стал болтать ногами. С родителями он считался. Но разве можно выбрать век, в котором живешь?

Конечно, Юэль знал, что это невозможно. Глупая мысль. А все-таки забавно.

Если бы можно было выбирать, он мог бы стать одним из ближайших помощников капитана Флетчера. Одним из тех, кто продолжал его дело. Тогда бы он не сидел на всеми забытой железнодорожной станции в компании старика-храпуна.

Тогда мир вокруг него был бы совсем другим.

В том мире шелестят пальмы. И вокруг ходят женщины в прозрачных одеждах.

А он все еще тут! Раздраженный, Юэль подскочил на месте. Громко топнул ногой и толкнул скамейку, чтобы посмотреть, не проснется ли старикашка. Но тот продолжал спать.

Юэль взглянул на часы. Было уже поздно. Магазин Энстрёма уже закрыт. Ему остается лишь пойти к ее дому и позвонить в дверь. Хотя у него нет никакого предлога — ни рождественского журнала, ни забытой варежки. К тому же, может, у нее в гостях тот парень. Который сидел с ней в кино и держал ее за руку. Дело довольно рискованное. Ведь он может запросто вышвырнуть Юэля. Даже в окно. Он может потерять голову от ревности. Никогда не знаешь заранее, как дело повернется.

Юэль стал сильнее качать ногами. С ботинок на пол стекали грязные капли. На полу образовалась карта. Юэль стал придумывать островам имена: «Змеиный», «Шхера доктора Холлидея»*, «Остров Урвэдера».

Но все еще думал о Соне Матсон.

Интересно, увидит ли он ее когда-нибудь в прозрачных одеждах?

Юэль посмотрел на спящего старика, и решил испытать судьбу. Если ему удастся разбудить его до того, как кто-нибудь войдет в зал, то, значит, он увидит Соню в прозрачных одеждах. Но трясти старика нельзя. И нельзя кричать. Все остальное разрешается.

Если старик все еще будет храпеть, когда откроется дверь вокзала, то можно забыть о своей мечте. Значит таков перст судьбы.

И мальчик принялся стучать по железной ножке скамейки, в то же время поглядывая на окошко билетной кассы. Оно могло распахнуться в любой момент. У Книфа такой слух, что он за десять миль слышит, как идет поезд. Но старик не просыпался. Юэль застучал громче. Старик все храпел. Юэль разозлился. Он что, помер? Мальчик встал и взялся за спинку скамейки, на которой сидел старик. И начал ее трясти. Старик хрюкнул и потер нос. Но глаза не открыл. Юэль потряхнул скамейку так, что она подскочила. Бесполезно. Он знал, что дверь вокзала может открыться когда угодно, и стал лихорадочно со-

* Шхера — мелкий островок.

ображать, что еще можно сделать. Наконец ему в голову пришло последнее решение. Он подбежал к окошку кассы и стал колотить в него что есть силы. Окно тут же распахнулось. Начальник станции усталился на Юэля.

— Что ты стучишь? — взревел он. — Тебе что, билет нужен?

— Нет, просто я хотел проверить, не уснули ли вы, — с ухмылкой ответил Юэль.

Книф побагровел.

— Вон! — заорал он. — Вон отсюда!

Его голос прогремел на весь зал.

И старик проснулся.

Юэль успел дать деру еще до того, как разъяренный Книф вышел из кассы. Но старик все-таки проснулся. Это самое главное. Голос Книфа разбудит кого угодно.

Итак, жребий брошен. Он увидит Соню Матсон в прозрачных одеждах.

Мальчик бежал домой со всех ног. Самуэль, конечно, уже приготовил обед и удивляется, почему Юэля все еще нет дома.

Он представил себе, как удивился бы Самуэль, если бы Юэль рассказал, что уготовила ему суд.

В один из ближайших вечеров я, Юэль Густафсон, пойду к Соне Матсон, известной также под именем Саломея, и увижу ее голой, одетой в прозрачные одежды.

Самуэль просто брякнется в обморок.

Юэль с ехидством подумал: видел ли Самуэль Сару в прозрачных одеждах. Вот, небось, зрелище!

Но когда Юэль пришел домой, он, конечно, ничего не рассказал.

Самуэль еще не приготовил обед. Он всегда долго копался и ничего не успевал.

«Папа был когда-то моряком. А теперь стал лесорубом. Но роль повара ему отчаянно не удается», — подумал Юэль.

На другой день Юэль и Эва-Лиза написали друг другу кучу записок. Под конец у Юэля их был полный карман. Они снова подружались, это было ясно. И никто из тех, кто был в тот вечер дома у Борзой, когда Юэль сидел на стуле и выпячивал губы, ничего не сказал. Никто даже не смеялся. Даже Отто был приветлив. Ведь не каждый смог бы протащить Симона Урвздера пару километров по снегу.

На одной из перемен Отто предложил Юэлю тайком посмотреть журнал, который ему удалось достать.

— Он совсем новый, — добавил Отто. — Его еще никто не видел.
— Думаю, я обойдусь, — ответил Юэль. — Не так уж это интересно.
Отто удивленно уставился на него. А Юэль смотрел на Отто. И тому пришлось признать, что Юэль не кривит душой.

День выдался удачный. Пожалуй, один из лучших за все это время.
После школы Юэль отправился кормить собак и кур Симона. Эва-Лиза пошла вместе с ним. Мальчик доверил ей кормить кур, а сам занялся собаками. В больнице им сообщили, что никаких изменений пока нет. Симон все еще в тяжелом состоянии.

Юэль загрустил. Эва-Лиза пыталась его утешить.

— Во всяком случае ему не стало хуже, — сказала она. — Значит теперь ему может стать только лучше.

Юэль подумал, что она права. Еще он подумал, что было бы здорово выбросить все мысли из головы. С Эвой-Лизой было хорошо, хотя она и девчонка.

Они расстались у ее дома. Поцеловаться она не предложила. А Юэль не напомнил.

Когда он увидел, как она исчезла за дверью, то вспомнил, что нужно сказать Крингстрёму, что он скоро снова придет к нему на занятия. Но тут он заметил, что большого черного автомобиля у дома нет. Значит Крингстрём уехал.

Тогда Юэль напрямик направился в магазин Энстрёма. Сегодня ему нужно было многое купить. Когда на двери звякнул колокольчик и Юэль вошел, он увидел, что за прилавком стоит Соня. Мальчик снял шапку и быстро приподнял рукой ежик. Он забыл это сделать до того, как войти. Перед ним стояло много теток. Соня еще не видела его. Он посматривал на нее украдкой. Снова пытался представить ее в прозрачных одеждах, но ему мешали все эти тетки. О них надо забыть. Он вообразил, что он в магазине один, но у него все равно ничего не получилось. Да и как представишь Соню в прозрачных одеждах, когда она стоит за прилавком и разливает молоко? В этот момент она его заметила. Юэль вздрогнул, словно она могла заглянуть в его мысли.

— Сейчас, кажется, твоя очередь, — сказала она.

Тетки в толпе тут же недовольно заворчали. Но Юэль решил, что вполне может подойти к прилавку поближе, что он и сделал. А то раньше тетки так и норовили встать впереди него.

— Как здоровье твоего брата? — спросила Соня. — Как Аллан?
Юэль чуть не провалился сквозь землю.

И, конечно, тут же нашлась какая-то тетка, которая не могла не вмешаться.

— У него нет никакого брата, — заметила она.

Юэль не знал, откуда вдруг взялась в нем храбрость. Он просто повернулся к тетке и, взглянув на нее, сказал:

— До чего же некоторые люди любят влезать в чужой разговор! Потом он перевел взгляд на Соню.

— Аллан чувствует себя хорошо, — ответил он ей. — У него не болит больше ни плечо, ни колено. Мне, пожалуйста, масла и яиц. Тетка заткнулась. Соня протянула ему его покупки.

— Я слышала, что ты спас какого-то человека, которого едва не замело снегом в лесу, — сказала она.

Она говорила так громко, что слышали все. Юэлю это понравилось.

— Он был тяжелый, — сказал он. — Но если не сдаешься, то все получается.

Соня посчитала, сколько стоят продукты и записала в книгу. Раз в месяц приходил Самуэль и расплачивался. Юэль ставил рядом свои инициалы.

— Может, ты зайдешь ко мне и расскажешь, как все произошло? — предложила девушка.

Юэль не поверил своим ушам. Тетки тоже. Новая продавщица из Стокгольма приглашает Юэля к себе домой?

— Когда? — спросил Юэль.

— Приходи сегодня вечером, — ответила Соня.

Юэль взял свой кулек и отошел от прилавка. Никто не пихнул его. Когда он вышел на улицу, ему пришлось поставить кулек на землю. Он не ослышался?

Потом он заторопился. Если он идет вечером к ней в гости, ему нужно подготовиться.

Юэль вспомнил о старике на вокзале.

И правда, как же ему повезло, что удалось разбудить его!

Придя домой, Юэль тут же принялся готовить обед. Самуэль вот-вот вернется из леса. Но мысли о предстоящем вечере не выходили из головы. Он был так рассеян, что только через час обнаружил, что забыл включить плитку, на которой стояла кастрюля с картошкой. Каждую минуту он бегал смотреться в зеркало. Мочил водой свой ежик, чтобы тот стоял торчком. Но с вихром на лбу ему никак было не сладить.

Даже когда ему стукнет сто лет, вихор так и будет торчать у него на лбу.

На лестнице послышались шаги Самуэля. Тяжелые, как у слона. Вот он зашел на кухню.

«Сейчас он скажет, что здесь вкусно пахнет», — подумал Юэль.
— Пахнет вкусно, — произнес Самуэль. — Как дела у Симона? Ты ходил кормить собак?

Юэль ответил: с Симоном все без изменений, собак он покормил. Они пообедали. Юэль глотал еду, как удав. Самуэль удивленно посмотрел на него.

— Я ухожу, — объяснил Юэль.

— Сегодня опять?

— Мы готовим школьный вечер. Хотя сейчас еще далеко до Рождества.

Самуэль кивнул. Потом вздохнул.

— Время бежит быстро, — заметил он.

— Но можно попытаться его догнать, — ответил Юэль. И подумал, что же он такое сказал.

Едва пробило шесть, он уже стоял у ее дома. Всю дорогу он бежал, а теперь остановился перевести дух.

Потом вошел в дом.

Теперь он знал точно.

Сегодня она встретит его в прозрачных одеждах.

Глава девятнадцатая

Соня Матсон открыла дверь.

Но прозрачных одежд на ней не было. К тому же на голове у нее Юэль увидел бигуди. Точь-в-точь как у Сары. Он непроизвольно скривил гримасу. Ведь он был так уверен, что Соня будет почти голой, лишь в легком покрывале.

— Ты что, бигуди никогда не видел? — спросила она.

Юэль покраснел. Его разоблачили.

— Ну почему, — сказал он, — видел. Но только не на тебе.

Она удивленно посмотрела на него.

— А чего же ты ждал?

Юэль вздрогнул. *Соня прочла его мысли.* Что она теперь сделает?

Конечно, даст ему затрещину и выгонит. А может, даже пойдет и расскажет все редактору газеты? И тогда на следующей неделе все прочтут следующее:

«Юэль Густафсон грезит о запретном плоде».

Юэль Густафсон, мечтающий о девушке в прозрачных одеждах, все еще на свободе».

— Ну и долго ты будешь там стоять? — поинтересовалась Соня. — Время идет.

Юэль шагнул за порог.

— Раздевайся и проходи. Не забудь снять ботинки.

На этот раз Юэль не уронил ни варежку, ни шарф. Затем он прошел в гостиную. Соня сидела, поджав под себя ноги. На ней был розовый купальный халат. Юэль увидел кусочек ее бедра. Хотя вообще-то смотреть он не осмеливался.

Она кивнула на его ноги:

— Дырки в носке уже нет.

— Мама заштопала, — объяснил Юэль.

Соня зажгла сигарету и с задумчивым видом выпустила колечко дыма.

— А в этом городишке много болтают, — сказала она.

— Ничего не скроешь, — согласился Юэль.

— Люди говорят, — продолжала она, — о том, о сем. Когда стоишь за прилавком, слышишь много всего интересного. Знаешь, что мне рассказали сегодня? После того, как ты ушел?

Юэль мотнул головой.

— Что та женщина сказала правду. Что у тебя нет брата по имени Аллан. И что у тебя вообще нет братьев.

Она не сердилась. Она улыбалась. Приветливо улыбалась. Юэль решил, что единственное, что ему остается, — это рассказать всю правду.

— Я хотел продать тебе журналы, — пробормотал он. — Мне пришлось выдумать Аллана.

И Юэль рассказал про Отто. О том, как он заплатил ему три кроны. Она расхохоталась. Но по-прежнему дружелюбно.

— Все говорят о Юэле Густафсоне, — сказала она, когда Юэлю было уже нечего добавить о журналах.

— Все, что они говорят, неправда.

— Но все же кое-какая правда выходит на свет, — продолжала Соня. — Хотя я тоже считаю, что тетki часто болтают о том, о чем не имеют ни малейшего понятия.

— В этой дыре полным-полно кумушек, — согласился Юэль. — Стоит написать в снег, и все тут же узнают об этом.

Девушка опять рассмеялась.

— Теперь они судачат как раз о тебе, — сказала она. — Все считают, что ты очень сильный, раз тебе удалось спасти того старика.

— Симона Урвэдера. Так его зовут.

— Урвэдер?

— Да, Урвэдер.

— Хотела бы я иметь такую фамилию, — заметила Соня. — Она звучит лучше, чем Матсон.

— И лучше, чем Густафсон.

— Люди болтают, — снова повторила она. — Сегодня кто-то сказал мне, что у тебя нет никакого брата. И еще они говорят о том, что у тебя нет мамы.

«Я пропал, — подумал Юэль. — Она все знает. Скоро она догадается и про прозрачные одежды. Она умеет читать мысли, а не просто слушает этих балаболок».

— Это не мое дело, — сказала Соня. — Но мне все же интересно, кто штопает тебе дырявые носки?

— Я сам, — ответил Юэль. — Я хожу в магазин и готовлю еду. Я сам себе мама. Но я не слушаю, что обо мне болтают. Если я захочу, я расскажу все сам.

Соня вдруг посерьезнела.

— Я спросила всего лишь из любопытства, — сказала она. — Это мой большой недостаток. Я слишком любопытна.

— Я тоже, — ответил Юэль. — Но я не думаю, что это недостаток.

Она потушила сигарету. Юэль уставился на ее красные губы. Внутри что-то екнуло. Вот если бы эти губы научили его целоваться. Это куда интереснее, чем с Эвой-Лизой.

— Я приготовила чай, — сказала Соня и встала. — Хочешь?

— Да, спасибо, — ответил Юэль.

Он терпеть не мог чай. От него только хочется писать. Но ведь сейчас сама Соня Матсон предлагает ему. Отказаться невозможно.

Соня принесла в комнату чашки и чайник. Юэль сделал глоток. Чай был невкусный, но он стал пить.

— Расскажи, как все случилось, — попросила Соня. — Тогда, в бурю.

Юэль рассказал обо всем. О том, как он нашел Симона и как тащил его к дому. Поскольку она, наверно, все это уже слышала, он не решился ничего приукрасить. Хотя ему ужасно хотелось.

— Должно быть, ты сильный, — сказала она. — И упорный.

— Да ну, — отмахнулся Юэль. — Я просто очень старался.

Девушка отставила чашку и зажгла новую сигарету.

— Ты журишь? — спросила она.

Юэль чуть было не ответил, что да. Но вовремя спохватился. Если он возьмет в рот сигарету, то тут же закашляется.

Он покачал головой. Курить он не хочет.

— А теперь ты можешь спрашивать меня, — сказала Соня. — Два вопроса. Не больше.

Юэль задумался. Два вопроса это не так много. Он должен подумать. Что же ему действительно хочется узнать?

— Зачем ты сюда приехала? — спросил он.

Ответ на этот вопрос ему больше всего хотелось услышать. Как человек, живущий в Стокгольме, может по собственной воле отправиться в такую глушь?

— Мне нужно было уехать, — ответила Соня. — Я так устала от всего.

Юэль заметил, что она переменилась в лице. Вдруг в одно мгновение посерьезнела.

Он подумал, что спросил о чем-то, что ей неприятно.

— Вокруг меня было слишком много парней, — пояснила она. — И от некоторых из них я никак не могла отделаться. Поэтому я приехала сюда. Сколько я здесь пробуду, пока не знаю. Посмотрим. Как мне понравится. Как я буду тут себя чувствовать. И как все сложится. Перенесу ли я вашу зиму.

Юэль пытался понять, о чем она говорит. Слишком много парней? Что это значит? И почему она не могла от них отделаться?

Следующий вопрос должен был быть последним. Юэлю не пришлось долго думать. Он сгорал от любопытства и не отрицал, что ревнует.

— С кем ты приходила на днях в кино?

Соня застыла, не донеся чашку до рта.

— А откуда ты знаешь, что я была в кино?

— Я тоже был там, — ответил Юэль. — Но фильм показывали дрянной.

— Но ведь детей на него не пускали, — удивилась она. — А тебе нет пятнадцати.

— Я прошел через потайную дверь, — объяснил Юэль.

Она поставила чашку на блюдце.

— А вот теперь ты мне врешь, — сказала Соня.

Она впервые рассердилась.

— Это правда, — настаивал он.

— Ну и как же закончился фильм? — резко спросила девушка.

— Не знаю.

— Значит врешь.

— Мне пришлось уйти незадолго до конца. Иначе Энгман заметил бы, что кто-то пробрался без билета. Нельзя оставаться в зале, когда зажгут свет.

— Кто такой Энгман?

— Сторож в кинотеатре.

— Я тебе не верю. Тебя там не было.

— Я могу рассказать, что происходило за пять минут до конца.

Слова потекли из него рекой. Он говорил и говорил, пока она ему не поверила. Он пересказал весь фильм от конца до начала. Он рассказал о двери в подвал. Единственное, о чем он умолчал, это об Эве-Лизе.

Соня снова заулыбалась. Она ему поверила.

— Значит мы были в кино одновременно, — сказала она. — И ты хочешь знать, с кем я пришла?

— Кто сидел рядом с тобой и держал тебя за руку?

К своему удивлению Юэль заметил, что произнес это с раздражением.

Она тоже это почувствовала.

— Это останется моей тайной, — сказала она. — Я разрешаю ему держать меня за руку, но ничего больше.

— И ты не танцевала перед ним в прозрачных одеждах?

Юэль едва не откусил себе язык, но было уже поздно. Сказанного в рот не воротишь. Ведь у слов нет позади веревочек. Юэль часто думал, когда ляпнет что-нибудь сгоряча, что лучше бы ему запихнуть слова обратно.

Соня с удивлением смотрела на него.

— Что такое ты говоришь? — спросила она.

— Ничего, — поспешил ответить Юэль.

Он увидел, что она задумалась.

— Ты дал Отто три кроны, чтобы продать мне журналы, — медленно произнесла она. — И думаю, ты нарочно оставил у меня варежку, когда был здесь. Ты едва сдерживаешься от злости, когда говоришь, что видел меня в кино с парнем, который держал меня за руку. Ты даже выдумал, что у тебя есть брат. Зачем ты все это делаешь?

Юэль покраснел. Он уставился в пол.

— Я не кусаюсь, — продолжала Соня. — Я не дерусь, не царапаюсь и не щиплюсь, если только не захочу. А сейчас я не хочу. Так зачем ты все это делал?

Она стала говорить очень тихо. Юэль не смел поднять на нее глаза.

— Я никому не разболтаю, — пообещала она. — Все, что ты скажешь, останется в этой комнате, между нами. Клянусь тебе.

Юэль украдкой взглянул на нее.

— Я клянусь, — повторила она. — Клянусь.

Юэль не мог решиться. Но все же сказал. Он думал, что упадет на пол замертво.

— Я хотел, чтобы ты открыла мне дверь, одетая в прозрачные одежды. И ничего больше.

Он произнес это очень тихо. И очень быстро. Но она услышала.

— Зачем тебе это? И почему именно я?

— Не знаю. Но пусть это останется тайной.

Соня откинулась на спинку стула и стала внимательно разглядывать Юэля. Он с трудом мог смотреть на нее. Он надеялся, что она не выкинет его в окно. А просто выгонит в дверь.

Это он тоже ей сказал.

— Мой папа Самуэль хотел бы, чтобы я вернулся домой целым и невредимым. Мне пора.

Он начал подниматься.

— Ты успеешь выпить еще чашку чая, — ответила она. — Я вскипачу еще воды.

Она взяла чайник и ушла на кухню. Юэль почувствовал, что стал мокрый, как мышь. Может, ему стоит воспользоваться случаем и улизнуть? Ей не видно коридор из кухни.

Но он остался. И слышал, как она звенит посудой на кухне. А потом все смолкло. Юэль ждал.

Вдруг она появилась. В проеме кухонной двери. И она была голой. Вернее, на ней было что-то прозрачное, может, занавеска или тюль. Юэль не мог оторвать взгляда.

Потом она снова исчезла.

Через несколько минут она вернулась. На ней опять был купальный халат. В руке она держала чайник.

— Я видел тебя, — сказал Юэль.

Она удивленно посмотрела на него.

— Что ты видел?

— Тебя в прозрачных одеждах.

Она наморщила лоб.

— По-твоему, я стояла там в прозрачных одеждах?

— В проеме кухонной двери.

— Тебе это привиделось.

Юэль задумался. Он понял, что она хочет, чтобы это осталось только между ними, стало тайной для них двоих. А чтобы скрыть тайну, нет лучшего способа, чем сказать, что случившееся просто привиделось.

— Да, — согласился он. — Мне это всего лишь показалось.

— И никогда больше не повторится, — сказала Соня. — Запомни.

Она произнесла это с улыбкой. Но твердо.

— Это никогда не повторится, — решительно сказал Юэль. — Такие видения приходят только один раз в жизни.

Они замолчали и стали пить чай.

— Теперь тебе пора, — заметила она. — Уже поздно, и мне надо ложиться спать.

Юэль надел в прихожей куртку. Она стояла у открытой двери и смотрела на него.

— Спасибо за видение, — поблагодарил он перед уходом.

— Не за что, — сказала она. — Почти совсем не за что.

Когда Юэль вышел на улицу, он обернулся. Соня стояла у окна. Он помахал ей рукой, она ему подмигнула.

Он шел домой сквозь темноту. Ночь была звездная и холодная. Его охватило такое чувство, будто он в церкви.

Весь мир — это церковь.

А дорога домой ведет между невидимыми скамьями.

Юэль видел ее голой. Одну короткую секунду. Или две. Но теперь он знает. Это совсем не то, что в журналах у Отто. Во всяком случае не совсем то. Тут есть и что-то совершенно иное.

Несколько раз ему приходилось останавливаться. Делать вдох, выдох, снова вдох.

Затем он побежал.

Если бы тут была Эва-Лиза, ему удалось бы в первый и, наверно, единственный раз догнать ее.

Юэль подумал, что должен кому-нибудь это рассказать, хотя ему и не разрешили. И он пообещал.

Вдруг он остановился. «Есть только один человек, — подумал Юэль, — который точно не разболтает». Он повернул в другую сторону и снова побежал.

На этот раз ему не было так страшно. Кладбище не пугало его. Он стоял перед могилой Ларса Ульсона. Здесь он дал новогодние клятвы. И уже теперь мог сообщить, что одна из них выполнена.

— Я видел голую женщину, — сказал он. — Соню Матсон.

Могильный камень молчал.

— Я очень хочу, чтобы Симон поправился, — пробормотал он вдовавок. — Я не хочу, чтобы он умер.

Никакого ответа. Но Юэль и не ждал ответа.

Он снова побежал. Теперь по дороге к дому. Там у радиоприемника сидит Самуэль и ждет его. Или, может, он уже спит?

Но когда он приошел на кухню, черная лавина снова обрушилась на него.

Самуэля дома не было. Он исчез.

Юэль опустился на стул и завыл, как одинокий пароходик в тумане.

Больше он уже не может. Пусть Самуэль теперь ухнет до смерти, если хочет.

Но хочет он или нет? Юэль был уверен, что нет. Самуэль всегда делал то, чего не хотел.

На столе стояла наполовину недопитая чашка кофе. Юэль опустил в нее палец.

Кофе был еще теплый.

Он вскочил со стула.

Это означало, что Самуэль не успел далеко уйти.

Может, ему удастся поймать отца до того, как тот начнет пить?

Юэль натянул шапку.

И снова вышел в ночь.

Глава двадцатая

Юэль неподвижно стоял на улице. Хотелось отдышаться. Медленно оглянулся в одну, в другую сторону. Самуэля нигде не было видно. Звезды в небе над головой теперь исчезли. Откуда ни возьмись появилась туча. Может, снова пойдет снег.

Но звезды не помогли бы ему найти Самуэля. Едва ли они указали бы его кораблю, куда плыть. Ни Большая Медведица, ни Орион. Юэль напряженно думал.

Самуэль редко приходил пить в одно и то же место несколько раз подряд. Поэтому лачугу у реки, где пьянствуют Ворон и братья Томте, можно вычеркнуть из списка.

Юэль продолжал размышлять дальше. Больше всего ему хотелось настичь Самуэля до того, как тот дойдет до места. Куда бы он ни шел.

Одиноким пароходик все еще гудел внутри него. «Я дам ему по морде, — с горечью думал Юэль. — Я заеду ему прямо в нос. Так, что он рухнет.

Если уж я смог в снежную бурю вытащить из леса Симона, я смогу дотащить домой и Самуэля. А потом крепко привяжу его к кровати».

Юэль отправился к западной окраине города. Там есть два места, куда мог пойти Самуэль. Сначала Юэль шел медленно, потом все быстрее. Когда Самуэлю приспичит выпить, он всегда спешит. Как будто у него схватило живот и ему нужно в туалет. Сколько времени у него осталось, Юэль не знал. Ведь чуть теплая чашка кофе это не часы. Он прибавил ходу. Город спал.

«Вот я иду, — думал Юэль.

По следам Самуэля. Которому я поклялся набить морду, как только я его поймаю.

А потом я поволоку его домой.

Или мне стоит выкинуть его на помойку, чтобы раз и навсегда разделаться с этой проблемой? Потом я сяду в автобус, идущий в Юсдаль, и поеду к морю, на остров Питкерн».

Он поравнялся с железной дорогой. Рядом темнело большое здание скотобойни. Горящие фонари встречались все реже. Юэль быстрым шагом шел вперед. На перекрестке он остановился.

Он увидел Самуэля. Это мог быть только он. Он направлялся к лесопилке. Там есть несколько мест, где собираются пьяницы. Юэль знал, что как-то раз туда приезжала полиция. Во время драки у кого-то ока-

зался нож. Об этом писали в газете. Юэль помнил, что Самуэль, прочитав об этом, сильно побледнел.

Заметив отца на дороге, Юэль почувствовал облегчение и злость. Это означало, что он успел как раз вовремя. Самуэль еще не уселся с бутылкой или стаканом в руке.

Юэль побежал. Снег скрипел под ботинками. Но Самуэль не слышал. Он заметил сына только тогда, когда тот оказался прямо рядом с ним.

Самуэль остановился и посмотрел на Юэля. Потом опять зашагал. — Иди домой, Юэль. Не ходи за мной, — сказал он.

Но Юэль шел впереди Самуэля. Задом наперед.

— Ты обещал, что больше пить не будешь. Разве не так?

Самуэль не отвечал. Он пытался обойти мальчика. Но Юэль не пропустил его. Он злился. Так, что слезы готовы были брызнуть из глаз.

— Пойдем со мной домой, — сказал он.

— Я приду потом, — отвечал Самуэль. — Мне нужно немного встряхнуться. Слишком уж тоскливо сидеть дома.

— И ты не мог придумать ничего лучше, чем напиться.

— Я берусь за стакан, когда сам захочу.

Юэлю казалось, что он разговаривает с бревном. Самуэль не слушал его. Мальчик остановился. Отец шел прямо на него.

— Пойдем со мной домой, — повторил Юэль, умоляющим голосом.

— Я приду позже, — снова сказал Самуэль. — За меня не волнуйся.

Эти слова прозвучали для Юэля, как гром. *За меня не волнуйся.* Самуэль что, совсем ничего не понимает?

Юэль бросился на него и стал колотить его в грудь. Самуэль споткнулся. Он упал и увлек за собой Юэля. Они утонули в сугроб. Перед глазами у Юэля возникла Эва-Лиза. Как он в отместку запихивал ей снег за шиворот.

Почему бы ему не проделать то же самое с Самуэлем? Он принялся бросать снег отцу в лицо. Самуэль удивленно хрюкал и ворчал. Потом стал защищаться. Но Юэль не отступал. Он швырял снежные комья ему в лицо и старался засунуть их ему под рубашку. Остановился он только тогда, когда Самуэлю удалось схватить его за воротник куртки и отбросить в сторону.

— Что это на тебя нашло? — сказал Самуэль и начал счищать с себя снег.

Юэль опять набросился на него. Теперь он уже не швырял снег. Он просто бил Самуэля, который защищался, как мог.

Потом все кончилось. Юэль остался лежать на спине посреди дороги. Самуэль встал.

— Здесь нельзя лежать, — сказал он.

— Почему? — спросил Юэль. — Хочу и буду лежать, и замерзну тут насмерть.

Самуэль нагнулся к нему, взял его за руку и поднял. Отец умел быть сильным, когда хотел.

— Ну хватит этих глупостей, — сказал он. — Теперь ступай домой, и оставь меня в покое. Я взрослый человек и делаю, что хочу.

— Если кто тут и взрослый, так это я, — ответил Юэль. — А ты — не знаю.

— Ты что, издеваешься над своим отцом?

— Вовсе нет. Просто говорю все, как есть.

Самуэль занервничал. Конечно, ему хотелось выпить. А когда он нервничал, он мог вспылить. Юэль шагнул назад.

— Теперь иди домой, — повторил Самуэль.

— Я сожгу дом, — ответил мальчик.

Теперь отец начал злиться. Он нервничал и все больше распалялся. Он попытался схватить Юэля. Но тот был начеку и отскочил в сторону.

— Если ты скажешь еще хоть слово, — зашипел Самуэль, — если ты сейчас же не пойдешь домой, я не знаю, что сделаю.

— Ты всегда можешь меня убить, — отвечал Юэль. — Но кто тогда будет готовить тебе еду?

Самуэль снова сделал попытку схватить его. Они стали кружиться на дороге друг против друга.

— Ну-ка повтори, — с угрозой произнес Самуэль.

Юэль крикнул так, что даже эхо отозвалось:

— Ты всегда можешь меня убить! Но тогда некому будет готовить тебе еду!

— Люди услышат, — осадил его Самуэль. — Не кричи.

Теперь уже у него был умоляющий голос.

— Тут никого нет, — сказал Юэль.

Но больше он не выдержал. Силы покинули его. В нем словно что-то лопнуло.

— Сейчас же иди домой, — снова сказал Самуэль. — Оставь меня в покое. Я скоро вернусь. Это в последний раз. Я обещаю.

Он повернулся. Юэль увидел его сутулую спину. Видел, как он уходил, становясь все меньше и меньше. Наконец он полностью исчез в темноте.

Юэль пошел домой. В голове было совершенно пусто. Сил больше не осталось. Если жизнь пойдет так и дальше, то она ему не нужна. Что бы он ни делал, Самуэль все ему портит.

Мальчик подошел к дому у реки. Он все решил. Вошел в дом, взял матрас и одеяло. Затем вытащил из сарая кровать и поставил ее у ступенек. Когда Самуэль наконец-то вернется домой, он не сможет не заметить его. Как бы пьян он ни был.

Юэль лег и натянул одеяло поверх головы. Стоял мороз. Но его это не заботило. Его уже ничто не заботило.

Постепенно он весь оцепенел. И уснул.

Одинокие снежинки падали на одеяло. Вскоре их стало больше. Опять пошел снег, неслышно падая в ночи.

Юэлю снился сон. Утро, он поднимает жалюзи. Во сне он даже слышит, как она шушит. Вечером, когда он ложился спать, за окном было белым-бело. Теперь все изменилось. Изумленно смотрел он во двор. Перед ним раскинулось море. Оно было сине-зеленое и переливалось в солнечных лучах. Далеко вдали у горизонта прыгали дельфины. Под окном был берег. К нему подплывала рыбацкая лодка. Загорелые мужчины веслами укрощали волны. Лодка взлетала на гребень волны. Позади у кормового весла стоял кто-то очень знакомый. Это был Симон. «Остров Питкерн, — подумал Юэль. — Мы все-таки добрались до него. Теперь я здесь. Симон выздоровел и приехал вслед за нами с Самуэлем». Юэль раскрыл окно. Он услышал, как кто-то зовет его.

Когда он открыл глаза, то поначалу не мог разглядеть лицо прямо перед собой. Потом увидел, что это Самуэль. Но Юэлю было все равно. Он хотел снова уснуть. Хотел опять вернуться в свой сон. Что-то приподняло его. Он подумал, что это волна. Он плавал в теплой воде. Может, на одном из тех дельфинов, которых только что видел.

Юэль спал глубоко, и не хотел просыпаться. Кто-то потряс его. Он попытался отмахнуться, но некто продолжал его трясти. Наконец ему пришлось открыть глаза.

Теперь он ясно увидел. К нему приближалось лицо Самуэля.

— Ты что задумал? — сказал отец. — Ты мог бы замерзнуть насмерть здесь, во дворе. Что бы случилось, если бы я не пришел?

Юэль начал припоминать. Он понял, что лежит в кровати Самуэля. Ноги его были укрыты маленьким ковриком. А живот согревала грелка. Но его все равно бил озноб.

Он постарался собраться с мыслями. Видимо, он лег в кровать на улице и заснул.

Мальчик посмотрел на Самуэля. Глаза у отца не были красными. И от него не пахло спиртом.

— Ты мог замерзнуть насмерть, — повторил Самуэль.

— Может, это было бы к лучшему, — ответил Юэль. — Я избавил бы тебя от хлопот.

— Не говори так, — сказал Самуэль.

Юэль увидел, что глаза у отца блестят.

Он привстал. Все тело ломило.

— Почему ты вернулся? — спросил он.

Самуэль покачал головой.

— Я дошел туда, куда собирался, — сказал он. — Но вдруг понял, что не могу там оставаться. Не знаю почему. Я вернулся домой, а ты лежишь тут, во дворе, засыпанный снегом. Ты ведь мог замерзнуть насмерть. Ты это понимаешь? Что произошло бы, не приди я домой так быстро?

— А что бы произошло?

Самуэль не ответил. Просто покачал головой.

Юэль очень устал. Он поудобнее устроился в постели. Хотелось поскорее снова попасть в сон.

Самуэль ведь был дома.

Он вернулся.

Утром Юэль проснулся рано. Он лежал в постели Самуэля и пытался припомнить, что вчера случилось. Сон с него как рукой сняло. Он лег спать во дворе, и чуть не замерз насмерть. Юэль ощупал всего себя под одеялом. Пошевелил пальцами ног и сжал кулаки. Все-таки он их не отморозил. Потом он встал и надел большие папины тапочки.

Самуэль спал в кровати Юэля. Мальчик подумал, что это, наверно, было бы очень хорошо, чтобы они раз и навсегда поменялись кроватями. Потом он пошел на кухню. В окне он видел, как падает снег.

Но он видел и кое-что еще.

Кровать все еще стояла во дворе. Она была вся белая. Самуэль оставил на ней матрас. Казалось, будто в постели спит человек.

Юэль испугался. Что же он натворил? Ведь он мог быть уже мертв. Так же, как Ларс Ульсон. Такой же юный. Если бы Самуэль не вернулся.

Отец передумал. Он не стал снова пить. Поэтому там, во дворе, под снегом погребен лишь матрас.

Мальчик сел за стол. Зажег свечу. Запах стеарина успокаивал.

Ему часто думалось, что мама Энни должна пахнуть, как горящая стеариновая свечка.

На часах еще не было шести. Скоро проснется Самуэль. Юэль зажег огонь под кофейником. Потом оделся.

Когда кофе был готов, он услышал, что Самуэль встал с кровати. Отец вышел на кухню.

— Кофе готов, — сказал Юэль.

Самуэль взглянул на сына.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Хорошо.

Больше они ни о чем не говорили. Это было не нужно. Самуэль и Юэль могли разговаривать друг с другом без слов ничуть не хуже, когда оба были в напряжении. А сегодня было как раз такое утро.

Самуэль оделся и сел пить кофе.

— Кроме Сары есть еще и другие, — сказал Юэль. — А тебе надо бриться почаще.

— Знаю, — сказал Самуэль.

Юэль пил молоко из стакана.

— Нам надо уехать, — продолжал он. — Ведь школы есть и в других местах. И лес, конечно, тоже есть. Если ты непременно хочешь всю жизнь рубить деревья.

Самуэль поднял на него глаза, но ничего не ответил.

— Наверно, лес есть и на острове Питкерн, — предположил мальчик. — Во всяком случае туда можно написать и спросить.

— Напиши, — сказал Самуэль. — Я дам тебе денег на почтовую марку.

— Вопрос только в том, сколько она стоит, — заметил Юэль. — Остров находится далеко.

Самуэль погрустнел.

— Об этом, наверно, лучше спросить на почте, — предположил он. Но у Юэля появилась другая идея.

— Я пожелаю себе марку в подарок на Рождество, — сказал он.

— Так долго мы не можем ждать, — возразил Самуэль и встал.

Потом он положил на стол рядом со свечкой пятикрановую бумажку.

— Этого во всяком случае должно хватить, — произнес он.

— Конечно, — обрадовался Юэль. — Ведь земля не такая уж большая.

Самуэль ушел. Юэль видел в окно, как он поставил на землю рюкзак и отнес кровать в сарай. Потом обернулся и подмигнул. Юэль подмигнул ему в ответ.

Он собрал все необходимое для школы. Скоро начнутся рождественские каникулы. Он подумал, будут ли у него хорошие оценки в четверти. Единственный предмет, в котором он мог быть уверен, это география. Больше всего его беспокоило, что фрёкен Недерстрём поставит ему за поведение и прилежание. Здесь можно ожидать неприятных сюрпризов.

Юэль погасил свечу. Вдохнул ее запах. Подумал о маме Енни. И Соню Матсон.

Но больше всего про Эву-Лизу.

Потом он пошел в школу.

На этот раз он вышел вовремя.

А время бежало вперед...

Приближалось Рождество. Школу закрыли на каникулы. Школьников собрали в церкви слушать скучнейшую рождественскую речь старшего учителя, и Юэля против его воли нарядили Стаффаном Конюхом*.

Возвращаясь домой, Юэль нес в кармане куртки свои оценки за четверть. Они оказались не так плохи, как он опасался, хотя могли бы быть и получше. Но Юэль знал, что Самуэль все равно будет радоваться и гордиться. Несмотря ни на что Юэль — один из десяти лучших учеников в классе. И у него самая высокая оценка по географии.

Он положил дневник с оценками на стол на кухне.

А потом отправился в больницу навестить Симона. Тому все еще было плохо. Но врач сказал, что теперь, вопреки всему, Симон, возможно, и поправится. И даже сможет говорить.

— Симон никогда не много болтал, — заметил Юэль. — Достаточно того, если он научится говорить хоть чуть-чуть.

Выйдя из больницы, Юэль увидел, что на улице его ждет Эва-Лиза. Они поднялись по холму до дома Симона и покормили собак. Они делали это каждый день. Юэлю пришлось сказать Крингстрёму, что он не сможет приходить учиться играть на гитаре, мыть посуду и выгирать пыль, пока Симон болеет. Крингстрём слышал обо всем, что случилось, и согласился, что Юэль может приходить, когда сам пожелает.

Многое стало по-другому. Каждый раз, когда Юэль заходил за продуктами, Соня Матсон стояла за прилавком и улучала минутку, чтобы поболтать с ним.

Толстым теткам это не нравилось. Но Соня сказала им, что если им не хочется ждать своей очереди, они могут покупать продукты в другом магазине.

У Юэля с Соней была своя тайна. И это никого больше не касалось.

Самуэль перестал уходить по ночам из дома и напиваться. Конечно, Юэль не мог быть полностью уверен, что он не исчезнет снова. Но

* Стаффан Конюх — народный вариант имени Святого Стефана в Англии и Скандинавии. По легенде Святой Стефан служил конюхом у царя Ирода и первым заметил вифлеемскую звезду.

все же Самуэль всерьез подумывал о том, чтобы уехать из города. Может, он попытается снова вернуться к морю?

Самуэль прочел *«Мятеж на Баунти»*. А потом начал перечитывать заново.

Юэль решил подождать с закаливанием. Он не станет снова спать в заснеженной кровати. Это он оставит на потом. Ведь до 2045 года еще много времени.

Но он все еще верил, что должен стать королем рок-н-ролла. Он понял, что это потребует больше времени, чем он ожидал. Только научиться играть на гитаре не так легко, но играл он уже лучше. Он знал теперь девять аккордов, и струны перестали теперь так больно вшиваться в пальцы.

Эва-Лиза все ходила по вечерам вместе с Юэлем в дом Симона. Они никогда не говорили о том, что произошло тогда у нее дома.

А Юэль ждал и ждал.

В тот день, когда у них в школе был рождественский вечер, Эва-Лиза, как обычно, пошла с ним в дом Симона. Но пока Юэль кормил собак, она внезапно пропала.

А когда вернулась, губы у нее были накрашены красной помадой. Они стояли посреди домика.

— Сейчас я научу тебя целоваться, — сказала она.

И выполнила свое обещание. Юэль понял, что он запомнит это чувство на всю жизнь. Губы Эвы-Лизы коснулись его губ.

Потом она хихикнула.

А Юэль покраснел.

Наступило последнее воскресенье перед Рождеством. Юэль спросил у Эвы-Лизы, не хочет ли она пойти с ним посмотреть, как проходит ночной поезд.

— А разве там есть на что смотреть? — удивилась она.

— Может, кто-нибудь сядет на поезд и уедет отсюда, — объяснил Юэль.

— Или кто-нибудь сойдет с поезда. А я смогу послать письмо. Тут Эва-Лиза всерьез заинтересовалась.

— Кому это? — спросила она.

— Одному человеку, которого ты не знаешь?

— Девочке?

— Нет.

— Правда?

— Честное слово.

Когда пришел поезд, на станции собралось много народа. Тормозя железными колесами, состав скрежетал и шипел. Начальник станции Книф расхаживал вокруг с суровым видом и следил, чтобы все происходило, как положено. Юэль потянул Эву-Лизу к почтовому вагону. В руке у него было письмо.

— Кому это письмо? — снова поинтересовалась она.

— Я расскажу тебе как-нибудь в другой раз. Но не девочке.

Когда Книф повернулся спиной, Юэль сунул конверт в щель почтового ящика.

На этот раз он наклеил настоящую марку.

Юэль и Эва-Лиза стояли на станции и смотрели, как поезд тронулся на юг, туда, где были железнодорожный мост и весь остальной мир.

А потом они бродили по улицам, останавливаясь у окон и глядя на витрины, украшенные к Рождеству.

Юэль спросил у Эвы-Лизы, не будет ли она против того, чтобы пойти навестить Гертруд. Эва-Лиза еще не бывала у нее. А сам Юэль подумал, что не видел Гертруд очень давно.

Девочка охотно согласилась. Но только не сегодня. Сейчас уже поздно. Ее родители рассердятся, если она не вернется вовремя.

Юэль проводил ее до дома.

Посмотрел, как она исчезла за дверью. С радостью подумал, что снова увидит ее завтра. Ведь ему нужно поупражняться в поцелуях.

Вечер был звездный и холодный. Юэль остановился между двумя фонарями и взглянул на небо.

Он думал о письме, которое он написал и которое он отправил на юг. Дойдет ли оно?

Но адрес он во всяком случае указал точный:

«Потомкам штурмана Флетчера.

Остров Питкерн».

Юэль направился к дому. Там его ждал Самуэль.

«У человека должны быть по крайней мере две тайны, — подумал Юэль. — Иначе нельзя жить.

У меня была тайна — Соня Матсон.

А теперь появилась еще одна.

Теперь у меня есть письмо на остров Питкерн».

Но он еще не был уверен, стоит ли ему рассказывать о письме Эве-Лизе. Разделить с кем-то тайну — это такой же важный шаг, как завести ее.

Вдруг она подумает, что это глупо? Написать письмо кому-то, кого, может, и на свете-то нет. Отправить его на далекий-далекий остров, куда едва можно добраться.

Но тут уж ничего не поделаешь.

Юэль научился целоваться.

Но все еще оставался ребенком. И хотел им оставаться. Пока он не почувствует себя взрослым.

Он шел быстро, потому что было холодно.

Как только он открыл калитку и увидел в окне наверху тень Самуэля, начал падать снег.

«На этот раз я не дал себя обмануть, — подумал Юэль.

Снег идет бесшумно. Подкрадывается, как зверь.

Но на этот раз я начеку».

Затем Юэль быстро вошел в дверь. Казалось, теперь все изменилось к лучшему. Наступало Рождество. Самуэль принес елку, и они вместе нарядили ее. Пахло стеариновыми свечками. У Юэля теперь была Эва-Лиза, и она будет с ним и завтра.

Самуэль сидел на кухне и ждал его. У него был озабоченный вид. Юэль испугался, наверно, отец недоволен, что он гулял допоздна.

— Сейчас каникулы, — сказал мальчик. — Мне не нужно завтра рано вставать.

Но Самуэль продолжал смотреть на него.

— Симон умер.

Юэль услышал, что сказал Самуэль. Но не понял.

— Нет, — ответил он. — Симон не умер. Я говорил с врачом. Он обещал, что Симон выздоровеет. И даже снова сможет говорить.

— Симон умер, — повторил Самуэль.

Юэль помотал головой.

— Сначала ему вроде бы стало лучше, — продолжал Самуэль. — А потом вдруг умер. Перестал дышать. И умер.

— Но почему?

Юэлю пришел на ум только один вопрос. Это было единственное, о чем он мог думать.

Почему Симон должен был умереть, когда Юэль вытащил его из снежного моря на берег, словно потерпевшего кораблекрушение?

— Смерть никогда не приходит вовремя, — сказал Самуэль.

Юэль почувствовал ком в животе. Он вспомнил о собаках. Сейчас они сидят на лестнице у симонова дома и воют. А куры в кабине грузовика? Как горюют они?

— Симон не может умереть, — снова повторил Юэль. — Ведь я одолжил у него гитару. Он не может умереть, пока я ему не верну ее.

— Симон умер, — опять сказал Самуэль.

И тогда Юэль понял: Симон действительно умер.

Позже, ночью, когда сна не было ни в одном глазу, Юэль забрался на подоконник. Он постарался съёжиться, чтобы уместиться в оконной нише. Как раньше.

«Вот так жизнь и пойдет, — думал он. — Вперед и вперед, без остановок. И смерть будет приходить всегда не вовремя. Зачем же тогда упрямо стараться дожить до ста лет? Спать в заснеженной кровати, чтобы стать выносливее?

Я должен решить, — подумал Юэль. — Теперь, когда Симон умер. Остаться ли мне ребенком или нет. Если только человек может выбирать».

Он пытался найти ответ. Но не мог.

Наконец он так и уснул на подоконнике.

А снег тихо падал и падал всю ночь.

Письмо, написанное в доме у реки

Меня зовут Юэль. А моего папу — Самуэль. Наша фамилия Густафсон. В нашем доме на стене под стеклом висит корабль, который называется «Целестина». Мне кажется, он похож на «Баунти». Мы живем у реки, по которой никогда не плавают корабли. По ней сплавляют только бревна, вода здесь холодная, и не растут пальмы. А летом пищат комары.

Мы поедем на остров Питкерн, мой папа и я.

Я не могу сказать, когда мы приедем, потому что не знаю, когда мы сможем отправиться. Может, как только растает снег и наступит весна? Человек не должен терять надежды.

А бывает ли снег на острове Питкерн? По карте этого не поймешь. Но если там идет снег, я могу взять с собой лыжи. Самуэль ходит на лыжах ужасно плохо.

Мы читали о мятеже и думали, что вы поступили правильно. Капитан Блай был жестоким человеком. Он не понимал, как тяжело приходилось команде. Как трудно было покидать рай, где женщины гуляют по берегу в прозрачных одеждах, сквозь которые просвечивает их тело. А Флетчер — герой. Мир его праху.

Мы приедем на остров Питкерн и поселимся там. Есть ли у вас гостиница? Лучше бы она была дешевой, потому что денег у нас немного.

Самуэль спрашивает также, есть ли у вас школа. Но мне это не так важно.

Самуэль умеет рубить деревья в лесу. В этом ему нет равных. Если только у вас есть лес.

А сам я, Юэль Густафсон, пока еще не очень большой. Но я никому не причиняю хлопот.

Когда мы приедем, пусть какая-нибудь женщина в прозрачных одеждах встретит Самуэля на берегу.

И меня тоже.

Всего доброго,
Юэль Густафсон.

19 декабря года 1958.

Х Е Н Н И Н Г М А Н К Е Л Л Ъ

*Мальчик, спящий
на заснеженной кровати*

Третья повесть о Юэле

Перевод Е. Ермалинской

Редактор *Ксения Федорова*
Оформление *Дмитрия Манахина*
Корректор *Наталья Пузанова*
Оригинал-макет подготовил *Константин Федоров*

Сдано в набор 1.11.1999. Подписано в печать 15.02.2000.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,5. Тираж 3000 экз. Заказ 1017

Издательство «МИК»
Москва, ул. Б. Переяславская, д. 15, кв. 52
Изд. лиц. № 060412 от 14 января 1997 г.

Отпечатано в ОАО «Типография Внешторгиздат»
127576, Москва, ул. Илимская, д. 7.

